

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ БЮДЖЕТ-
НОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВА-
НИЯ «ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Арустамян Жанетта Робертовна

**ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ
КАТЕГОРИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале малого фольклорного жанра анекдота)**

Специальность 10.02.05 – романские языки

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Кустова Елена Юрьевна

Пятигорск – 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	11
1.1. ВНЕЯЗЫКОВЫЕ СМЫСЛЫ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД.....	13
1.2. СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА (Ф. РАСТЬЕ И Ч.С. ПИРС).....	30
1.2.1. <i>Интерпретирующая семантика Ф. Растье как модель смыслообразования</i>	<i>30</i>
1.2.2. <i>Пирсова интерпретанта как основание интеракционного прагмасемантического анализа дискурса.....</i>	<i>38</i>
1.3. «РИТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ» СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ЕДИНИЦЫ РЕЧЕВОЙ ИНТЕРАКЦИИ	43
1.3.1. <i>Пресуппозиция, инференция, импликация: О. Дюкро, П. Грайс, Дж. Серль и другие.....</i>	<i>44</i>
1.3.2. <i>Типология имплицитности.....</i>	<i>49</i>
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	59
ГЛАВА II. РЕПЛИКА КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ МАРКЕР ИМПЛИЦИТНОГО СОДЕРЖАНИЯ	61
2.1. ЭНУНЦИАЦИЯ КАК РЕЧЕВОЙ АКТ. РЕПЛИКА КАК МАРКЕР ИМПЛИЦИТНОГО СОДЕРЖАНИЯ	62
2.2. ИНТЕРАКТИВНОСТЬ РЕПЛИКИ-МАРКЕРА ИМПЛИЦИТНОГО СОДЕРЖАНИЯ (Р- МИС)	74
2.3. ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ.	78
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	83

ГЛАВА III. ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК РЕЧЕЖАНРОВЫЙ МЕХАНИЗМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО АНЕКДОТА)	84
3.1. ФРАНЦУЗСКИЙ АНЕКДОТ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР	84
3.2. «КОГНИТИВНЫЕ ПРОГРАММЫ» ФРАНЦУЗСКОГО АНЕКДОТА.....	89
3.3. ПОЛЯРНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО АНЕКДОТА	92
3.4. НЕКОТОРЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ	94
3.5. МЕХАНИЗМ МАРКИРОВАНИЯ ИМПЛИЦИТНОГО СОДЕРЖАНИЯ: Р-МИС КАК ПУАНТА СКРЫТОГО СМЫСЛА	97
3.5.1. <i>Р-МИС: субстанция плана выражения.....</i>	98
3.5.2. <i>Р-МИС: форма плана выражения</i>	100
3.5.3. <i>Р-МИС: форма и субстанция плана содержания.....</i>	105
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ.....	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	116
БИБЛИОГРАФИЯ.....	119
ПРИЛОЖЕНИЕ I. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ФРАНЦУЗСКОГО АНЕКДОТА (ФРЕЙМЫ И ИХ СЛОТЫ)	148
ПРИЛОЖЕНИЕ II. В. В. ИВАНОВ О ПОСТИЖЕНИИ СМЫСЛА ЛИРИКИ Б. ПАСТЕРНАКА.....	151

ВВЕДЕНИЕ

Современные лингвистические исследования отмечены возрастающим интересом к явлениям и категориям, ранее не считавшимся «лингвистическими» в прямом смысле, к тем проблемам, которые выходили за рамки традиционного системного, уровневого и категориального описания языка. Как правило, это явления довербальной и поствербальной семантики, связанные с механизмами кодирования и интерпретации речи. В частности, к таким явлениям относятся механизмы смыслообразования в актуализированном в речи высказывании и смыслообмена в речевом взаимодействии. Любое актуализированное в речи высказывание может нести в себе дополнительные элементы плана содержания, не всегда напрямую связанные с лингвистическим компонентом (планом выражения).

Несмотря на то, что «скрытые» смыслы всегда так или иначе были объектом исследования современных лингвистов, филологов, психологов, философов, проблема имплицитности как категории мышления, языка и речи до сих пор не получила полного описания. Существующие исследования (см., напр., [Багдасарян 1983; Брутян 1992; Имплицитность 1999; Скрытые смыслы 2008; Hellman 1992; Kerbrat-Orecchioni 1986 и др.]) раскрывают различные стороны проблемы имплицитного содержания, но не вскрывают в полной мере интеракциональной природы рассматриваемого явления.

Объектом нашего исследования стала категория имплицитности прежде всего как категория речевого взаимодействия (интеракции), как имманентная составляющая когнитивного пространства коммуникантов.

Предметом исследования явились речевые механизмы импликаций с точки зрения кодирования и декодирования скрытой, не выраженной прямыми вербальными средствами информации, их типология, функционально-прагматические характеристики, языковые и речевые маркеры.

Актуальность данного подхода состоит в полиаспектном анализе речевого взаимодействия как совокупной реализации когнитивной и коммуникативной функций языка и речи; в исследовании фундаментальной роли

асимметрии плана выражения и плана содержания, их семиотической и когнитивной корреляции, обусловленной многочисленными параметрами действительностного, речевого и предметного аспектов ситуации речевого взаимодействия, влияющих на формирование когнитивного пространства речевой интеракции.

Различные аспекты имплицитного содержания находятся в центре внимания лингвистической мысли и стали в конце XX и начале XXI вв. предметом изучения как отечественных ([Акимова 1997; Алиева 2003; Аникина 2001; Анохина 2010; Арутюнова 1991; Багдасарян 1983; Бакланова 2006; Баранов 1998; Брутян 1992; Васильев 1988; Вербицкая 2005; Воробьева 2008; Говердовский 1985; Головач 1992; Гончарова 1995; Горелов 1980; Гунченко 1994; Дари 1986; Демьянков 1983; Дмитриева 1990; Долинин 1983; Ермакова 2010; Жабина 2007; Жарина 2006; Жулидов 1978; Змеева 1988; Иванкова 2007; Ивин 2004; Казачевская 2003; Калмыкова 1994; Кашичкин 2003; Кондрашова 2010; Кудинова 2009; Кулакова 2010; Ларина 2009; Лисоченко 1993; Лукина 1989; Масленникова 1999; Матвеева 1993; Милосердова 2010; Михайлова 2002; Москалева 1986; Нагорная 2003; Некрасова 2003; Нестерова 1988; Нефедова 2001; Павилёнис 1993; Пенина 2003; Попова 2006; Просяникова 2004; Раджабова 2005; Сенченкова 1991; Сергиенко 1995; Слепцова 2008; Сыщиков 2000; Федосеева 2005; Федяева 2009; Хворостин 2006; Шатилова 2010 и др.]), так и зарубежных ученых ([Грайс 1985; Растье 2002; Рикер 1995; Сиссоко 2002; Ducrot 1972; 1984; Hellman 1992; Heuvel 1985; Hymes 1982; Kerbrat-Orecchioni 1986; 2002; Серль 1986; Эко 2002; 2007 и др.]), работающих в разных методологических парадигмах. Обилие точек зрения, научных подходов и непреходящий интерес к рассматриваемой тематике свидетельствуют об актуальности и научной релевантности проблемы имплицитного смыслопорождения для современной лингвистики.

Научная новизна данного исследования заключается в когнитивно-прагматическом подходе к имплицитному содержанию речевой интеракции, рассматриваемой как ментальное пространство коммуникантов в процессе

его создания и как результат речевого обмена. Впервые на материале французского языка проводится исследование интеракциональной составляющей имплицитной информации, моделирование имплицитивного смыслообмена, типология имплицитных компонентов плана содержания речевого взаимодействия. Впервые имплицитность рассматривается как жанрообразующая категория, составляющая основу речевых произведений, построенных на имплицитивных механизмах смыслообразования (на материале французского языка).

Материалом исследования послужили произведения малых фольклорных форм (МФФ), построенные на механизмах имплицитивности, – французские анекдоты. Корпус исследования составили более 5000 контекстов употребления **имплицитных механизмов порождения смысла** разной типологии и степени маркированности.

Методологическую основу исследования составили концепции и отдельные положения языковых исследований, выполненных в русле когнитивного и интеракционального подходов к изучению речевого взаимодействия, таких авторов, как О.В. Александрова, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М.М. Бахтин, К. Бюлер, А. Вежбицка, Т.Г. Винокур, В.Г. Гак, Б.Т. Ганеев, И.Н. Горелов; В.З. Демьянков, К.А. Долинин, О. Дюкро, Залевская; К. Кер-брат-Ореккиони, А.А. Ивин, Р.И. Павиленис, Ч.С. Пирс, Р.К. Потапова, Ф. Растье, П. Рикер, Дж. Серль, У. Эко и др.

Исследование расширяет и углубляет комплексную проблематику, разрабатываемую в рамках интеракциональной парадигмы в частно-лингвистическом и сопоставительном аспектах в Пятигорском государственном лингвистическом университете [Алферов 2001; 2007; Быков 2003; 2007; Нефедова 2003; Федотова 2004; Попова 2004; Одинцова 2005; Тамразов 2006; Айрапетов 2006; Шамугия 2006; Гюрджян 2009; Кустова 2009; Тамразова 2009; Кулакова 2010; Волошина 2010; Черенков 2011].

Целью диссертации является:

1. Анализ имплицитности как имманентной прагма-дискурсивной и

коммуникативной категории речевого взаимодействия.

2. Определение типологии **имплицитных механизмов порождения смысла** и степени их маркированности в жанре фольклорных дискурсивных практик французской лингвокультуры (на примере французского анекдота).

3. Выявление основных функциональных средств реализации (манифестации) категории имплицитности в системе французского языка и речи.

Достижение данной цели потребовало постановки и решения ряда конкретных исследовательских **задач**:

1) определить категориальный статус имплицитности как лингвистического феномена, как речевой стратегии и механизма ее реализации;

2) рассмотреть когнитивные и языковые (дискурсивные) характеристики речевого взаимодействия как функциональной среды возникновения и реализации имплицитности;

3) исследовать градуальность имплицитности и провести компаративный типологический анализ маркеров имплицитного содержания в коммуникации;

4) выявить функциональный диапазон основных языковых и речевых средств реализации категории имплицитности во французских малых фольклорных формах (анекдотах);

5) выделить универсальное и особенное в реализации категории имплицитности во французском языке.

Такая постановка проблемы предопределила **основные положения** диссертации, выносимые на защиту:

1. Порождение имплицитного содержания является универсальной категориальной ситуацией обыденного и художественно-литературного коммуникативного взаимодействия.

2. Имплицитность проявляет когнитивно-логические и прагмалингвистические механизмы речевого взаимодействия.

3. Стратегия имплицитности амбивалентна и коррелирует как с положительными дискурсивными стратегиями (мейозис, мелиоративность), так и

со стратегиями, нарушающими принцип кооперации, направленными на ущемление «позитивного лица» собеседника (ирония, насмешка, сарказм).

4. Имплицитность основана на принципе экономии речевого усилия (А Мартине) и не противоречит связности и успешности дискурсивной реализации речевого взаимодействия.

5 Имплицитность реализуется в виде определенных категориальных ситуаций (фреймов), в частности, намека, инсинуации, иронии, дискурсивного манипулирования и т.д. и носит маркированный оценочно-прагматический и конвенционально-культурологический характер.

6. Ядерным средством реализации имплицитности в диалогическом дискурсе является **реплика** как особый тип высказывания, обладающий совокупностью нетривиальных пропозициональных, иллокутивных, аргументативных, интерперсональных и дискурсивных свойств.

7. Имплицитность градуальна и регламентируется более или менее эксплицитными средствами в разножанровых речевых практиках, в частности, в рассматриваемых в работе французских малых фольклорных формах (анекдоты и т.п.).

8. В жанре анекдота основным средством и жанрообразующим механизмом лежит пуанте — реплика-маркер имплицитного (выводного) смысла, лежащего в основе интегрального смысла текста анекдота и его перлокутивного эффекта — комического.

Задачи исследования потребовали применения определенных **методов исследования**. Были применены методики логического анализа языковых употреблений, корпусной лингвистики, лингвопрагматический метод контрастного анализа языковых, речевых средств и контекста (ситуации) речевого взаимодействия, а также семантико-компонентный, оппозитивный, интерпретационно-имплицитивный методы лингвистического анализа.

Теоретическая значимость работы состоит в применении концепции интегральной семантики при анализе имплицитных составляющих смысла высказывания и текста, объединяющих семантические и прагматические зна-

чения, причем последние — в качестве центрального компонента интерпретации. Такой подход позволил обосновать связь между интерпретирующей семантикой и компетентностным картированием когнитивного пространства коммуникантов, выявить центральную роль интерпретанты языкового знака, показать значимость отдельных маркеров имплицитного содержания, в частности, реплики-пуанты в малом фольклорном жанре анекдота на материале французского языка.

Практическая значимость данного исследования определяется необходимостью углубления лингводидактических аспектов коммуникативной компетенции за счет формализации имплицитной когниолингвистической составляющей как неотъемлемого параметра речевого взаимодействия с учетом этнолингвистических особенностей межкультурного общения. Знание механизмов интерпретации имплицитного содержания иноязычного высказывания является ключом к аутентичному речевому взаимодействию.

Результаты исследования могут использоваться при разработке отдельных тем в процессе изучения теории коммуникации и межкультурной коммуникации, прагматики и грамматики речи французского языка, интерпретации текста. Полученные данные могут служить материалом для написания квалификационных работ студентов.

Апробация теоретических положений и выводов диссертационного исследования осуществлялась в форме докладов на международных, региональных и межвузовских научных конференциях (Ростов-на-Дону 2009 г., Воронеж 2009 г., Пятигорск 2009-2011 гг.). Все основные положения диссертации изложены в 12 публикациях автора общим объемом около 3 п.л.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключение, Библиографии, Списка словарей и Списка источников примеров.

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, ставится проблема, определяются основная цель и задачи исследования, дается общая характеристика исследовательской парадигмы и методов

исследования, раскрывается научная новизна, теоретическое и практическое значение работы.

Первая глава «Интеракциональная категория имплицитности в речевом взаимодействии» посвящена раскрытию природы формирования имплицитного содержания высказывания, функционально-прагматическим характеристикам имплицитного смыслообразования как составляющей общего когнитивного пространства участников речевой интеракции.

Во **Второй главе** «Реплика как функционально-речевой маркер имплицитного содержания» выводится механизм маркирования имплицитного содержания в условиях речевого взаимодействия, позволяющий собеседникам осуществлять референцию к невыраженному эксплицитно интеракциональному смыслу.

В **Третьей главе** «Имплицитность как речевжанровый механизм (на материале французского анекдота)» рассматриваются особенности использования имплицитного смыслообразования в формировании жанровых особенностей текстов разной уровневой типологии, основанных на имплицитивных механизмах интерпретации.

В **Выводах**, подытоживающих каждую главу, и в **Заключении** обобщаются результаты, приводятся основные положения и подводится концептуальное обобщение проведенного исследования.

В **Приложении I и II** приводятся прототипическая тематика французского анекдота (концептуальное картирование пропозиционального пространства) и пример особенностей индивидуальной интерпретации имплицитности поэтического текста (Вяч. Вс. Иванов).

ГЛАВА I. ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Человека делает человеком в большей мере то,
о чем он умалчивает, нежели то, что он говорит.
(А. Камю. «Миф о Сизифе»)

Проблема имплицитности, не прямой передачи содержания в речи исследуется в современной лингвистической философии (логический анализ естественного языка), семиотике, психолингвистике.

По словам Б.Т. Ганеева, «любое высказывание, выполняющее коммуникативную функцию, следует рассматривать как незавершенное и неполное. Начальную семантику высказывания всегда дополняет и завершает семантический комплемент. Только совокупность (эксплицитного) высказывания и (имплицитного) комплемента представляет собой коммуникативно завершенное (полное) высказывание. При этом комплемент получателя сообщения почти никогда не совпадает с комплементом отправителя сообщения, а число комплементов каждого сообщения бесконечно. Чтобы высказывание было завершено, оно должно быть незавершенным. Незавершенность высказываний - это необходимое условие существования языка» [Ганеев 2005: 147].

Как отмечает О.А. Лаптева, «далеко не всегда сообщение воспринимается и понимается в соответствии с замыслом отправителя речи, и постоянно сопровождающие этот процесс смысловые смещения оказываются принципиальным свойством речевого взаимодействия. Это связано как с психологическими его особенностями, так и с возможностями самого языкового материала. Первые привлекали внимание психологов и психолингвистов, вторые же остаются не только не разработанными, но и практически не выявленными» [Лаптева 2009:3].

Языковая семиотика, как известно, отличается асимметрией плана выражения (означающего) и плана содержания (означаемого) [Карцевский 1965]. Асимметричная природа Языка «обрекает» его на потенциальную не-

определенность смысла речи как его функциональной реализации, которая, по словам Р. Барта, «обладает множеством смыслов» [Барт 1994: 353].

В.Г. Гак, развивающий идеи С. Карцевского в современном языкознании, писал: «Асимметрия объясняется в первую очередь не тем, что говорящие ограничивают количество элементов плана выражения или плана содержания, не имея возможности или желания удерживать большое число их в памяти. Основная причина асимметрии в том, что люди оперируют понятиями с расплывчатыми границами, хотя и с четким ядром. Это позволяет обозначать словесно любой объект, даже такой, для которого в языке нет особого наименования. Но эта важнейшая задача коммуникации осуществляется ценой нечеткости границ значения языковых элементов (слов, грамматических форм)» [Гак 1998: 123-124].

Изменения значений слов (семантические сдвиги), вариации в их употреблении определяются нечеткостью границ понятий, недискретностью ряда даже дискретных объектов, с которыми соотносится ряд слов, а также общелогическими отношениями понятий (подчинение или включение, соподчинение, пересечение, отношение целого и части и другие). «Неизбывность асимметрии, которая является движущей силой развития языка, определяется в первую очередь особенностями мышления и психологии самого именуемого — человека» [Там же].

Таким образом, план выражения и план содержания находятся как в отношениях симметрии (моносемия, однозначное, прямое значение), так и асимметрии (омонимия, полисемия, переносное косвенное значение). Оба отношения дополняют друг друга, взаимосвязаны и взаимозависимы.

Онтология асимметрии обоих планов языкового знака подчиняется принципу дополнительности, сформулированному Н. Бором [Бор 1958].

Асимметрию плана выражения и плана содержания в языке Вяч. Вс. Иванов связывает с данными нейропсихологии и нейрофизиологии об асимметрии полушарий головного мозга [Иванов 1998: 379-602].

1.1. Внеязыковые смыслы: когнитивный подход

Вяч. Вс. Иванов пишет: «Согласно традиционным выводам нейробиологии, намеченным отчасти уже в древнеегипетских медицинских папирусах, у взрослых людей (правшей и многих левшей) левое полушарие считается доминантным — главным. Оно управляет движениями главной — правой руки и речью (как будет видно из дальнейшего изложения, некоторые важные функции, связанные с речью, исполняет другое полушарие; в этом смысле термин «доминантный» несколько условен). [...] Правое полушарие, ограниченное в произнесении звуков речи, обнаруживает способность к пониманию звуковой речи, но это касается преимущественно лишь отдельных слов и словосочетаний и самых простых предложений. Но при этом именно правое полушарие располагает такими сведениями о внешнем мире, которые позволяют толковать смысл слов. Оно понимает, что стакан — это сосуд для жидкости, а спички используются для зажигания огня [Moscowitch 1976]. Если воспользоваться принятым в семиотике выделением в словах-знаках естественного звукового языка их означающей стороны — звучания и означаемой стороны — значения, то можно сказать, что правое полушарие сосредоточено на последней» [Иванов 1998: 412,431].

Таблица 1. Означаемое и означающее в функциональной асимметричности полушарий мозга (по В.В. Иванову):

Означаемая сторона знака		Означающая сторона знака	
денотат	сигнификат	слово	
	‘то, чем едят’	«ложка»	
иероглифы		фонетическое (звуковое) письмо	
ПРАВОЕ ПОЛУШАРИЕ		ЛЕВОЕ ПОЛУШАРИЕ	

Ср. [Иванов 1998: 430].

Как следует из этого представления, значение (сигнификат) функционально принадлежит обоим полушариям в разной качественной выраженности: «конкретная семантическая информация о внешнем мире, содержащаяся

в энциклопедических справочниках и толковых словарях естественных языков, в значительной степени хранится в правом полушарии. Реальный объем той семантической информации, которая хранится в правом полушарии, значительно больше, потому что при каждом слове, очевидно, запоминаются ассоциированные с ним толкования или пояснения, в частности, сопряженные с ним зрительные (или вообще пространственные) и иные образы. Значительная часть этой информации (в отличие от ей соответствующей в левом полушарии) кодируется в правом полушарии в несловесной форме. Кроме толкования типа «стакан — сосуд для жидкости» со словом *стакан* в правом полушарии могут быть ассоциированы конкретные образы разных стаканов, виденных или использованных человеком на протяжении его жизни, а также предметов, сопряженных с переносными значениями того же слова (*стакан* поста ГАИ, где находится милиционер). Очень большое (если не преобладающее) число зрительных и иных конкретно-пространственных образов, хранящихся в правом полушарии, может описываться не одним словом, а двумя (например, *железная дорога*) или целыми предложениями, а то и пространными текстами» [Иванов 1998: 431].

Связь мысленного плана, плана содержания может коррелировать с планом выражения на основе глубинных ассоциаций, на чем, во многом построена теория З. Фрейда об ошибках, описках, оговорках и неловких поступках, когда омонимия языкового знака, составляет «сложное (комплексное) означающее» того или иного страха, фобии, чувства вины и т. д. вступает в опосредованную связь с сопрягаемыми значениями.

Вот как, например, омонимия означающего «**несостоятельность**» проявилась в поведении одного из наблюдаемых им пациентов: «Мне известен также случай с одним пожилым господином, который взял себе в жены очень юную девушку и собирался провести свадебную ночь не в дороге, а в одном из отелей того же города. Едва они успели приехать в отель, как он с ужасом заметил, что при нем нет бумажника, в котором лежали все деньги, предназначенные для свадебной поездки; он сунул его куда-нибудь или по-

терял. Удалось все же разыскать по телефону слугу, который нашел бумажник в старом сюртуке молодожена и принес его в отель своему господину, вступившему, таким образом, в брак без состояния. Благодаря этому он мог на другое утро отправиться со своей молодой женой в дорогу; но в течение ночи он, как это и предвещали его опасения, остался “несостоятельным”» [Фрейд 1990: 280].

Так, сублимация (вытеснение) одного ментального объекта (табу) привела к фактической реализации омонимического ассоциативного значения, связанного с первым только через означающее, через язык (метафорически) и реализовала овеществление его действием. Такой, несколько наивный, с современной научной точки зрения, прямой «ассоцианизм», не отменяет, тем не менее, сам процесс метафорического сознания, ассоциативной подменой одного концепта другим (см., напр. [Лакофф, Джонсон 2008]). Говоря о сложности проблемы внутреннего лексикона и образного мышления, и многообразии подходов к проблемам слова в мышлении индивида, А.А. Залевская отмечает: «Точнее следовало говорить о некотором *множестве взаимодействующих процессов*, посредством которых достигается установление соответствия между воспринимаемой индивидом словоформой, социально признанным (системным) значением слова и тем, что благодаря этому «высвечивается» в индивидуальной картине мира (памяти) на разных уровнях осознаваемости в виде многообразных продуктов переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, так или иначе связанного и со словом, и с обозначаемым им объектом (действием и т. д.), и с текущей ситуацией, в которую включен называемый объект, и с эмоционально-оценочным переживанием всего вышеназванного активным и пристрастным субъектом. К тому же еще ждут своей более развернутой интерпретации широко цитируемые высказывания Л. С. Выготского о том, что **значение является единством общения и обобщения**, об особенностях слова во внутренней речи и т. д., с учетом новейших данных разных наук обо всем комплексе познавательных процессов человека, о механизмах и закономерностях таких процессов, о

слове как орудии познания и общения» [Залевская 2005: 229-230] (**выделено нами - Ж.А.**).

Ещё С.Д. Кацнельсон отмечал интеракциональную (диалогическую) основу взаимоотношения вербального и невербального в сознании человека: «Речемыслительные процессы протекают **в актах общения** говорящих и слушающих индивидов, и хотя лингвиста интересует общая речемыслительная структура этих процессов, а не ее психологическая и нейрофизиологическая сторона, но материалы смежных наук могут помочь ему в реконструкции закономерностей этих процессов. В мозгу индивида сознание и язык образуют две относительно автономные области, каждая из которых обладает своей «памятью», в которой хранятся относящиеся к ней строевые элементы. Эти две области сопряжены между собой таким образом, что деятельность сознания необходимо сопровождается деятельностью языка, выливаясь в единый, хотя и сложный по своей внутренней структуре, речемыслительный процесс» [Кацнельсон 2002: 112] (**выделено нами — Ж.А.**) .

Современная онтологическая трактовка проблемы языкового и неязыкового смысла связана с исследованиями т.н. невербального мышления. Асимметрия между планом содержания и планом выражения свидетельствует о наличии «глубинных» структур в системе «порождения - восприятия» высказывания, что подтверждается прежде всего наличием определенных трансформационных моделей превращения мысленного содержания в «поверхностное» высказывание [Хомский 2010].

Поддерживая эту мысль, И.Н. Горелов пишет: «то обстоятельство, что одно и то же содержание может быть выражено разными синтаксическими структурами «на поверхности», причем структурами любого языка (например, при переводе), свидетельствует о том, что смысл будущего высказывания на уровне «глубинных структур» имеет свои собственные и единицы, и правила синтаксирования» [Горелов 2003:176].

Невербальные компоненты представляют в таком рассмотрении информативные образования различной природы и функций.

И.Н. Горелов представляет **трехступенчатый** процесс порождения высказывания как проходящий три стадии когнитивного взаимодействия «до-вербального» и «вербального» компонентов:

«На протяжении процесса коммуникации в целом (т.е. от момента формирования мотива (интенции) будущего высказывания до момента адекватного понимания уже состоявшегося сообщения партнером по коммуникации) соотношение невербального и вербального может быть схематично передано следующим образом:

Схема 1. Процесс соединения вербального и невербального в высказывании (по И.Н. Горелову)

V _____ V _____ $V+$ V' _____ V _____ V'

1) подготовка сообщения → 2) сообщение → 3) рецепция сообщения

(«превербитум») → («вербитум») → («поствербитум»),

где V - вербальный, а V' - невербальный компонент. Ввиду того, что любой речевой акт осуществляется в данной схеме (не претендующей, впрочем, на полноту), невербальный компонент предлагается квалифицировать в качестве **коммуникативной универсалии**. В любом коммуникативном (с использованием естественного языка) акте невербальное и вербальное соотносятся друг с другом в соответствии с принципом дополнительности» [Горелов 2003:178] (*выделено нами – Ж.А.*).

Причем, вопрос о «взрослости» (правильности) врожденных структур Хомского снимается, если рассматривать все три компонента — «превербитум» — «вербитум» — «поствербитум» — как части единого речемыслевого акта, включенного в **интеракциональную деятельность**, т.е. взаимодействие. Как отмечал А.М. Шахнарович, опровергая тезис о «врожденности языковых структур» Н. Хомского, «этот процесс (*усвоение языка – Ж.А.*) приобретает иной вид: компоненты языка усваиваются ребенком постепенно в ходе речевого общения (языковой практики) на основе предметных (орудийных) действий и предметной деятельности.

Таким образом, **источником языкового развития является не врожденная схема, а деятельность и ее правила.** Нам представляется, что ранняя вербальная деятельность управляется не чисто языковыми правилами, а теми, которыми ребенок овладевает через обобщение знаковой деятельности. Свое начало эти правила берут в практической (предметной) деятельности» [Шахнарович 1995:12] **(выделено нами — Ж.А.)**.

Причем в устной разговорной речи, в ситуации речевого взаимодействия, смысл высказывания часто выявляется (имплицитруется) из ситуации, под которой понимается множество факторов (см., напр., [Germain 1973]).

В своей работе И.Н. Горелов демонстрирует взаимодействие вербального и невербального компонентов (ВК и НВК) на примере литературных диалогов, связывая это взаимодействие с эллипсисом тех или иных членов предложения:

«Результаты взаимодействия вербального и невербального в РА (*речевом акте* – Ж.А.) яснее всего выявляются, конечно, в тексте устного сообщения или в его литературно-художественной модели. Рассмотрим конкретные возможности НВК выступать в роли различных частей предложений.

А. **НВК** в качестве сказуемого: « - Мне тайга не самый страх...

- Ну не скажи-и... Тайга - *ошууу*». «- Ну что, не цепляетесь? - спросил он мастера. Тот *покачал головой*: мол нет».

Б. **НВК** в качестве прямого дополнения: «- Во дворе Николай поднялся к лабазам, *кивнул на пудовый замок*: -Отопри!»

В. **НВК** в качестве косвенного дополнения:

«- Для кого это ты? Яков *подмигнул и посмотрел на сестру*». [...].

Г. **НВК** в качестве обстоятельства образа действия:

«-*Хорошо* поет? - спросил Алексей Соломина.

Тот кивнул».

Д. **НВК** в качестве обстоятельства места:

«Поп посмотрел на Ерофея и, *подмигнув, склонил голову направо*, как бы спрашивая - *там?*

Ерофей, тоже молча, утвердительно склонил голову» [...].

Е. **НВК** в качестве обстоятельства времени:

«- Когда же дед?... Дед... *посмотрел в окно*, как бы говоря: утром».

Ж. **НВК** в качестве обстоятельства причины и следствия:

« Из-за нее, что ли? - Гена *кивнул в ее сторону*».

З. **НВК** в качестве подлежащего:

«- Это ты меня нашла? - Она *улыбнулась и отрицательно покачала головой*» [...]. Примеров для данного случая слишком много, чтобы приводить ещё один» [Горелов 2003:178].

Для нашего исследования приведенная достаточно пространная серия эллиптических высказываний ценна не тем, что могла бы быть дополнена не менее пространной серией аналогичных высказываний на французском языке, что еще раз подтвердило бы мысль об универсальности взаимной дополнительности ВК и НВК. Для нас представляет интерес тот факт, что практически любой компонент ВК может быть заменен НВК, более того, само высказывание, как это показывают в своих работах Г.Е. Крейдлин и др. (см., напр., [Крейдлин 2000]), может состоять из жеста, мимики или любого релевантного (интерпретируемого) действия. Кроме того, НВК не может существовать вне речевого взаимодействия, где значение НВК, по сути, принадлежит адресату, интерпретатору.

Об этом не раз в своих работах писал М.М. Бахтин. Приведем лишь один пример: «Двое сидят в комнате. Молчат. Один говорит: "так!". Другой ничего не отвечает.

Для нас, не находившихся в комнате в момент беседы, весь этот "разговор" совершенно непонятен. Изолированно взятое высказывание "так" пусто и совершенно бессмысленно. Но тем не менее эта своеобразная беседа двоих, состоящая из одного только, правда, выразительно проинтонированного слова, полна смысла, значения и вполне закончена.

Чтобы вскрыть смысл и значение этой беседы, необходимо ее проанализировать. Но что, собственно, можем мы здесь подвергнуть анализу?

Сколько бы мы ни возились с чисто словесной частью высказывания, как бы тонко мы ни определили фонетический, морфологический, семантический момент слова "так", — мы ни на один шаг не приблизимся к пониманию целостного смысла беседы.

Допустим, что нам известна и интонация, с которой было произнесено наше слово, — возмущенно-укоризненная, но смягченная некоторой долей юмора. Это несколько заполняет для нас семантическую пустоту наречия "так", но все же не раскрывает значения целого.

Чего же нам не хватает? — Того "внесловесного контекста", в котором осмысленно звучало слово "так" для слушателя. Этот внесловесный контекст высказывания складывается из трех моментов: 1) из общего для говорящих пространственного кругозора (единство видимого — комната, окно и проч.); 2) из общего же для обоих знания и понимания положения и, наконец, 3) из общей для них оценки этого положения.

В момент беседы оба собеседника взглянули в окно и увидели, что пошел снег; оба знают, что уже май месяц и что давно пора быть весне; наконец, обоим затянувшаяся зима надоела; оба ждут весны и оба огорчены поздним снегопадом. На все это — "вместе видимое" (хлопья снега за окном), "вместе знаемое" (дата — май) и "согласно оцененное" (надоевшая зима, желанная весна) — непосредственно опирается высказывание, все это захватывается его живым смыслом, впитывается им в себя, — однако, остается при этом словесно неотмеченным, невысказанным. Хлопья снега остаются за окном, дата — на листке календаря, оценка — в психике говорящего, — но все это подразумевается словом "так"» [Бахтин 2000: 77-78].

Подчеркивая роль ситуации (пресуппозиции) в высказывании, М.М. Бахтин постоянно подчеркивал присутствие «другого», ориентированность таких эллиптических фраз на «фактор адресата» как ключ для расшифровки таких практически «омнисемантических» (термин Е.Ю. Кустовой), сходных с междометиями, высказываний.

Поэтому, основываясь на идее дополнительности ВК и НВК, можно говорить о градуальности категории имплицитности в речевом взаимодействии по шкале от 0 (минимальная имплицитность, максимальная выраженность) — до 1 (максимальная имплицитность):

Схема-Таблица 2. Градуальность эксплицитности-имплицитности в ситуации речевого взаимодействия

0 ←—————→ 1				
I	II	III	IV	V
Ne pourriez-vous pas fermer la porte, s'il vous plaît? Il y a un courant d'air.	Fermez la porte, s'il vous plaît?	La porte!	Oh! Il y a un courant d'air.	

С другой стороны, можно говорить о степени маркированности имплицитности в высказывании. Если в приведенных И.Н. Гореловым диалогах НВК дополняют или заменяют речевой, лингвистический компонент, то существует определенный «дейксис имплицитности» [Алферов 2000: 125 и сл.], который маркирует невыраженный, дополнительный, или коннотативный смысл высказывания. Так, приведенные в таблице высказывания, имеющие практически одно и то же пропозициональное содержание ({желание закрыть дверь}) имеют разные степени маркированности скрытых в них косвенных смыслов. Например, в I мы имеем пять маркеров проявления миметической стратегии (стратегии сотрудничества, вежливости): три грамматических — вопросительная форма инверсии, отрицательная форма, кондиционал; одну конвенциально-фразеологическую (s'il vous plaît?) и одну прагматико-поведенческую, состоящую в мотивации просьбы (Il y a un courant d'air). Степень маркирования вежливости убывает от I к V примеру. Так же убывает и степень эксплицитности пропозиционального содержания. Если в первых трех явно обозначен предмет приложения силы (интенциональный объект). То в IV не обозначен сам предмет, а просьба следует из логического исчис-

ления слушающего (косвенный речевой акт – см. [Серль 1986]). Единственным речевым маркером, указывающим на конативную функцию высказывания — воздействие на собеседника, просьба, — является междометие Oh! (см. [Кустова 2009]).

В V же — дейктическом (указательном, индексальном) — отсутствует эксплицитно выраженный «денотат»: жест может указывать на дверь, обозначая «закрыть», а может указывать на кого-то стоящего за дверью и т.п. Поэтому из всех основных выделенных Ч.С. Пирсом знаков (символ, индекс, икона) самым ситуативно обусловленным, требующим логического исчисления «если...то», является индексальный, дейктический знак.

По мнению С. Д. Кацнельсона, дейктические средства имеют следующие свойства: 1) ситуативность, т.е. смысловая зависимость от ситуации речи, вне которой значение этих элементов расплывчато, неясно (ср. Ah!); 2) эгоцентризм, т.е. постоянная соотнесенность с субъектом речи; 3) субъективность: внешний объект выделяется не по его собственным признакам, независимым от говорящего лица, а по совершенно случайному для него признаку соотнесенности с говорящим лицом; 4) мгновенность и эфемерность актуального значения, меняющегося от одного случая к другому [Кацнельсон 1986: 11].

Поэтому в качестве компенсации дейктической ситуативности противостоит закрепление знака в узусе, языковая и прагматическая конвенционализация. Первая рождает такие маркеры, как «s'il vous plaît?», «Ne pourriez-vous pas?» и т.д. Вторая вводит в речевой узус готовые формулы-клише, или фразеорефлексы [Быков 2003;2007; Гак 1998]. Например, высказывание III «La porte!» в Парижской подземке означает просьбу открыть дверь, а не закрыть её. Таким образом, в дело вступает узус, или норма речи, которая доставляет столько неприятностей переводчику: «Осторожно, окрашено!» — «Peinture fraîche!»; «Проход закрыт» — «La porte est condamnée» и др.

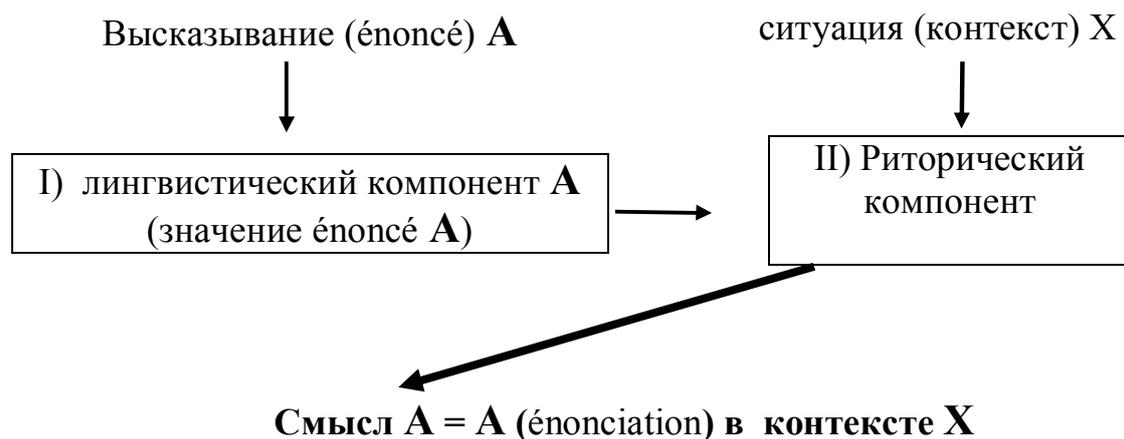
Из этого следует, что каждое высказывание связано с определенным, лежащим вовне фондом языковых и неязыковых знаний, позволяющих его

адекватное понимание. Большая часть этих знаний объединяется в коды и субкоды, такие как знание лексики, грамматики, а также вежливость, уважение к собеседнику, определенная форма выражения (риторика), определенные жесты, мимика (улыбка, например) и т.д.

Сталкиваясь друг с другом в речевом взаимодействии, собеседники производят определенный обмен знаниями ([Йокояма 2005] - см. ниже), совершают посредством высказывания взаимное путешествие в ментальное пространство собеседника, в его концептуальный мир, более того, понимание значения, «поиск смысла» высказывания представляется как создание нового общего для собеседников когнитивного пространства¹ [Fauconnier, Turner 2002].

В частности, О. Дюкро утверждает, что *смысл* высказывания, который он призывает отличать от *значения*, связанного исключительно с лингвистическим компонентом, складывается, в конечном итоге, в результате актуализации лингвистического компонента в ситуации его озвучивания («сказывания»- énonciation). О. Дюкро представляет эту мысль в своей известной схеме:

Схема 3. Смысл высказывания А в ситуации X (по О. Дюкро)

(ср.[Ducrot 1984, 15-17]).

¹ Под когнитивным (ментальным) пространством (mental space) понимается набор концептов, создаваемый для целей понимания и действия. Ментальные пространства создаются всегда, когда мы думаем и говорим, они взаимосвязаны и могут модифицироваться по мере развертывания дискурса [Залевская 2005:230; Fauconnier 1994].

Схема О. Дюкро требует некоторых комментариев. Сам О. Дюкро приводит пример высказывания «*Quel beau temps!*» (=«Прекрасная погода!»), говоря, что прямое значение этого высказывания, определяемое «лингвистическим компонентом», не равно его смыслу, а смысл не вытекает напрямую из ситуации (S). Данная фраза «может означать в одних диалогических обстоятельствах «Ужасная погода!», а в каких-то других - «Нам нечего сказать друг другу» (не говоря о том, что она может значить именно то, что значит, но всегда плюс еще что-то» [Ducrot 1984:15; Долинин 1985:5].

К Кербрат-Орреккиони пытается представить три составляющие ситуации X, то есть возможных имплицитных значений высказывания А, с которыми оно должно составить **СМЫСЛ (А+Х)**:

- контекст: наличие «метеорологического референта», т.е. дождя и т.п., которое позволит идентифицировать расхождение между буквальным эксплицитным компонентом и его денотатом, в результате чего возникает **иронический троп**.

- ко-текст: вербальное окружение: ex.: «*Quel joli temps! Heureusement que j'ai pensé à prendre mon parapluie...* »;

- пара-текст: просодия, мимика, жесты: особая ироничная интонация, покачивание головой, «речевые жесты»-междометия, неречевые жесты и действия и т.д. [Kerbrat-Orecchioni 1986:16].

Однако не трудно заметить, что все три параметра имеют иерархическую связь: ведь не будь «метеорологического референта» (дождя или хорошей погоды), не нужны были бы ни текст - высказывание, ни ко-текст, ни пара-текст. Другими словами существует, помимо лингвистического компонента, целая иерархически организованная совокупность ситуаций «сказывания» (в момент произнесения определенного А), некое «дифференцированное ситуативное пространство», влияющее на «совокупное ментальное и речевое пространство собеседников». Исчислить конечное количество таких речемыслеительных пространств, как и их составляющих, невозможно, так как это зависит прежде всего от высокой вариативности ситуаций речевого

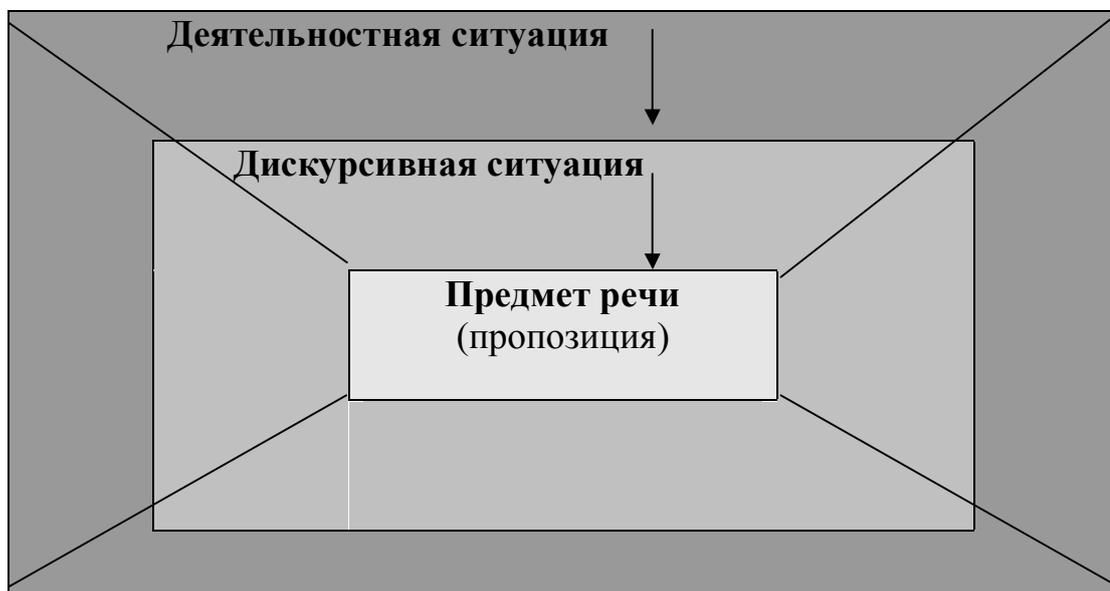
взаимодействия. Не случайно Ф. де Соссюр говорил о непредсказуемости и стохастичности речи [Соссюр 1990:123].

Однако можно представить константы, составляющие основу ситуативного пространства речевого взаимодействия «hic et nunc» - здесь и сейчас.

Во многом они коррелируют с уже упомянутой триединой ситуацией (S) (контекст, ко-текст, пара-текст), но подчеркивают прежде всего подчиненность самого высказывания и процента (составляющей), а также формы вербального и невербального компонента внешнедеятельностной ситуации (социальной, психологической, ролевой, половозрастной, интеллектуальной характеристикам собеседников).

А.В. Алферов представил совокупность трех рамок, составляющих единое пространство речевой интеракции (взаимодействия)[Алферов 2001: 156]:

Схема 4. Ситуативное пространство смысла высказывания речевой интеракции:

Таким образом, деятельностная составляющая определяет дискурсивную составляющую («риторический компонент» по О. Дюкро) и, в конце концов, пропозицию высказывания, т.е. содержание сообщения. Прокомментируем данную схему отрывком из работы Е.Ю.Кустовой: «Включенное в речевое взаимодействие - составную часть деятельностной ситуации - выска-

зывание имеет не только референтную направленность, но и социально-контекстное значение, которое формируется в конкретном общении и может быть понято только на основе процесса общения.

Следуя концепции интеракциональной лингвопрагматики [Алферов 2001; 2007], мы рассматриваем коммуникативную ситуацию как совокупность трех составляющих:

1) деятельностной ситуации (интеракции), заключающейся во взаимном воздействии собеседников друг на друга посредством речи через иллокутивный и аргументативный аспекты в соответствии с социо-психологическими позициями, ролями и отношениями собеседников (интерперсональный аспект);

2) речевой ситуации, включающей коммуникативную компетенцию говорящих, т.е. лингвистическую и паралингвистическую компетенции и соответствующие модели кодирования и декодирования сообщений, а также все, что связано с построением дискурса, с правилами вступления в коммуникацию, поддержания речевого контакта и выхода из коммуникации, а также со стратегией и тактикой ведения разговора для достижения определенного перлокутивного эффекта (воздействие на собеседника, убеждение, аргументация и т.п.);

3) референтной (предметной) ситуации, отражаемой пропозицией высказывания говорящего или пропозицией высказывания собеседника (обмен по поводу референта)» [Кустова 2009: 211].

Таким образом, современные исследователи невербальной составляющей смысла понимают, что в основе когнитивного представления о взаимодействии вербального и невербального в тексте лежит не дихотомия «высказывание-контекст», а модель «пространственного распределения знаний как общей связующей основы познания и общения» [Залевская 2005: 230], когда вводятся такие понятия как «многопространственная модель метафоры» и «концептуальная интеграция», «межпространственное картирование сходных объектов» и «интегрирование событий» (см. [Fauconnier 1997; Fauconnier,

Turner 2002] и др.). А главное, как отмечает А.В.Смирнов, мы можем зафиксировать наличие *процедуры*, участвующей в выстраивании смысла выражения. Смысл не предшествует связывающей его со словом «стрелке обозначения» — смысл выстраивается вместе с прочерчиванием этой стрелки. Путь от слова к тому, что станет его смыслом, — это *творческий* путь, по мере прохождения которого смысл только и создается. То, к чему мы придем, отправляясь от слов [...] определено не самими этими словами. Слов как таковых (со всеми их «словарными значениями» и «языковыми коннотациями») недостаточно для того, чтобы предопределить, каким будет их смысл. Чтобы понять, к какому смыслу мы придем, мы должны знать процедуру, с помощью которой осуществляется переход от слова к смыслу» [Смирнов 2001: 67].

Авторы «Метафор, которыми мы живем» возвращают читателя к дилемме омонимичных фраз. В коммуникативной М-модели КАНАЛ СВЯЗИ есть прототипическая фраза: «The meaning is *right there in the words*. Смысл *прямо в словах*» [Лакофф, Джонсон 2008: 33]. Такие тавтологические, или, как называет эти построения Ф. Реканати, — «аутореферентные» высказывания [Recanati 1981], напоминают древнегреческий парадокс «Все Критяне — лжецы, и я как Критянин подтверждаю это». Такие парадоксальные высказывания несут 0 информации, хотя эксплицитность их равна 1.

С другой стороны, - пишут авторы, - для понимания простой фразы «Please sit in the apple-juice seat» (букв. Пожалуйста, садитесь на место яблочного сока) требуется пространный комментарий: «Если взять это предложение вне контекста, у него не будет значения, так как выражение *apple-juice seat* 'место яблочного сока' нельзя считать общепринятым способом указания на объект. Но у этого же предложения есть вполне разумный смысл в контексте, в котором оно было употреблено. Гость, оставшийся на ночь, спускается к завтраку. Стол с вечера был накрыт на четверых, напротив трех мест стоял апельсиновый сок, а напротив четвертого — яблочный. Тем самым вполне понятно, что имеется в виду под выражением *apple-juice seat* 'место яблочного

го сока'. И даже на следующее утро, когда яблочного сока уже нет, остается ясным, которое из мест за столом может быть названо *apple-juice seat*.

Кроме предложений, бессмысленных вне контекста произнесения, есть случаи, когда одно предложение имеет разный смысл для различных людей. Рассмотрим следующий пример: «*We need new alternative sources of energy*» («Нам нужны альтернативные источники энергии»).

Эта фраза означает разное для президента нефтяной компании Mobil Oil и для главы экологического общества Friends of the Earth («Друзья природы»). Смысл этой фразы не заключен прямо в словах — важно, кто говорит или слушает и каковы их политические и социальные предпочтения» [Лаккофф, Джонсон 2008: 33].

А.В. Смирнов предлагает выделить *процедуру смыслополагания*. Смысл слов встраивается в ту логическую конфигурацию, которая определена процедурой смыслополагания. Создание логико-смысловой конфигурации в результате процедуры смыслополагания может быть названо *логикой смысла* — конечно, в этот термин разные ученые вкладывают разное содержание. Во главе угла нашего исследования стоит соотношение выраженных эксплицитно и имплицитных средств такой логической конфигурации, с одной стороны, и их взаимодействие — с другой.

Как мы видели, лингвистический компонент высказывания может включать максимум эксплицитности, но быть «непрозрачным» (термин Ф. Реканати [Recanati 1979]), и наоборот, даже полное его отсутствие (молчание) может стать полноценным иллокутивным актом (ср. «красноречивое молчание» или «молчание — знак согласия» = «*Qui ne dit mot consent*») (см. напр., [Neuvel 1985] и др.). Поэтому асимметрия между планом выражения (ПВ) и планом содержания (ПС) может приобретать формы обратно пропорциональные.

Основные вопросы, встающие перед лингвистами, в этом случае могут звучать приблизительно так: входит ли значение контекста в языковой знак и каким образом, является ли молчание знаком и при каких условиях, следует

ли отнести лингвистический компонент к семантике, а контекстуальный — к прагматике знака и т.д. и т.п.?

Ответам на данные вопросы, начиная с середины прошлого века, было посвящено столько теоретических построений и исследований разного объема и многочисленных направлений, что одно их перечисление заняло бы десяток страниц (см. крат. обзор в [Анисимова 2002; Арутюнова, Падучева 1985; Кобозева 1986; Лебедев 2004; Растье 2001; Armengaud 1985; Eluerd 1985] и др.). Мы остановимся на наиболее релевантных для нашего исследования теориях и положениях, объясняющих, на наш взгляд, интегральность «смыслополагания» как результата взаимодействия семантики и прагматики в процессе речевого взаимодействия.

С точки зрения многих лингвистов, все, что связано с контекстом, ситуацией употребления, имплицитностью исследуется прагматикой, все, что связано с языком - лингвистикой. Н.П. Анисимова, анализируя французскую лингвопрагматику, приводит следующую метафору, определяющую прагматический подход к языку как “изучение коровы, а не молока”, хотя, говоря, что в отношении французских лингвистов, она «может быть перефразирована, на наш взгляд, следующим образом: французская теория высказывания тоже направлена на анализ производства молока коровой, но этот процесс *воспроизводится* за счет особого анализ продукта – молока (высказывания-результата) по определенным его показателям» [Анисимова 2002]. Сами французы считают, что лишь изучают «те элементы языка, которые свидетельствуют о его речевом происхождении» [Langue française 1979:4].

Данная метафора ассоциируется, очевидно, с ортодоксами (имманентистами), для которых в такой перспективе разница между коровьим, козьим, а, может быть, и птичьим молоком может оказаться не столь существенной. Чтобы продолжить интригу между эксплицитным (лингвистическим) и имплицитным (прагматическим) в игре ПС и ПВ, напомним пример Дж. Остина: “Oh! Please, do not touch me!” — “Oh! Please, do not touch...!” — “Oh! Please, do not...!” — “Oh! Please, do...!” — “Oh! Please...!” — “ Oh!...”.

1.2. Семиотический подход: семантика и прагматика языкового знака (Ф. Растье и Ч.С. Пирс)

Продолжая нашу мысль об асимметрии ПВ и ПС, необходимо прежде всего рассматривать смысл с точки зрения его эксплицитного и имплицитного **компонентов**, что приводит нас в первую очередь к компонентной семантике, но в самой актуальной, на наш взгляд, ее форме — интерпретирующей семантике Франсуа Растье [Растье 2001].

Актуальность (релевантность) теории Ф. Растье для нашего исследования состоит в том, что, в отличие от американской структурной (порождающей) семантики, с одной стороны, и своих учителей - французских классиков Б. Потье и А.-Ж. Греймаса [Там же], с другой, — Растье переходит от лингвистики кодирования к лингвистике декодирования, включая тем самым в лингвистическую теорию как таковую «фактор адресата» (термин Ю.С. Степанова). Здесь нам видится явно выраженный **интеракционный подход**.

1.2.1. Интерпретирующая семантика Ф. Растье как модель смыслообразования

Как пишет Ф. Растье: «Такая теория необходима, ибо предметом лингвистики является не только порождение текстов, но и их толкование (хотя на сегодняшний день, даже за пределами хомскианства, наилучшим образом представлены генеративные теории). Интерпретирующая и порождающая компетенции имеют, безусловно, сходные черты; но нельзя утверждать, будто одна есть отражение другой» [Растье 2001: 12].

Более того, Растье пытается «показать **«ретроактивное» воздействие текста на семемы**, с тем чтобы прийти к семантическому, а не дистрибутивному определению контекста (как известно, понятие контекста - одно из наиболее употребимых, но наименее определенных)... Показать, как **при участии глобальных изотопий регулируется локальное включение тех или иных энциклопедических знаний в описание текста**» [Там же: 16] (-

выделено нами - Ж. А.). Здесь ретроактивность изотопии нужно понимать как герменевтический круг М. Хайдеггера или Х.- Г. Гадамера: «Смысл этого круга, лежащего в основе всякого понимания, имеет тем не менее дальнейшие герменевтические следствия, которые можно было бы назвать «предвосхищением завершенности». Это, очевидным образом, тоже есть некая формальная предпосылка, направляющая всякое понимание. Она гласит, что понятным является лишь то, что действительно представляет собою законченное смысловое единство. Так, читая какой-либо текст, мы всегда предполагаем его смысловую завершенность, и только если это предположение оказывается неоправданным, то есть если текст непонятен,— лишь тогда мы сомневаемся в точности дошедшего до нас текста и думаем о том, как бы нам исправить эту неточность» [Гадамер 1988:348].

Категория изотопии становится главным инструментом интерпретационной семантики Ф. Растье.

Изотопия коррелирует с категориями симметрии и нормы. Как отмечает Б.Т. Ганеев, «логичный язык, где нет противоречий, имеет свой ритм, при котором элементы чередуются в определенном, семантически размеренном порядке (без прерывающих его противоречий). Логичный ритм - это определенный порядок размеренного мышления, которому противостоит алогичная аритмия, вносящая определенный беспорядок в этот порядок» [Ганеев 2005:192] .

В основе изотопии лежат серийные отношения тождества между семемами. Эти отношения влекут отношения эквивалентности между семемами. Но эквивалентность - не данность; чтобы ее установить, **требуется ряд умозаключений.** Причем, возможными здесь могут стать самые разные стратегии выведения; **разные читатели приходят к разным результатам по причине различия энциклопедических знаний. Во всех случаях описание изотопии зависит от интерпретирующей компетенции.**

В традиционной структурной семантике (А.-Ж. Греймас, Б. Потье) ИЗОТОПИЯ обычно трактуется как примечательная разновидность семной

комбинаторики, результат комбинации сем. Однако Ф. Растье трактует изотопию в обратном порядке - от текста к элементам (см. выше о герменевтическом круге), и тогда она предстает в качестве основного регулирующего фактора. Не рекуррентность изначально заданных сем образует изотопию, а наоборот - презумпция изотопии позволяет актуализировать некоторые, даже вполне конкретные семы» [Растье 2002:13].

Минимальной единицей содержания Растье, вслед за Б. Потье [Pottier 1992], считает сему: «Сема – это семантический различительный признак семемы относительно незначительного набора элементов, которыми действительно располагает и которые с вероятностью использует говорящий в данных коммуникативных обстоятельствах» [Растье 2001: 36]. Однако это определение уже несет отпечаток идей О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра об «интегративной семантике» как учении о смысле, включающей прагматику — *pragmatique intégrée* (ср. «риторический компонент»- см. выше схема 3) — как составную часть интегрального смысла [Anscombe 1977; Ducrot 1984]: «... сема определяется через отношения между семемами, а эти отношения детерминируются в свою очередь лингвистическим и ситуационным контекстом. Так что прагматические данные могут вполне становиться условиями наличия и идентификации семы» [Растье 2001: 39]. Помимо классических для предшественников видовых и родовых сем на уровне компонентов Растье различает также *ингерентные* и *афферентные* семы: ингерентные семы обобщают рефлексивные отношения *внутри* семантических классов; афферентные семы, «неправомерно именуемые коннотативными», обобщают рефлексивные отношения *между* классами; «некоторые авторы, - как отмечает Растье, - их называют (*напр., Ж. Фоконье – Ж.А.*) - правда, в ином теоретическом контексте - *прагматическими функциями*» [Там же: 14].

Понятие афферентной семы расширяет понятие коннотации, так как не связано с закреплённостью в языковом узусе. Афферентная сема может актуализоваться здесь и сейчас и исчезнуть, породив определенный семантический эффект. Здесь нельзя не сопоставить афферентные семы в трактовке Ф.

Растье с «виртуэмой» — набором коннотативных сем семемы в понимании Б. Потье: «Виртуальным является всякий латентный элемент ассоциативной памяти говорящего, актуализация которого зависит от переменных факторов коммуникативных условий. *Виртуэма* представляет собой коннотативную часть семемы» [Portier 1974: 68]. Причем, как отмечает Растье, «под коннотацией однако понимаются самые разные явления. И если уж придерживаться мнения, что *семами* можно называть только различительные и постоянно актуализуемые компоненты, то тогда надо признать, что некоторые так называемые коннотативные признаки - действительно семы: так, актуализуясь во всяком контексте, признак /просторечие/ принимает различительное значение в 'bagnole' *тачка* или 'flic' *фараон* (ср. рекламу Вольво: « Apprenez à reconnaître une voiture d'une bagnole » *Научитесь отличать машину от тачки*). Подобные признаки, признаем, суть не виртуальные компоненты, а родовые семы большой степени обобщения... Признак /просторечие/ сохраняется даже в контекстах, где 'flic' *фараон* имеет положительную оценку. Будучи министром внутренних дел, Клемансо восклицает: « je suis le premier flic de France » *я первый фараон Франции'*, парадоксальность «острого словца» основана на постоянстве признака /просторечие/» [Растье 2001:45].

Для разъяснения понятия «афферентная сема» Растье приводит пример, предварив его принципиальным комментарием:

«А. Когда описание касается языковой системы в узком смысле, ограниченной рамками функциональной системы, берутся только ингерентные семы. Этого, конечно, недостаточно. Остается лишь посочувствовать нашим далеким друзьям, кому довелось изучать сокращенный язык грамматик, а затем брать «уроки по страноведению», дабы уловить отдельные афференции, на которых держится любой маломальский разговор.

В. Если же описывать языковую систему в широком смысле, куда помимо функциональной системы языка входят и действующие в текстах социальные нормы, то тогда наряду с ингерентными семами надо принимать во внимание и социально нормированные афферентные семы. Можно показать

на примере, как важно учитывать социально нормированные афференции, когда речь идет о реальной, а не только идеальной компетенции. «Малый Ларусс» определяет *caviar* «икра»: «*Œufs d'esturgeon salés* » *соленые осетровые яйца*. Такое определение недостаточно, так как должно включать еще и признак /роскошь/. Чтобы в этом убедиться, мы попросили двадцать восемь учащих коллежа определить *caviar*:

(i) Признак /яйца/ фигурирует в двадцати шести ответах;

(ii) Признаком /роскошь/ мы обобщаем показания типа *очень дорогой, для богатых* или *к Рождеству*; этот признак встречается двадцать два раза с единичным употреблением в каждом четвертом ответе типа «блюдо для богатых, едят по праздникам»...

Если исходить из реальной компетенции информантов, то тогда признак /роскошь/ должен входить в определение наравне с признаком /рыба/. Между тем это афферентный признак.

В обычном понимании идеальной компетенции во внимание принимаются только так называемые денотативные признаки, а определение ограничивается идентификацией референта; признак /роскошь/ здесь не учитывается, потому что принимается за «коннотацию», символическое или ассоциативное значение.

Для представления афференций, которые могут иметь место в языке, требуется, похоже, систематизация фразеологии как основного условия социально нормированных афференций.

С. Чтобы описать языковое *употребление*, в качестве корпуса берется определенный текст. Если это - литературное произведение, в нем могут быть идиолектные афферентные семы, которые нельзя, да и незачем представлять в языке. Их можно, впрочем, учитывать в рамках особым образом построенных моделей (почему бы ни предусмотреть научное описание частного?)» [Растье 2001:66-67].

Извинившись за чрезвычайно пространную цитату, мы обязаны подчеркнуть несколько вытекающих из понятия афференции положений:

I. Как раз афференции лежат в основе тех тонких, часто неуловимых для иностранца семантических признаков, которые можно понять лишь находясь в языковой среде. Большинство из них не существует в словарном значении лексемы ни в виде коннотации, ни в виде виртуального узуального компонента;

II. Именно на таких семантических тонкостях строится остроумие (см. ниже), языковая игра, шутки, рекламные лозунги (ср. слоган сети магазинов FNAC, приуроченный к распродажам: «*Egalité, Fraternité, Caviar!*»);

III. Концепт «афферентная сема» можно условно в преломлении к нашему изложению приравнять к «аллофроническому», т.е. тропеическому, нарушающему привычное следование и сочетание элементов (по Б.Т. Ганееву [Ганеев 2004; 2005]).

Понятия изотопии и афференции коррелируют в теории Б.Т. Ганеева с «ортофронией» и «аллофронией» в языке и речи [Ганеев 2004]. Автор сравнивает эти понятия с ритмичностью и аритмией в языке: «Аритмия может быть узуальной, то есть принятой в качестве нормы, или окказиональной, сознательно вносимой в язык и речь. Окказиональная аритмия может быть использована: в эстетических целях, в искусстве и литературе, особенно поэзии. Это может быть не только аритмия, характерная для версификации, но и аритмия абсурдистского, парадоксального вида, например, в детских стихах-перевертышах, в поэзии обэриутов и т.д., в разговорной речи, с целью сознательного прерывания "монотонности" обычной речи. Подобная языковая игра использует архаизмы (*лепота*), просторечие (*Куды дел тубаретку? Кино, не будет*), нарочито макароническую речь или имитацию речи иностранца (*Это не есть хорошо; моя твоя не понимай*), сознательное употребление алогизмов (*У нас есть все, включая долги. Хорошо быть идиотом, пока есть мозги*).

Непротиворечивость навязывается человеку обществом, прежде всего в виде традиций, морали и законов. Но человек постоянно пытается вырваться из этих необходимых оков, уйти в мир внеобщественной непротиворечи-

ности не стесненного рамками человеческого духа через противоречивость языка, создающего свой собственный мистический мир, имеющий мало общего с действительным миром. Это мир религии (не церкви как института общества), поэзии, юмора и т.д. Человек устает от непротиворечивости, от норм, ему необходимо временами нарушение ритма. Отсюда стремление к аллофронии.

Таким образом, ортофрония представляет собой стандартный, непротиворечивый, ритмичный аспект языка с симметричной структурой, а аллофрония - нестандартный, противоречивый, аритмичный аспект языка с асимметричной структурой, причем аллофрония всегда предполагает имплицитное, ментальное высказывание, стоящее за выраженной языковой единицей.

В ортофронии скрывается аллофрония, или же, наоборот, в аллофронии - ортофрония, что свидетельствует о гармоничном их сочетании. Формально правильное высказывание может быть неверным, а неправильное высказывание верным. «Дождь состоит из воды» - истинно, так как дождевые осадки по определению состоят из воды, но дождь может состоять и из лягушек, подхваченных вихрем, следовательно это высказывание не совсем верно в прагматическом отношении» [Ганеев 2005: 192-193].

Всякий смысл и на микросемантическом (семема), и на макросемантическом (текстовом) уровне, следует из **операций интерпретации** и, стало быть, зависит от **стратегии интерпретации** [Растье 2002:13] (**выделено нами – Ж.А.**). Стратегия, в свою очередь, зависит от интерпретанта, а тот — от компетенции:

«Чтобы определить, является ли всякая языковая последовательность изотопной или нет, наука о языке должна расширить свою область вплоть до включения сюда всей имплицитно присутствующей в процессе коммуникации информации, т. е. совокупности таких "семиотических объектов", как знание, культура; идеология, память, перцепции, которые могут входить в ре-

чевой акт и от которых зависит связность словесного дискурса» [Там же: 110].

Ф. Растье всячески отмежевывается от понятия «интерпретант» (а точнее — «интерпретанта») в теории Ч.С. Пирса из-за противоречивости его содержания. Действительно, определения интерпретанты у Пирса настолько многообразны, что трактуются то как «интерпретатор», т.е. интерпретирующий субъект (Ч. Моррис [Morris 1946]), то как «синоним», «компонентное представление семемы» и «сема» в трактовке У. Эко (см., напр., [Эко 2007]). Растье разочарован: «Это уже слишком» [Растье 2002: 58].

Прежде, чем разобраться в том, что, скорее, объединяет понимание интерпретанты Растье и Пирса, а, в конечном счете, служит основанием объединения семантики и прагматики, обратимся к самому Ф. Растье: «Семное отношение строится при помощи *интерпретанта*.

Интерпретант родовой семы устанавливает определительное ее множество, а интерпретант видовой семы - две входящие в отношение семемы (или подмножества сем).

Интерпретантом может быть любая семиотическая единица, будь то единица плана содержания или единица плана выражения (— выделено нами – Ж. А.).

Отношение между семой и ее интерпретантом задается кодирующей системой: функциональной системой языка или иными нормами. Ее идентификацией занимается интерпретирующая семантика. Сказанное совпадает с некоторыми эпистемологическими задачами: мы не намерены исключать из семантики - и тем самым перепоручать прагматике, поэтике или автономной дискурсивной семиотике - отмечаемые в тексте факторы значения, которые не укладываются в рамки чересчур узкого понимания языка (и лингвистики).

Признав, что функциональная система языка - одна из социальных норм, систематизирующих языковое содержание, зачем отказываться от прочих норм? [...] Решить этот вопрос, надеемся, можно путем изучения афференции: путем расширения предмета семантики до *нормы*. Отношение между

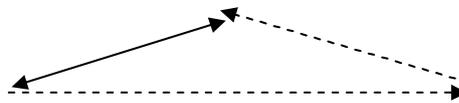
системой и нормой можно в таком случае представить в микросемантике как отношение между ингерентными и афферентными признаками» [Растье 2002: 58-59]. Вот и признание взаимодействия семантики и прагматики в смыслообразовании.

1.2.2. Пирсова интерпретанта как основание интеракционного прагмасемантического анализа дискурса

Семиозис по Чарльзу Сандерсу Пирсу сводится к троичной системе:

Схема 5. Семиотическая система (по Ч.С. Пирсу)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ (денотат/сигнификат)

РЕПРЕЗЕНТАМЕН (тело знака)

ИНТЕРПРЕТАНТА

(ср. [Кустова 2009; Eluerd 1985] и др.).

Внешнюю часть Знака («тело»), или «репрезентамен», можно сопоставить с любой иерархической единицей компонентной семантики, будь то семема, таксема или даже сема, с той точки зрения, что и в естественном, и в метасемантическом языке все они, хотя и относятся к плану содержания, но имеют (большинство, по крайней мере) план выражения, который их репрезентирует, т.е. манифестирует, означает и т.д.

Таким образом, налицо (правда, кажущаяся) дихотомия плана выражения (ПВ) и плана содержания (ПС). Однако, как мы уже отмечали, далеко не симметричная. Причина пресловутой асимметрии ПВ и ПС заключается в ИНТЕРПРЕТАНТЕ.

Воспользуемся примером М. Л. Гаспарова, приводимого А.Е. Бочкаревым – переводчиком и автором примечаний к книге Ф. Растье: «Получив развитие в эпоху патристики, техника толкования сводится к привлечению другого текста для пояснения имеющегося текста как «части большой идеологической системы». Толкование строится по схеме четырех смыслов. Например, в буквальном (историческом) смысле 'Иерусалим' означает город в Иудее, в аллегорическом — святую Церковь, в тропологическом — душу ве-

шагом» (Д. Хармс), или “Colorless green ideas sleep furiously” (N. Chomsky), или «Глокая куздра штеко будланула бокра и куздрячит бокренка» (Л.В. Щерба), определяется исключительно интерпретантой, т.е. «внутренним свойством знака быть интерпретированным» (Ч.С. Пирс), которая в этом случае в большей степени остается на уровне ПВ.

Яркий пример дает нам Л. Кэрролл в своей «Алисе», ставя ее перед семантически «непрозрачным» «Бармаглотом»:

(1) <i>JABBERWOCKY</i>	<i>JABBERWOCKY</i>	<i>БАРМАГЛОТ</i>
<i>'Twas brillig, and the slithy toves</i>	<i>Il etait grilheure; les slictueux toves</i>	<i>Варкалось. Хливкие шорьки</i>
<i>Did gyre and gimble in the wabe:</i>	<i>Gyraient sur l'alloinde et vriblaient:</i>	<i>Пырялись по наве,</i>
<i>All mimsy were the borogoves,</i>	<i>Tout flivoreux</i>	<i>И хрюкотали зелюки,</i>
<i>And the mome raths outgrabe.</i>	<i>allaient les borogoves</i>	<i>Как мюмзики в мове.</i>
(CLG)	<i>Les verchons fourgus bourniflaient.</i>	(КА)
	(САН)	

Шалтай-Болтай выводит на поверхность пирсовую «интерпретанту» — внутреннюю форму номинации (А.А. Потебня), т.е. пытается мотивировать план выражения в поисках «финальной интерпретанты»:

(2)

"Brillig" means four o'clock in the afternoon — the time when you begin broiling things for dinner. 'slithy' means "lithe and slimy"; "toves" are something like badgers they're something like lizards — and they're something like corkscrews; to "gyre" is to go round and round like a gyroscope. To "gimble" is to make holes like a gimblet...

(CLG)

« Grilheure », c'est six heures du soir, l'heure ou on commence à faire griller de la viande pour le diner; «slictueux» signifie: «souple, actif, onctueux»; les «toves» ressemblent en partie à des blaireaux, en partie à des lézards et en partie à des tire-bouchons; «gyrer», c'est tourner en rond comme un gyroscope. «vribler», c'est faire des trous comme une vrille...

(CAM)

...«Варкалось» — это четыре часа пополудни, когда пора уже варить обед. «Хливкие» — это хлипкие и ловкие; «шорьки» - помесь хорька, ящерицы и штопора; «пырялись» — прыгали, ныряли, вертелись! «хрюкотали» это хрюкали и хохотали...

(КА)

Приводимые примеры цитируются в переводах на русский и французский языки, что доказывает влияние ПВ одного языка на ПС другого, и что особенно характерно для макаронической речи, когда сама форма «инозвучания» может повлиять на перформативный эффект понимания (см. ниже). Впрочем, не будем забывать и об идиолектной афференции (см. выше) при взаимодействии ПВ и ПС в переводе (особенно поэтическом), когда, например, вокализм плана выражения, ритмика, «музыка стиха» предпочтительны для переводчика (интерпретатора), чем эквивалентность семантическая. Русский перевод, отстоящий дальше от звукоизобразительной (фонетической) формы источника, чем, например, французский, не менее мастерски передает звукоизобразительную игру номинаций в рамках русского фоносемантизма. Французский перевод может использовать генетическую близость к источнику, что еще рельефнее проявляет другой вариант французского «Бармаглота», в котором созвучие текстов максимально:

(3)

JABBERWOCKY

'Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe:

LE JASEROQUE

Il brilgue: les tôves lubricilleux
Se gyrent en vrillant dans le guave,

*All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe.*

(CLG)

*Enmimés sont les gougebosqueux,
Et le mômerade horsgrave.*

(КА)

Конечно же «французские интерпретанты» такого «французского» «*JABBERWOCKY*» заставят искать Шалтая-Болтая («Le Gros Coco») другие внутренние формы мотивации ПВ «*Le Jaseroque*».

В результате, мы приходим к выводу, что в речевом взаимодействии (устном или письменном) происходит обмен не словами и высказываниями, а интерпретантами. Таким образом, определяющий смысл интерпретант — понятие интеракциональное, соединяющее в себе базовую семантику и контекстуальную (афферентную) прагматику. Интерпретанта Пирса лежит в основе самой интерпретации, понимания и взаимопонимания.

«Привычка», или «финальная интерпретанта — это, словами Ф. Рас-тге, включение в интерпретирующую семантику «совокупности таких "семиотических объектов", как знание, культура; идеология, память, перцепции, которые могут входить в речевой акт и от которых зависит связность словесного дискурса» (см. выше). Таким образом, изотопия текста стремится к ортофронии (Т.Б. Ганеев), т.е. к «семантическому согласованию», также как в любом речевом акте мы стремимся найти смысл, даже если его там нет. Асимметрия планов языка позволяет нам это при помощи интерпретанты. Необычное, неконвенциональное в ПВ мы пытаемся понять через имеющиеся у нас интерпретанты. А иногда, наоборот, для смысла не хватает слов. И тогда ПВ мы приспособливаем под индивидуальный ПС. Как это часто делают дети (см., напр., [Чуковский 2001]) и поэты (см. Приложение). Но случайные интерпретанты уступают место узусу интерпретации — норме речи.

Как отмечает У. Эко, «знак, вызывая ряд непосредственных реакций (энергетических интерпретантов), постепенно создает некую привычку (a habit), некую регулярность поведения у интерпретатора (или пользователя) этого знака. Поскольку привычка — это «склонность... вести себя сходным образом при сходных обстоятельствах в будущем», Окончательный Интер-

претант знака — это и есть данная привычка. Иными словами, соотношение между значением и репрезентативом приобретает форму закона (закономерности)» [Эко 2007: 321].

1.3. «Риторический компонент» смысла высказывания как единицы речевой интеракции

Одними из первых в современной лингвистике, предложившие механизм интерпретации имплицитного (формально не выраженного) смысла высказывания были П. Грайс [Grice 1975] и Дж. Серль [Серль 1986], О. Дюкро [Ducrot 1972, 1984].

С разделением смысла высказывания на лингвистический и риторический компоненты (см. выше) возникает вопрос о том, что, если к лингвистическому компоненту смысла применим компонентный анализ, то как формализовать «риторический компонент», т.е. те знания (компетенции), которые позволяют находить в процессе речевого взаимодействия (устного или письменного) тот самый релевантный, актуальный смысл здесь и сейчас, удовлетворяющий замыслу адресанта и хотя бы приблизительно соответствующий пониманию актуального или виртуального адресата.

Для того, чтобы это таинство состоялось, необходимы предварительные условия, касающиеся когнитивных систем коммуникантов. В зависимости от концепции автора, эти условия получают разные номинации и, при достаточно инвариантном понятийном содержании, различные вариативные трактовки. Выделяя составляющие имплицитного содержания (см. выше), мы говорили о трех ситуациях — деятельностной, дискурсивной и предметной. В речевом взаимодействии все три типа ситуации реализуются одновременно, и, несмотря на то, что существует определенная иерархия ситуаций (например, место, статус и цель определяют предмет речи), трудно не учитывать важность самой лингвистической компетенции, т.е. знания самого языка. Поэтому лингвистический компонент является своего рода константой в виде лингвистической компетенции, к которой прибавляются энциклопедическая

компетенция, логическая компетенция (умение рассуждать и делать выводы) и риторико-прагматическая компетенция («риторический компонент» по О. Дюкро – см. выше), или, по словам М.А.К Халлидея, «грамматика личностного участия в разговоре» [Halliday 1973].

Приступая к анализу наиболее важных для нас концепций, нельзя обойти вниманием популярный в современной лингвистике термин «пресуппозиция» и выяснить его значение для нашего исследования.

1.3.1. Пресуппозиция, инференция, импликация: О. Дюкро, П. Грайс, Дж. Серль и другие

В своей работе «Dire et ne pas dire» (2-ème éd. 1980) О. Дюкро подробно останавливается на истории и современном использовании термина «пресуппозиция». В аналитической философии, как и в лингвистических штудиях, термин, в соответствии со своей внутренней формой, означает «предполагаемое, предшествующее сказанному», или, другими словами, «условия производства высказывания». Например, приводя анализ Ч. Филлмора условий успешности уже упоминавшейся выше фразы «Ferme la porte!»:

1. Собеседники находятся в условиях, позволяющих одному из них обратиться к другому;
2. Адресат находится в условиях, позволяющих ему закрыть дверь;
3. Адресант имеет в виду определенную дверь и полагает, что адресат сможет её идентифицировать без дальнейших уточнений;
4. Дверь в момент говорения открыта;
- 5 Адресант хочет, чтобы её закрыли, —

Дюкро утверждает, что только первые четыре Филлмор относит к пресуппозиции, тогда как пятое относится к «условиям успешности» определенного типа акта (см. ниже) [Ducrot 1980: 48]. Такие пресуппозиции стало принято считать «экзистенциональными». Они и представляют собой те энциклопедические знания, необходимые для понимания всякого высказывания.

Они кажутся элементарными, однако представим планету одинаковую с Землей, но без силы притяжения, где простая фраза «Книга упала» будет относиться к некоему фантастическому возможному миру (см. [Бабушкин 2001]). Это не значит, что для адекватного понимания любой фразы нужно мысленно обращаться к законам физики, гелиоцентрической системе (вспомним Шерлока Холмса) и т. п., однако для взаимопонимания энциклопедическая компетенция играет решающую роль. Основным качеством презумпции является «**презумпция истинности**», когда коммуникант не ставит под сомнение существование в реальном или возможном мире субъектов или объектов, фигурирующих в высказывании. Как отмечает Т.Б. Ганеев, «"Человек летает" - чисто формально неверно, так как сам человек летать не в состоянии. Но семантически это «неправильное» высказывание не вызывает у нас затруднений, поскольку авиация прочно вошла в нашу жизнь. Кроме того, следует учитывать и иносказательный смысл - «быстро передвигается», «часто меняет место работы» [Ганеев 2005:56].

В теории О. Йокояма коммуниканты обладают определенным набором знаний, называемым ею «когнитивное множество», которым коммуниканты обмениваются в процессе речевого взаимодействия, получившего название «когнитивная трансакция» [Йокояма 2005]. Для того, чтобы взаимодействие когнитивных систем было успешным, коммуниканты должны обладать:

1) экзистенциальной компетенцией (вера в существование некоего экзистенциального объекта);

2) предикационной компетенцией (экзистенциальный объект существует в определенных его состояниях, приписываемых ему говорящим);

3) пропозициональной компетенцией (способность строить общие пропозициональные схемы (например, пропозиции [кто-то где-то преподает], [кто-то является кем-то] или [кто-то куда-то уехал] и т.д., которые «имеют презумпцию истинности в сознании говорящего» [Йокояма, 2005:37]);

4) специфицирующей компетенцией (способностью заполнения пропозиций специфицирующими терминами: вместо «кто-то» — Иван Иванович; вместо «где-то» — МГУ и т.д.);

5) референциальной компетенцией (знание того, что каждый специфицирующий терм имеет «пучок индивидуальных признаков»: Иван Иванович — электрик; МГУ – университет и т.д.);

6) знанием кода (фонетика, грамматика, лексика и т.п.);

7) дискурсивной компетенцией (коммуникация происходит в рамках ситуации общения (кто, где, когда, с кем, с какой целью и т.д.) – ср. выше — «деятельностная ситуация»).

Совокупность этих когнитивных компетенций можно считать процедурной пресуппозицией коммуникации (ср.[Йокояма 2005]).

О логической компетенции (импликации, или имплицатуры, и инференции) писали в своих работах П. Грайс и Дж. Серль и др. Суть этого феномена сводится к необходимости определенного *когнитивного усилия* для исчисления смысла высказывания (учитывая пресуппозицию, ситуацию и контекст). Любое высказывание — это логическая форма, пополняющая когнитивное пространство адресата. Составляющей её частью является та логическая информация, которая не сообщается, а добавляется в результате логических действий самого адресата. Такие действия получают название инференции. Источники инференций многообразны. Согласно теориям Дж. Фодора [Fodor 1986], а также «Теории релевантности» Д. Шпербер и Д. Уилсон [Шпербер, Уилсон 1988], основанных на «компьютерной метафоре» [Залевская 2005], в мозг, как в компьютер, из «периферических модулей» (языкового кода, зрения, слуха, обоняния и т.п.) поступает информация, которая перерабатывается в «центральной аналитической системе», где находится основной «механизм дедукции», отвечающий за смысл высказывания.

Инференционная модель (исчисление смысла) представляется как совокупность гипотез, выдвигаемых адресатом по мере поступления информации («герменевтический круг» - см. выше). Причем П. Грайс напоминает ло-

гический закон Оккама: «Не умножать количества сущностей», т.е. количество интерпретаций высказывания [Grice 1975]. Для этого существуют «конвенциональные импликатуры» (П. Грайс), коррелирующие с первыми шестью компетенциями О. Йокояма (см. выше). Другими словами, это закрепленные «конвенции» языка, правила его декодирования. Ограничителем множественности смысла является при этом контекст, ситуация. Таким образом, многозначности интерпретаций высказывания П. Грайс противопоставляет однозначность языкового знака в его употреблении в контексте [Grice 1975] (ср. «финальная интерпретанта» Ч.С. Пирса – см. выше). Ситуация коммуникации, по П. Грайсу, определяется т.н. «конверсационными импликатурами», объединенными «принципом кооперативности» [Грайс 1985]. Формулируя свой Принцип Кооперации, Грайс основывается на заинтересованности коммуникантов в общении и стремлении к достижению конечного его результата, требующих такого построения высказываний, которое будет способствовать взаимопониманию и развитию речевого взаимодействия в соответствии с интенциями собеседников. Принцип Кооперации П. Грайса находит свою реализацию в четырех максимах - Количества, Качества, Отношения и Способа, регулирующих объем, содержание, уместность и ясность сообщаемой информации [Там же].

Чтобы обнаруживать содержание конверсационной импликатуры, собеседного говорящим, получатель должен сделать заключение, общая схема которого может выглядеть следующим образом:

1. Говорящий L сказал P.
2. Получатель D не вправе предполагать, что L не соблюдает максимы общения или принцип сотрудничества (кооперации).
3. D считает, что L соблюдает принцип сотрудничества и максимы (качества, количества и т.д.), и предполагает, что L подумал Q.
4. L знает (и знает, что D знает, что L знает), что D понимает, что он предполагает и думает Q.
5. L ничего не сделал, чтобы мешать D думать Q.

6. L хочет таким образом, чтобы D думал Q.

7. Таким образом, L имеет в качестве подразумеваемого Q.

Применение принципа импликатуры и инференции (извлечение скрытого смысла) необходимо при анализе так называемых косвенных речевых актов, выделенных Дж. Серлем [Серль 1986]. Ставшее классическим предложение *Can you pass me the salt?* ('Вы не могли бы передать мне соль?') в своем буквальном значении выражает общий вопрос, т. е. требует реакции в виде ответа Да / Нет, но практически употребляется в значении просьбы, т. е. имеет косвенную иллокутивную цель, отличную от прямой, которая предусмотрена буквальным смыслом предложения.

Предположение о неоднозначности данного высказывания явно противоречит интуиции собеседника, его коммуникативной компетенции. Значение просьбы, т. е. косвенной иллокутивной цели, может быть «вычислено», или «выведено», из прямого смысла предложения с помощью последовательности логических рассуждений. В этом исчислении используется то, что мы уже назвали «пресуппозицией», т.е.:

I. Наличие у адресанта и адресата общего фонда знаний о мире (энциклопедическая, или контекстуальная информация).

II. Наличие у Г и С общей оперативной памяти, касающейся данного речевого взаимодействия (оперативная информация).

Дж. Серль приводит развернутую пошаговую модель инференциального исчисления скрытого смысла («условия успешности речевого акта»):

Шаг 1. Человек X спросил меня, могу ли я передать соль, (оперативная информация).

Шаг 2. Я предполагаю, что высказывание удовлетворяет постулату релевантности (касается деятельностной ситуации, интересов партнера).

Шаг 3. Едва ли моя способность передать соль представляет интерес сама по себе (сведение из общего фонда знаний о мире).

Шаг 4. Более того. X, скорее всего, видит сам, что ответ утвердительный (сведение из общего поля зрения).

Шаг 5. Следовательно, его высказывание, скорее всего, не вопрос, а имеет другую иллокутивную силу (вывод из предшествующих шагов),

Шаг 6. Возможность С совершить действие является предварительным условием всякого акта побуждения (теория речевых актов).

Шаг 7. Следовательно, вопрос Х таков, что утвердительный ответ на него влечет выполнение предварительного условия для просьбы передать соль (вывод из шага 6).

Шаг 8. Мы обедаем, а за столом естественно передавать друг другу соль (сведение из общего фонда знаний о мире).

Шаг 9. Следовательно, при отсутствии других возможных гипотез относительно иллокутивной силы высказывания Х можно заключить, что Х, вероятно, просит меня передать ему соль (вывод из шага 5 и шага 8) (ср.[Серль, 1986]).

Таким образом, речемыслительный механизм постоянно настроен на извлечение не только общего смысла высказывания, но и построения гипотезы относительно других возможных «прочтений», поиск в любом высказывании «скрытых смыслов».

1.3.2. Типология имплицитности

В своей книге об имплицитности К. Кербрат - Ореккиони [Kerbrat-Orecchioni 1986] дает подробный классификационный анализ имплицитной информации, начиная с тех «дискурсивных пространств», или тех «мешков памяти», по выражению А. Беррандоннера [Berrendonner 1983: 246], в которых находится имплицитная информация.

Виды имплицитной информации не раз подвергались классификации (О.Дюкро, П.Грайс, Ф.Реканати, Э.Руле, К.Кербрат и др.) и сводятся к следующим типам [Kerbrat-Orecchioni 1986: 20]:

Схема 7 Виды имплицитной информации

*пресуппозиции**подразумевания (импликация)*

Как следует из схемы, «риторический» компонент смысла (см. схему 3), т.е. имплицитное содержание высказывания, состоит трех позиций — умозаключений, пресуппозиций и подразумеваний (импликаций).

Умозаключения (инференции) — это описанные выше механизмы, связанные с имплицитной информацией и позволяющие при помощи определенных логических операций вычислить отсутствующую информацию. Простейшей из таких операций является энтимема, или неполный силлогизм, к которому, как правило, прибегают в обыденном мышлении и общении. Например, понимание выражения «Потерявши голову, по волосам не плачут» строится на энтимеме: «1) потерю обычно оплакивают; 2) из двух потерь оплакивают более значимую; 3) голова значительнее волос, отсюда вывод в форме общепринятой сентенции («общего места», или топоса, т.е. «прописной истины») (см. [Зарецкая 1999; Рождественский 1997; Тамразова 2010]).

В обыденном общении, благодаря закону наименьшего усилия и принципу экономии в речи, преобладают эллиптические высказывания [Александрова 1984; 1987], в основе интерпретации которых лежит умозаключение. Так, если на предложение пойти в кино вам отвечают: «У меня завтра экзамен», вы заключаете без особых усилий, что данный речевой акт, скорее всего, является отказом. Дж. Серль называет такие речевые акты косвенными (см. выше).

Природа и особенности имплицитной информации разнообразны. О. Дюкро, например, проводит различие между пресуппозицией и подразумеванием [Ducrot 1984]. И, если, вслед за К. Кербрат-Орекиони **пресуппозицией** можно считать «любую информацию, которая не сообщается открыто (т.е. не является истинным предметом сообщения), но, тем не менее, автоматически сопровождает формулирование высказывания, внутренне присущего содержанию и не зависит от коммуникативного намерения говорящего»

[Kerbrat-Orecchioni 1986: 25], то под **подразумеванием (sous-entendu)** О. Дюкро понимает скрытую информацию, которую адресант пытается донести до адресата [Ducrot 1972].

Дефиниция О. Дюкро более диалектична (Дюкро дает ее в споре с самим собой — см. [Ducrot 1984:13-46]) и затрагивает основные свойства пресуппозиции, отличающие ее от других типов имплицитной информации.

Действительно, несмотря на различия и противоречия в определениях пресуппозиции, одно свойство наверняка отличает пресуппозицию от того, что в сообщении утверждается эксплицитно, — это свойство не изменяться, когда меняется коммуникативный тип высказывания. Например, предложение (ставшее классическим) «Pierre a cessé de fumer»/«Пьер бросил курить»/ имеет в пресуппозиции «Pierre fumait »/«Пьер курил»/. Эта пресуппозиция не изменяется ни при отрицательной, ни при вопросительной трансформациях данного сообщения: «Pierre n'a pas cessé de fumer» и «Pierre a-t-il cessé de fumer?», хотя понятно, что утверждение, отрицание и вопрос передают не одну и ту же эксплицитную информацию. Однако, если это высказывание рассматривать как косвенный речевой акт упрека в адрес курящего, мы будем иметь дело с намеком, подразумеванием.

Еще одна особенность пресуппозиции заключается в ее дискурсивно-прагматическом свойстве быть «менее» уязвимой в отношении «истинность/ложность». Если основным семантическим критерием определения релевантности пропозиции является параметр истинность/ложность, то фразы с ложной пресуппозицией и фразы с ложной пропозицией имеют разный прагматический потенциал, что часто используется в рекламном слогане. Например:

- Les Sauces Amora : «On en **mangerait bien** tous les jours »;
- Président : «Quand on aime la vie, on aime Président - Il n'y a rien au dessus de Président ».
- Nutella : «Chaque jour c'est du bonheur à tartiner »

Три рекламных слогана продукта содержат в пресуппозиции три позитивных топоса: 1 – «каждый день хочется есть только нечто вкусное»; 2 – а) любовь к жизни - это и есть любовь к сыру; б) Президент самое высокопоставленное лицо в государстве; 3) «Нутелла» – это счастье.

Пресуппозиции играют огромную роль в процессе речевого взаимодействия, в процессе понимания речи. Помимо ко- и контекстуальных пресуппозиций в речевом контакте задействованы экзистенциальные, аффективные, аксиологические, идеологические, религиозные, этно- и идио-этические и эстетические «пресуппозиции», о которых Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут в терминах «метафор» и «концептуальных программ» [Лакофф, Джонсон 2008]. Такие экстралингвистические составляющие коммуникативной компетенции, невыраженно присутствующие в любом коммуникативном акте, мы предлагаем называть «элементами коммуникативной компетенции», или «презумпциями».

В.В. Красных предлагает свою типологию пресуппозиций, основанную на различных типах когнитивных баз (КБ) участников речевого взаимодействия: «Мы выделяем три типа пресуппозиций: (1) микропресуппозицию (соотносимую с ИКП), (2) социумную, или константную, пресуппозицию (соотносимую с ККП), и (3) макропресуппозицию (соотносимую с КБ):

когнитивная база (КБ)	макропресуппозиция
коллективное когнитивное пространство (ККП)	социумная, "константная" пресуппозиция
индивидуальное когнитивное пространство (ИКП)	ситуативная, спонтанная микропресуппозиция.

Макропресуппозиция - тот фрагмент когнитивной базы, который релевантен и актуален для осуществляемого акта коммуникации. Актуализация макропресуппозиции возможна только в случае общения коммуникантов, обладающих одной когнитивной базой, или в случае, когда коммуникант-иностранец знаком с когнитивной базой (КБ) того национально-лингвокультурного сообщества, на языке которого ведется общение... *Социумная*

пресуппозиция - фрагмент коллективного когнитивного пространства, актуализирующийся в коммуникации. Этот тип пресуппозиции возможен при общении людей, входящих в один социум; при этом принадлежность коммуникантов к одному национально-лингвокультурному сообществу и наличие единой для них когнитивной базы не являются обязательными. Данный тип пресуппозиции соотносим с коллективным когнитивным пространством, которое менее консервативно, чем КБ, но носит значительно более константный характер, чем индивидуальное когнитивное пространство, которое постоянно претерпевает те или иные изменения.

Микропресуппозиция - общий фонд знаний коммуникантов о конкретной ситуации, в которой осуществляется конкретный акт коммуникации, это спонтанно возникающая "здесь и сейчас" зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств (ИКП) коммуникантов» [Красных 1999: 114-115].

Соглашаясь в принципе с такой типологией пресуппозиций, подчеркнем интеракционный характер данной классификации: речь идет о взаимодействии когнитивных пространств собеседников, что еще раз доказывает, что имплицитность относится к **интеракционным категориям речевого взаимодействия** (см. [Алферов 2001; 2007]).

Подразумеваниями, или «**импликациями**» мы будем называть *интенциональные речевые акты*, истинный смысл которых скрыт, но именно он и является иллюкутивной целью такого высказывания.

Как известно, имплицитность и связанная с ней эллиптичность высказывания соотносятся с антиномией экономии и избыточности в языке и речи. Говорящий, хотя им и движет «закон наименьшего усилия»², должен забо-

² Как отмечал Г. Вейнрих, «этот принцип, на котором так настаивал А. Мартине в своих публикациях, имеет очень широкое распространение; он характерен для языка и для всех других коммуникативных систем, функционирующих достаточно эффективно» [Weinrich 1973: 43].

таться и о том, чтобы его высказывание было достаточно эффективным, т.е. понималось адресатом.

Поэтому имплицитная информация обычно маркируется. Вслед за [Grice 1979] и [Roulet 1985], можно выделить четыре степени маркированности содержания от 0 (отсутствие маркеров) до 1 (эксплицитность) (ср. выше – Схема-Таблица 2). Имплицитность конвенциональная (восстанавливается из ко-текста, контекста и ситуации разговора) и имплицитность конвенциональная (закрепленная за теми или иными стереотипными маркерами) — также различаются степенью маркированности.

Например: «J'voudrais aller à Paris l'mercredi après-midi pour arriver à 6 h. là-bas quel train faudrait prendre?» или «J'aimerais bien «La peste» d'Albert Camus c'est pour l'école ». В данных примерах главный речевой акт просьбы сопровождается подчиненными вспомогательными актами (в первом — «предварительной экспликацией», во втором — актом аргументативного комментирования). Оба высказывания достаточно эксплицитны. В то время как 1) «C'est-ce que vous avez Contes et nouvelles d'Oscar Wilde?» или 2) «Oh! Il y a un courant d'air» могут интерпретироваться 1) как речевой акт запроса информации и как косвенный акт просьбы; 2) как констатация факта или также косвенная просьба закрыть дверь/окно, подать плед и т.п. Окончательная их интерпретация ситуативна (конвенциональна) (О функции междометий как маркеров иллюкутивности - см. [Кустова 2009]).

Конвенциональная маркированность имплицитности высказывания определяется наличием маркеров, которые Э.Руле назвал индексальными [Roulet 1985: 31], однозначно (конвенционально) указывающим на иллюкутивный тип речевого акта, напр., «Пожалуйста!», «Спасибо!» - «S'il vous plaît», «Merci» и др. Четвертая, максимально эксплицитная степень выраженности содержания высказывания, характеризуется наличием дескриптивных (у Руле - «деноминативных») маркеров типа « Я прошу вас», «Дайте...» и проч.

Было отмечено (см., напр., [Алферов 1989; Гак 1998; Dostie 2004]), что семантически избыточные элементы, такие как вышеуказанные модусные конструкции, приобретают функцию прагматических маркеров и конвенциализируются, т.е. призваны отражать элементы речевой ситуации, указывать на имплицитные элементы смысла высказывания (риторический компонент).

Спонтанная разговорная речь (см. [Александрова 1984, 1987; Потапова 2003; Потапова, Потапов 2006]), в большей степени, чем какая-либо другая форма речи, имплицитна, эллиптична, зависит от ситуации сказывания, богата междометиями, модусными наречиями, частицами, глаголами формулирования и т.д.. Такие дейктические речевые единицы отражают не только «эмотивность» высказывания, но и несут информацию о различных параметрах речевой ситуации, т.е. отражают отношение говорящего субъекта к:

- а) пропозиции (референту), который, в свою очередь может быть эксплицитным и имплицитным (например, намек, инсинуация и т.п. – см. ниже);
- б) цели высказывания (иллокуция), которая также может быть выражена косвенно (имплицитно);
- в) партнеру по взаимодействию (интерперсональные отношения) и
- г) построению речевого взаимодействия (вступление в контакт, поддержание и выход из коммуникации) (ср., например, русский фразорефлекс «Дорогие гости, а не надоели ли Вам хозяева?»).

Таким образом, имплицитная информация маркируется, чтобы быть понятой. Различие между пресуппозицией и импликацией (подразумеванием по О. Дюкро) и состоит в степени информативной значимости скрытой информации. Если имплицитная информация ставится в информативный центр обмена («должна быть» замечена и интерпретирована собеседником), такая информация есть импликация, подразумевание. Пресуппозиция по определению не интенциональна, а существует «in posse». Маркирование пресуппозиции есть речевой акт, который в зависимости от риторической составляющей диалога может рассматриваться как «инсинуация», «намек», «сплетня» и т.п. (см. [Алферов 2001]).

То, что в стилистике или литературоведении, как правило, называется «тропом», «иносказанием», «фигуральным смыслом» [Энциклопедический словарь-справочник 2005], в терминах Грайса, как уже указывалось, получило название импликации. В случае, когда буквальная интерпретация невозможна, возникает необходимость поиска «фигурального смысла». В этом случае слушатель прибегает к законам психологической ассоциации, о которых говорил А.А. Потебня, — мысли ассоциируются, следуя логическим отношениям смежности, включения, сходства и противоречия (антиномии) [Потебня 1999].

Целесообразно различать имплицитную информацию на уровне высказывания-произведения (*énoncé*) и импликацию на уровне “сказывания” («*énonciation*»). Первая вызывает необходимость при декодировании восстанавливать смысл путем умозаключения, опираясь на ко-текстовые маркеры или восстанавливать истинный смысл высказывания через семантические изотопии (см. выше).

В стилистике и риторике на механизмах импликации — «**X** не имеет смысла, если его не понимать как **Y**» — построены тропы: эллипсис, синтез, зевгма и анаколупф и т.д. (см. [Robrieux 1993; Рождественский 1997; Зарецкая 1999; Энциклопедический словарь-справочник 2005] и др.).

Если же импликация относится к самому акту сказывания, то формула приобретает вид: «Он мне говорит **X**, но в этих обстоятельствах и исходя из логики (знак-индекс по Пирсу), сказать **X** означает **Y**, следовательно он имеет в виду **Y**». Здесь мы имеем дело с подразумеванием, которое является интенциональным речевым актом и может быть названо иллокутивной импликацией.

Таким образом, среди маркеров имплицитного содержания высказывания можно выделить маркеры пропозициональной импликации (определение каузальных, следственных и т.д. связей), связанные с лингвистическим компонентом смысла (см. выше - Схема 3), с одной стороны, и маркеры, которые связаны с иллокутивной импликацией, с интерперсональной импликацией

(например, употребление ты/вы форм маркирует не выраженный эксплицитно определенный характер интерперсональных отношений) и, наконец, с дискурсивной импликацией (так в определенной ситуации такая фраза, как «Encore du thé?» или «Да, вот такие дела...», может означать завершение речевого контакта). Как следует из вышеизложенного такие маркеры могут относиться к различным уровням языка — от фонемы до высказывания (см. ниже).

Подводя итоги описания категории имплицитного содержания можно отметить следующее. Имплицитное содержание может быть интенциональным с точки зрения либо говорящего, либо адресата. Первое может быть названо *импликацией кодирования*, или *подразумеваем*, а второе — *импликацией интерпретирующей*, или *изотопией* (заимствуя термин Ф. Растье в одном из его значений). Как отмечал Э. Бенвенист, «семиотическое отношение между системами проявляется как соотношение между *системой интерпретирующей и системой интерпретируемой*. В широком смысле именно это соотношение мы должны констатировать между знаками языка и другими знаками, употребляющимися в жизни общества; знаки, имеющие хождение в обществе, могут быть полностью интерпретированы посредством знаков языка, но не наоборот. Язык, таким образом, выступает как интерпретант общества» [Бенвенист 1974 –электронный ресурс].

Импликации декодирования могут отличаться от импликаций кодирования, приводя к когнитивному конфликту (см., напр., [Гюрджян 2009]), недопониманию коммуникативной неудаче и т.п.

Импликации относятся (см. Схему 4):

— к предметной ситуации (пропозиции высказывания): «G n'est plus marié = G était marié» (извлечение пресуппозиции)

— к дискурсивной ситуации (ситуации речи), которые могут быть

а) «энунциональными», вытекающими из акта сказывания по формуле: «мне говорят X; этот факт означает Y, значит X=Y»;

б) риторическими (тропеическими): «Jamais je ne monterai en voiture avec Alfred, je tiens à ma vie, moi!» (ирония); «Tu sais ce qu'il m'a dit, Raimond : moi, c'te fille-là j'la drague comme je veux. *Faut pas pousser quand-même*» (речевой стереотип-маркер возмущенного протеста. обвинения);

в) квазиритуальными (этикетными): «Oh là là! Déjà huit heures!» — высказывание имеет две функции — дать понять, что не было скучно, и обосновать необходимость ухода;

с) интерперсональными: «Dites-donc! Tu pourrais répondre quand je te parle!» (возмущение + упрек + агрессия);

— к деятельностной ситуации: «Untel est venu me voir, il a donc des ennuis» (= Untel ne vient me voir que s'il a des ennuis) или «Il faut être fou pour habiter Paris» и т.д.

Говоря о соотношении семантики и прагматики в высказывании, можно отметить обратно пропорциональную зависимость между объемом эксплицитной (лингвистической) и имплицитной (риторической, прагматической) составляющих смысла (см, Схема 3). Семантические и прагматические функции высказывания находятся в логическом отношении перекрещивания («принцип дополнительности»). Как отмечают Р.К. Потапова и В.В. Потапов, «Наряду с эксплицитными значениями языковые выражения заключают в себе также нечто внутреннее (имплицитное), т. е. определенные смыслы. Речь идет о константных, закрепленных за языковыми единицами узואально в системе языка смыслах-знаниях, сопровождающих эксплицитные значения. Таким образом, семантика языковых единиц, имеющих фоновые знания, как бы раздваивается и в общем предстает как соединение или, скорее — единство эксплицитного (значение) и имплицитного (фоновые знания). И тогда фоновые знания получают статус *имплицитной семантики* языковых выражений. При этом следует подчеркнуть, что толкование имплицитного не отождествляется в данном случае с толкованием неязыкового» [Потапова, Потапов 2006: 364].

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. Любое высказывание, выполняющее коммуникативную функцию, следует рассматривать как незавершенное и неполное. Начальную семантику высказывания всегда дополняет и завершает семантический комплект. Только совокупность (эксплицитного) высказывания и (имплицитного) компонента представляет собой коммуникативно завершенное (полное) высказывание.

2. Языковая семиотика отличается асимметрией плана выражения (означающего) и плана содержания (означаемого). Асимметричная природа Языка «обрекает» его на потенциальную неопределенность смысла речи как его функциональной реализации, которая «обладает множеством смыслов».

3. План выражения и план содержания находятся как в отношениях симметрии (моносемия, однозначное, прямое значение), так и асимметрии (омонимия, полисемия, переносное косвенное значение). Оба отношения дополняют друг друга, взаимосвязаны и взаимозависимы.

Онтология асимметрии обоих планов языкового знака подчиняется принципу дополнительности.

4. Необходимо отметить интеракциональную (диалогическую) основу взаимоотношения вербального и невербального в сознании человека: речемыслительные процессы протекают в актах общения говорящих и слушающих индивидов. Единый речемыслительный акт, включен в **интеракциональную деятельность**, т.е. взаимодействие партнеров по коммуникации.

5. Одно и то же пропозициональное содержание имеет разные степени маркированности скрытых в нем косвенных смыслов в зависимости от невербальных средств, сопровождающих высказывание (мимика жесты), от просодических и, наконец, индексальных ситуативных маркеров, на которые опирается интерпретатор смысла.

6. Интегральный смысл высказывания включает в себя лингвистические (семантические) составляющие и прагматические (ситуативные) компо-

ненты, связанные либо с деятельностной, либо с дискурсивной составляющими ситуации высказывания.

7. Необходимо выделить три составляющие ситуации высказывания, то есть три возможных имплицитных значений высказывания, с которыми оно должно составить интегральный смысл: контекст, который позволит идентифицировать расхождение между буквальным эксплицитным компонентом и его денотатом, в результате чего возникает риторический троп; ко-текст, т.е. вербальное окружение и пара-текст: просодия, мимика, жесты (особая ироничная интонация, покачивание головой, «речевые жесты»-междометия, неречевые жесты и действия и т.д.).

8. В основе когнитивного представления о взаимодействии вербального и невербального в тексте лежит не дихотомия «высказывание-контекст», а модель «пространственного распределения знаний как общей связующей основы познания и общения», состоящая из деятельностной, дискурсивной и пропозициональной составляющих акта высказывания.

9. Для анализа имплицитного смысла высказывания-текста применимы концепции интерпретирующей семантики Ф. Растье и её ключевые понятия: «афферентная сема» (вносящее семантическое рассогласования в сообщение) и «изотопия» (непротиворечивое прочтение семантического плана текста).

10. Основой для интерпретации имплицитного содержания может служить модель интерпретанты Ч.С. Пирса, позволяющего осуществить подход к взаимодействию семантического и прагматического в смысле высказывания на основе принципа дополнительности плана выражения и плана содержания.

11. Типология имплицитного содержания сводится, в целом, к двум типам — пресуппозиции, предлежащей высказыванию (довербальный компонент) и импликации выводному семантическому заключению, вытекающему либо из лингвистического, либо из «риторического компонентов (поствербальный смысл).

ГЛАВА II. РЕПЛИКА КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ МАРКЕР ИМПЛИЦИТНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Как отмечает В.Б. Кашкин, «языковой знак имеет значение всего лишь мгновение, в той точке дискурса, где случилось соединиться - по воле интенции коммуниканта - плану выражения с планом содержания в конкретных ситуативно-контекстуальных условиях. Любое другое употребление уже сдвигает смысл, как отмечали еще младограмматики и А. А. Потебня. Как в одну реку нельзя войти дважды, так и слово всякий раз имеет новое значение. Недаром и Р. Барт признавал за словом всего лишь возможность значения, а не строго и навечно закрепленное соединение двух семиотических планов - выражения и содержания» [Кашкин 2009].

Такое моментальное существование высказывания «здесь и сейчас» Э. Бенвенист назвал термином «*énonciation*» [Benveniste 1970]. Термин «энунциация», хотя и встречается в отечественной лингвистической литературе, не получил широкого распространения в силу традиционно менее популярного (чем калькирование) метода *транслитерации* (ср. кислород – *oxygène*; предложение — *proposition* и т.п.). Однако необходимость сохранения, хотя бы в качестве операционального, применяющегося *ad hoc*, термина объясняется распространением «гипотезы лингвистической относительности» на национальную научную картину мира. В частности, термин «высказывание» как речевой коррелят предложения (*proposition*) в отечественной лингвистической парадигме проявляет понятийную асимметрию в терминологии, кумулятивно соответствуя французской оппозиции «*énoncé / énonciation*». Первый из французских терминов обозначает высказывание-результат (фиксированный материально), второй — процесс «сказывания» (термин А.А. Потебни – см. [Потебня 1958]), которому в современной франкоязычной лингвистике придается особое понятийное содержание (см., напр., [Cervoni 1987]).

2.1. Энунциация как речевой акт. Реплика как маркер имплицитного содержания

Заимствованный из англосаксонской теории речевых актов (ТРА) [Austin 1970], термин *локуция* не вполне коррелирует с вышеприведенным термином, который, заимствуя путем транслитерации, мы называем «*энунциация*». Ведь речь идет не о чистой *фонации* (акт локуции), но и об условиях порождения высказывания в ситуации [Алферов 2007], т.е. о **речевом акте в целом** (локуция + иллокуция + перлокуция) [Searle 1972]. Тем не менее, фонация входит важнейшим компонентом в параметр «финальной интерпретанты». В этом аспекте интонация и другие паравербальные средства имеют универсальное значение для простого понимания, и, тем более, исчисления скрытого смысла высказывания. Как отмечают Р.К. Потапова и В.В. Потапов, «Речь, являясь средством общения, функционирует на базе механизма интеллектуальной деятельности, позволяющего выполнять операции отвлечения и обобщения и создающего основу категориального мышления. Речь характеризуется исполнительной, или операционной стороной, первым звеном которой является *физическая, или звуковая материя*. Анализ последней позволяет определить соотношение индивидуальной речевой реализации с инвариантом и вариантами звуковых и интонационных моделей на базе конкретного языка» [Потапова, Потапов 2006: 251].

Таким образом, энунциация как речевой акт приобретает дополнительную значимость, заключающуюся в самом акте произнесения определенного пропозиционального содержания *hic et nunc* (здесь и сейчас). Ч. Морис называл это дополнительное значение знака, которое он приобретает в определенных условиях своего употребления — экспрессивностью знака: «Определенный знак экспрессивен, если его произведение (произнесение) является в свою очередь знаком. Экспрессивность не является частью значения исходного знака, но скорее, представляет собой значение другого знака, которым является само произнесение исходного знака» [Morris 1946: 68].

Приведем пример. Вспомним известную притчу о дураке, который употреблял невпопад пожелания, адресованные партнерам по коммуникации («Носить вам не переносить!» — на похоронах, вместо ситуации сбора урожая). Дурак был всегда бит как невежда в области «кооперативного общения» (П. Грайс – см. выше).

Сама же притча, обнажающая мета-механизм своего образования, дает нам ключ к смыслу этого анекдота — противоречие между *пропозицией* и *энунциацией*, т.е. содержанием высказывания и условиями его успешности.

Высказывание, составляющей смысла которого является сам акт его произнесения, мы называем в нашей работе репликой.

Здесь мы также сталкиваемся с асимметрией ПВ и ПС в силу омонимии самого термина.

Начнем с того, что в авторитетном отечественном лингвистическом словаре О.С. Ахмановой данный термин отсутствует [Ахманова 1966: 934]. Отсутствует он и в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС) [ЛЭС 1990], нет его ни в словаре Ж. Дюбуа [Dubois 1973], ни у О. Дюкро и Ц. Тодорова [Ducrot, Todorov 1972]. Из этого можно сделать вывод, что устоявшегося лингвистического терминологического употребления данный термин не имеет. Одноименную словарную статью мы находим в Толковом словаре русского языка РАН [ТСРЯ 2008]:

« РЕ'ПЛИКА, -и, ж. 1. Ответ, возражение, замечание на слова собеседника, говорящего. *Подать реплику. Реплики с мест* (на собрании). *Колкие реплики. Обменяться репликами.* 2. В сценическом диалоге: текст, заключающий в себе слова одного из действующих лиц. 3. На судебном процессе: возражение одной из сторон (спец.). 4. Краткая газетная или журнальная статья как возражение, выражение несогласия с кем-чем-н.

• От франц. *réplique* < *répliquer* 'возражать; отвечать'» [Там же: 830] .

Во французском современном академическом словаре Trésor de la langue française (TLF/ TLFi) этот термин имеет более широкий понятийный диапазон, хотя в главном толкования совпадают:

«RÉPLIQUE, subst. fém.

A. –1. Action de répliquer; résultat de cette action. Synon. *repartie, rétorsion, riposte.*

a) Dans une discussion, réponse à ce qui vient d'être répondu. *Réplique prompte, vive, péremptoire. Ils discutèrent, nez rapprochés, à répliques basses et rapides* (GENEVOIX, *Raboliot*, 1925, p. 37).

–DR. Réponse du demandeur aux arguments de la défense. *Conclusions en réplique. L'avocat d'Apolline, avec un rare talent, s'acquitta de sa défense (...) le tribunal resta froid; et l'accusateur commença sa sauvage réplique* (BOREL, *Champavert*, 1833, p. 35).

b) Réponse prompte, vive, spirituelle ou impertinente; protestation. *Être prompt à la réplique; échanger des répliques; qui n'admet pas, ne souffre pas de réplique. Une réplique victorieuse qui change le cours de la conversation* (STENDHAL, *Chartreuse*, 1839, p. 117).

♦**Sans réplique.** *Argument(s), preuve(s), raison(s), raisonnement, mot, ton, voix sans réplique; écouter qqn, obéir (à qqn) sans réplique; prouver sans réplique; c'est, cela est sans réplique. L'architecture, quoiqu'elle n'eût rien de sinistre, présentait un caractère de force inéluctable, de volonté sans réplique, de persistance éternelle* (GAUTIER, *Rom. momie*, 1858, p. 306). *Les grands de ce monde savent congédier sans réplique d'un geste, d'un regard, de moins encore* (BERNANOS, *Journal curé camp.*, 1936, p. 117).

2. THÉÂTRE

a) Dans un dialogue, partie de son rôle que chaque comédien prononce. *Répliques d'un rôle; chercher, sentir venir sa réplique. Avec autant de désintéressement qu'un acteur qui arrive à sa réplique, obéissant au scénario divin, ils entrent dans le tombeau* (HUGO, *Misér.*, t. 2, 1862, p. 485). *L'actrice: (...) Je lis ma réplique d'avance dans les yeux de mon partenaire* (CLAUDEL, *Soulier*, 1929, 4e journée, 6, p. 886).

–Loc. verb. *Donner la réplique (à qqn).* Jouer le rôle du partenaire dans un dialogue, en lisant ou en récitant le texte. *Il donne la réplique à Suzanne quand elle*

répète ses pièces, et seulement dans les rôles d'amoureux (DUHAMEL, Maotres, 1937, p. 120).

♦*P. ext.* Répliquer vivement, promptement, avec à propos, à quelqu'un. *Elle bavardait comme une pie: il lui donna la réplique avec entrain (ROLLAND, J.-Chr., Révolte, 1907, p. 516).* Empl. pronom. réciproque. *Canphe et Busiris se donnent la réplique. Quel est le faux? Quel est le vrai? Qui donc a tort? (HUGO, Légende, t. 6, 1883, p. 114).*

b) Derniers mots que prononce un partenaire et qui indiquent qu'un autre doit parler. *Simonne, ayant cru entendre sa réplique, fit trop tôt son entrée (ZOLA, Nana, 1880, p. 1327).*

3. *Au fig.* Riposte en acte à une attaque. *Je pouvais compter chaque assaut et chaque réplique. Puis le canon tonna (SAND, Hist. vie, t. 4, 1855, p. 116).* *Quant à moi, pour la première fois, je me rebiffai. Folcoche reçut dans les tibias quelques répliques du talon (H. BAZIN, Vipère, 1948, p. 71)*» [TLFi – электронный ресурс].

Какие семы актуализируются здесь в первую очередь? Это прежде всего — высказывание - часть диалога, диалогического (чаще театрального) текста (устного или письменного) с подчеркнутой иллокутивной функцией подчинения инициальному высказыванию (инициальной реплике), с функцией аргументации, иногда резкого возражения (отказа, контраргумента), словесная контратака, наконец, в театральном диалоге имеет функцию «последнего высказывания», т.е. функцию передачи слова собеседнику (инициирующую функцию). Кроме того в области искусства имеет значение «копии» (к.- либо произведения).

В современной лингвистике диалогической речи, диалогу посвящено немало работ, в которых часто используется термин «реплика» и определяется его статус. На примере одной работы приведем общее суждение по этому поводу: «Формально-структурный подход основывается на том, что эксплицитный диалогизм коммуникативного события задаёт его динамическую организацию, которая обусловлена меной говорящих, проявляющейся в пере-

даче речевого хода от одного коммуниканта другому. Этот формальный показатель отражен в членении коммуникативного потока на реплика-высказывания. Высказывание, по М. М. Бахтину, является реальной единицей речевого общения и характеризуется такими признаками, как ограниченность меной субъектов речи, завершённости, жанровая оформленность, связь с другими высказываниями диалога и целостность (Бахтин 1979: 245-280) (- в нашей библиографии см. [Бахтин 1979б] – Ж.А.)» [Борисова 2007:17]. И.Н. Борисова, мнение которой мы полностью разделяем, как и М.М. Бахтин, В.Г. Гак [Гак 1970; 1971; 1973], А.В. Алферов [Алферов 2001; 2007] и др., считает высказывание основной единицей анализа речевого взаимодействия. Делая обзор различных мнений в современной отечественной лингвистике (см. [Борисова 2007:17-18]), И.Н. Борисова останавливается на термине «реплика-высказывание», подчеркивая интерактивный статус этой единицы речевого анализа: «Членение на коммуникативные фрагменты проводим на двух уровнях, которым соответствуют два типа диалогических единиц.

1. *Микроуровень* обнаруживает иллокутивно-прагматическое членение диалога: инициальная и реактивная реплика конституируют минимальную «двухчастную, диалогическую по своему строению единицу — *интеракцию*. [...] Две реплики-высказывания объединяются особой связью — иллокутивным вынуждением. [...]

2. *Макроуровень* описывает коммуникативно-композиционное членение диалога: диалогическое единство...» [Борисова 2007:17-18].

Таковы, в общем, взгляды современных отечественных лингвистов на термин «реплика» в контексте структуры диалога.

Однако, с одной стороны, хотелось бы подчеркнуть, что, как и любое высказывание, реплика несет в себе все пять аспектов речевой интеракции: пропозициональный, иллокутивный, аргументативный, интерперсональный и дискурсивный (см. выше определение TLFi, а тж. [Алферов 2001, 2007]).

С другой стороны, французский лингвист Ж. Мёшлер называет «репликой» (*réplique*) то, что Э. Гоффман называет «*reply*» [Goffman 1987; Moeschler

1989]. Особенность такого репликативного речевого акта в том, что обычная реплика связывается с предыдущим речевым актом по семантической согласованности в пропозиции: «A₁ : Tu veux une Camel? — B₁ Volontiers / B₂: Non, merci, je préfère mes Gauloises» или «A₂ : Est-ce que tu peux descendre la poubelle? — B₁: Oui, j'y vais / B₂: Non, je me suis foulé le poignet ce matin». Особенностью «реплики», по Мёшлеру, является семантическая рассогласованность двух интерактивных высказываний. Связь между ними происходит не на семантическом (пропозициональном), а на иллокутивном (прагматическом) уровне: «A₁ : Tu veux une Camel? — B₃: *Tu sais très bien que j'ai arrêté de fumer*» или «A₂ : Est-ce que tu peux descendre la poubelle? — B₃: *Je n'ai pas d'ordre à recevoir de ta part*» [Moeschler 1985:9]. Реплика B₃ связана с различными пресуппозициями A₁. В первом случае в коммуникативный фокус попадает презумпция деятельности ситуации (Ты же знаешь, я бросил курить — речевой акт упрека), а во втором случае это презумпция речевой (дискурсивной) ситуации — ‘Ты не имеешь права так со мной разговаривать’, т.е. отдавать приказы, распоряжаться. В последнем случае собеседник явно настроен агрессивно, так как иницилирующее высказывание вовсе не похоже на приказ, т.е. имеет все маркеры просьбы.

И наконец, одной из инвариантных сем номинации «реплика» является знаковый характер её появления, например, в беседе или диалоге. Будучи эллиптической, она, как правило, обладает интертекстуальной, анафорической функцией, отсылающей к предтексту или более широкому контексту, имплицитно (виртуально) заложенному в канве речевой интеракции.

Подводя итог вышеизложенному, мы считаем имманентной (внутренне присущей) чертой **реплики** возможность не быть связанной с пропозицией предыдущего высказывания, а соотноситься с имплицитным планом речевого обмена. Такой тип реплик мы считаем маркерами имплицитного содержания, или сокращенно — **Р-МИС**. Характерологической чертой Р-МИС является семантическое рассогласование (семантический сдвиг, или «семантическое смещение» – термин А.А. Котова – см. ниже). Обычно такие реплики высту-

пают как «шифтеры» (shifters- термин Р.О. Якобсона), т.е. включатели импликаций (побудители вычисления скрытого смысла), то, что некоторые называют коннотативным значением, а Ф. Растье — афференциями. И самое главное. Такой Р-МИС может стать любая реплика (безотносительно к пропозициональному содержанию), чья *энунциация* (произнесение) будет отсылать к имплицитному содержанию или импликациям (исчислению смысла).

Таковы в первом приближении должны быть все косвенные речевые акты, по Серлю.

Однако, по всей видимости, можно представить типологию Р-МИС в соответствии с разными критериями. Мы будем придерживаться принципа прагмасемантического анализа, описанного в первой главе нашей работы. Суть его в том, что к имплицитному содержанию может быть обращен элемент любого уровня как ПВ, так и ПС. С.Д. Кацнельсон писал, что «явления омофонии лексических значений и омосемии лексем, широко известные под традиционными именами омонимии, полисемии и синонимии, прямо указывают на относительную автономность семантического и лексического компонентов» [Кацнельсон 1976]. Как указывает И.Н. Горелов, «эта относительная автономность подтверждается также экспериментальным доказательством наличия разных типов (образного и абстрактно-знакового) мышления» [Горелов 2003:180]. «Важно, однако, - пишет Горелов, - отметить следующее положение, к которому приходит С.Д. Кацнельсон: «Как бы сложны и разнообразны ни были способы хранения знаний в нашем уме, в их основе всегда лежат различного рода предметно-содержательные связи» [Кацнельсон 1976: 111-112]. Речь, стало быть, не идет только о возможных вариациях памяти и мышления у разных людей. Речь идет главным образом о естественной причине указанной выше относительной автономности планов выражения и содержания, о работающем механизме речи, в котором реально выявляются противоречивость, двусторонность объекта, наделенного качествами как вербальности, так и невербальности. Полное описание такого объекта невозможно без применения принципа дополненности» [Горелов 2003: 180].

Например, одна фонема (или даже фонемный признак) может сдвинуть смысл и на основе семантического рассогласования и появления афферентной семы имплицировать скрытый, а иногда и противоположный смысл. Вспомним гербовый девиз, который был присвоен российским императором Павлом I своему министру Алексею Андреевичу Аракчееву при возведении последнего в графское достоинство: «Без лести предан». А. Аракчеев при императоре Александре I был в обществе крайне непопулярен, и один лишь звук (буква) из его девиза, превратил(а) его в каламбур ("Бес лести предан"), который обыгрывался в эпиграмме А.С. Пушкина и произносился отныне только иронически [<http://letter.com.ua/phrase/index.php?id=823>].

На этом принципе построены многие аллофронические (по Б.Т. Ганееву) элементы игровых речевых жанров — каламбуры, анаграммы, остроты, загадки и анекдоты. Они в той или иной степени «мгновенны» — острота живет «здесь и сейчас». Другими словами, на первое место выдвигается известная оппозиция «*esprit d'à propos*» и «*esprit d'escalier*» (досл. — ум к месту, т.е. «острый ум», и «лестничное мышление», т.е. «тугодум», находящий нужный ответ, когда его уже выгнали на лестницу: ср. «задним умом крепок»). Недаром понимание анекдота так сближает собеседников (общее когнитивное пространство), в то время как непонимание высмеивается («доходит, как до жирафа»).

В роли маркера имплицитного содержания, как правило, выступает Р-МИС, содержащая **смыслообразующую энунциацию** как своего рода афферентную сему, результирующую процесс взаимодействия пропозиции, presupпозиции и импликации, например в таком жанре как анекдот (*petite histoire drôle*).

Например:

— на фонемном уровне:

(4) «Deux gosses de la campagne discutent en revenant de l'école : – Tu sais qui c'est, l'animai le plus rapporteur ? —Non... — Ben, c'est le cheval! —Ah !

Pourquoi ? – Parce que *cheval dire à ma mère...*» (= «J'va(is) l'dire...») [Корпус ND];

— на морфемном уровне (детская этимология – см. выше ссылку на К.И. Чуковского):

(5) «— Maman, j'ai mal aux yeux. Il faut que tu m'emmènes chez le *zieutiste*... — Mon petit, on ne dit pas un *zieutiste*, on dit un *oculiste*.

— *Mais, maman, c'est pas là que j'ai mal...*» [Корпус ND].

Здесь Р-МИС построена на инверсии корневых морфем в силу детского опрощения *yeux* – глаза; *cul* – зад).

На лексическом уровне омофония лежит в основе большинства афференций в Р-МИС:

(6) « — Je pilote des avions à réaction. Je vole à 15 000 mètres et à 1 200 à l'heure. On peut faire ce qu'on veut avec ces engins. Mais le plus difficile, c'est de décoller !

Alors, l'arrière-grand-mère, cassée dans son fauteuil, qui est un peu sourde et qui n'a entendu que la fin de la phrase, se penche vers lui et murmure :

— *Pauvre petiot ! Est-ce que tu as essayé avec de l'eau chaude?* » [Корпус ND] (*décoller* — 1. взлетать; 2. отклеивать).

Иногда обыгрывается квазиомофония, построенная на расхождении в когнитивных базах и фоновых знаниях, связанных с макропресуппозицией (по В.В. Красных). Так обстоит дело с пониманием скрытого смысла анекдота, на который указывает финальная Р-МИС:

(7) «Deux alpinistes, un Parisien et un Sénégalais, sont en cordée sur l'Aiguille Verte. Et soudain, un grand rapace les frôle, avant d'aller se nicher dans une anfractuosit . — *Oh ! dit le Parisien, un aigle !*

Et le Sénégalais lui r pond d'un ton pinc  :

— *On ne dit pas un aigle. On dit un oiseau de couleur...* » [Корпус ND] (Здесь и далее приводятся примеры анекдотов из корпуса ND без референции — Ж. А.).

Как правило, дословный перевод не передает импликаций без потери перлокутивного эффекта (комического) (см. ниже). Это касается всех приведенных выше примеров. Прокомментируем последний — самый сложный, на наш взгляд, для русского интерпретатора (переводчика). Вот необходимые пресуппозиции, лежащие в основе смысла Р-МИС:

А) в силу особенностей фонетики родного языка многие африканцы, в частности, жители Сенегала, не различают французские фонемы [l] и [r] — отсюда *un aigle* (орел) звучит для них так же как *un nègre*.

Б) по правилам политкорректности номинация *nègre* унижает достоинство чернокожего и должна заменяться эвфемизмами типа афрофранцуз, афроамериканец и т.п., в том числе, и парафразом *homme / femme de couleur* (цветной/ая мужчина/женщина). Только знание этих пресуппозиций позволяет понять смысл последней реплики, которая становится в ко-тексте приведенного анекдота «ключевой», т.е. смыслообразующей Р-МИС. (Иначе как русскому понять юмор, «соль» анекдота, заключенного в МИС- реплике: «Нельзя говорить «орел». Нужно говорить — «цветная птица»???).

На импликацию может указывать высказывание в целом (Р-МИС), иногда в сопровождении маркеров иллокутивного и интерперсонального планов (доверительность, совет): «*Tu sais, les chagrins d'amour on s'en remet*» (Знаешь, от любви не умирают) (пример К. Кербрат-Орреккеони). Здесь взаимодействуют когнитивные множества на имплицитном, более глубоком уровне.

В обыденном речевом взаимодействии, в письменном или устном тексте также могут содержаться афферентные, аллофронические сочетания сем, ломающие в синтагматическом плане «семантическое согласование» [Гак 1977:22]. Такая функция может быть идиолектна,okkaзиональна как у писателя Ф. Дара («Сан-Антонио») (см., напр., [Ворожцов 2001]), или может конвенциализироваться и стать частью идиомы, фразеологизма, построенного на имплицитном содержании определенной тропеической формы (например, результат вместо причины: «Не за то отец сына бил, что тот пил, а за то,

что опохмелялся»; «Не так страшен черт, как его малюют»; алогизмы: «Уж виноват ты тем, что хочется мне кушать!», «Après nous — le déluge!», «On est trop poli pour être honnête» и проч.).

. Так, отмечает Ф. Растье, «в дискурсе могут образовываться, в том числе по паратаксису, контекстуальные классы, не совпадающие с системными классами. В итоге изменяется **классема** входящих в эти контекстуальные классы семем» [Растье 2001:82-83]. Такие семантические рассогласования лежат в основе и менее безобидных импликаций, о которых пишет сам Ф. Растье: «Один высокопоставленный американский чиновник недавно сетовал по поводу того, что следственная комиссия, в которой он заседает, состоит из «одного негра, двух евреев, одного инвалида и одной женщины». Между тем в языке 'noir' *негр*, 'juif' *еврей*, 'infirmе' *инвалид* и 'femme' *женщина* принадлежат разным таксемам: расы, пола, вероисповедания и т. п. Связность образуемого контекстуального класса обусловлена, очевидно, не фактом наибольшей представительности таксемы, а признаком /ущербность/ - ингерентным для 'infirmе' *инвалид* и афферентным для 'femme' *женщина* (за отсутствием мужественности), 'juif' *еврей* (за отсутствием христианского вероисповедания) и 'noir' *негр* (за отсутствием благополучной расы): так создается таксема людей низшего сорта в аксиологии типа «иметь или не иметь» (как сказал бы Хемингуэй).

Признак /ущербность/ имеет здесь статус родовой семы, хотя входит в языке в семантему, а не классему 'infirmе' *инвалид*. Это подтверждает, что контекстуальные классы могут изменять не только состав, но и статус составных компонентов» [Растье 2001:84]. Сам политик вряд ли думал о политкорректности.

Афферентное рассогласование может лежать в основе речевой агрессии, ляпсуса, неуместной или злой шутки (см. ниже).

Имплицитное содержание значительно шире семантического рассогласования или семантического сдвига.

Как отмечает Е.Ю. Кустова, «затемнение семантического значения и приобретение прагматического, контекстуального значения, закрепляемого в узусе, а затем в системе языка, можно рассматривать как семиотическую конверсию языкового знака, т.е. переход одного члена значимой оппозиции (семантика) в другую (прагматика) без изменения формы.

В результате семиотической конверсии языковой знак меняет свой семиотический статус. Из конвенционального знака-символа (по Пирсу) с однозначной и устойчивой связью означающего и означаемого семиотический конверсив превращается либо в иконический знак (цитация, повторяемость в определенной ситуации — "- Bonjour! – Bonjour!"), либо в индекс с его ситуативно-контекстуальной обусловленностью ("Feu!", "Au secours!", etc.). С другой стороны, конвенциональная закрепленность отдельных междометий за определенной эмоцией (интенциональным отношением) или ситуацией делает их практически однозначными «словами-фразами» в рамках речевого взаимодействия: « — Tout va bien ? — Ouai ! — Les profs sont-ils bons ? — Ça peut aller. — La nourriture ? — Bof ! — Les amis ? — Pas de problèmes. — Parfait alors, mon chéri. Je t'embrasse. — Salut, maman!» (Basin).

Однако ощущается синсемантичность, «неполноценность» значения таких индексальных элементов. Их прагматичность диалогична, обусловлена совместной смыслообразующей деятельностью адресанта и адресата» [Кустова 2009: 125].

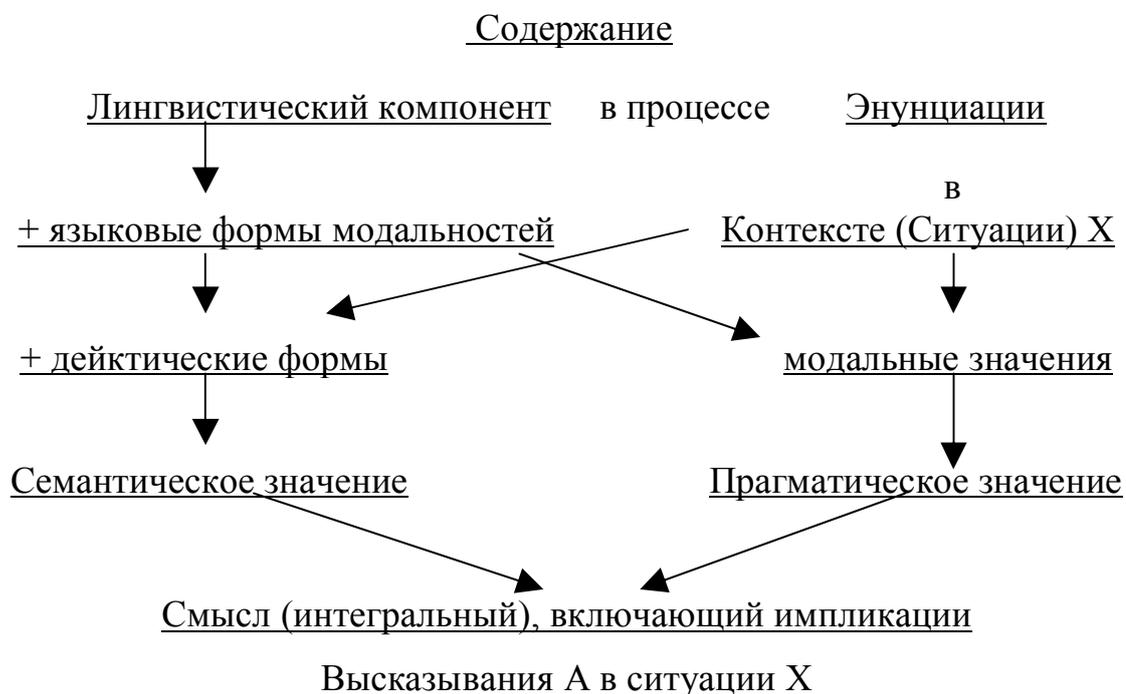
Эту мысль поддерживает А.В. Кравченко: «признание интерсубъективной природы языкового значения, возникающего в универсуме интерсубъективного дискурса как части материального мира, в котором протекают другие (недискурсивные) виды человеческой деятельности [...], приводит к закономерному выводу о многофакторности значения как когнитивного феномена, т. е. феномена, порождаемого областью когнитивных взаимодействий организмов, или консенсуальной областью. Усвоение языка - это естественный биологически обусловленный и социально детерминированный процесс, в ходе которого слова, предложения и структура ситуации (физический кон-

текст) становятся объектами одновременного опытного переживания [...]. Необходимо отказаться от взгляда на языковую коммуникацию как деятельность, связанную с передачей "смыслов" (ментальных репрезентаций), и рассматривать ее как усилия по установлению общих ориентиров в той или иной ситуации взаимодействия (консенсуальной области)» [Кравченко 2008: 140-141].

2.2. Интерактивность реплики-маркера имплицитного содержания (Р-МИС)

Характеристики реплики-маркера имплицитного содержания обусловлены особенностями речевой интеракции. Как уже было сказано, импликация заложена не в самой Р-МИС, а в сложной конфигурации взаимодействия эксплицитных и имплицитных составляющих смысла высказывания или целого текста. Поэтому измененная схема 3 выглядит более усложнено, например:

Схема 8. Смысл высказывания: маркеры имплицитности

Как замечает К. Кербрат-Орекиони, любая речевая единица-употребление субъективна, т.к. принадлежит энунцирующему субъекту, однако эта субъективность скрывается за «объективностью» высказывания - про-

изведения, высказывания-текста, которое обычно стирает все признаки энунцирующего субъекта («смерть автора»). Когда мы слышим «C'est moche» («Это некрасиво»), которое претендует на объективность, то понимаем, что за этим стоит «*Je trouve ça moche*» («Я нахожу, что это некрасиво») с выраженным субъектом отношения. Эксплицитное «*Je trouve*» («Я полагаю») является маркером субъективности высказывания. Необходимость эксплицирования модуса пропозиционального отношения появляется только в диалоге и выступает как когнитивная позиция говорящего, апеллирующая либо к признанию (согласию), либо к отрицанию (полемике). Закрепление в лексике присутствия энунциатора ставит перед исследователем задачу выделения «субъективной семы». Такая сема обнаруживается во внутренней форме слова (интерпретанте), в его функциональной принадлежности модальности сказывания (энунциации). Ср.: «Он неожиданно заболел» и «Он вдруг (*почему-то, и т.д.*) заболел» — первое высказывание «объективно» и принадлежит модальности диктума (*de re*), второе субъективно, т.к. наречие *вдруг* содержит сему энунциатора и принадлежит модальности модуса (*de dicto*) [Алферов 2001а].

В некоторых случаях сема энунциатора (модальность *de dicto*) определяется только в ситуации *hic et nunc*: «L'année a *malheureusement* commencé» — 1) «Год начался несчастливо» (*de re*); 2) «К несчастью, год начался» (*de dicto*). В этом случае смысл определяется в совокупности с ситуативным (риторическим) компонентом (см. Схемы 3,10).

Помимо семы энунциатора модальные модусные элементы содержат «сему» направленности на слушателя. Таковы все глаголы в императиве, вся лексика в апеллятиве, многие инвективы и т.д. Так или иначе, но обращенность на партнера по коммуникации чаще всего проявляется лишь в момент сказывания «здесь и сейчас», независимо от семной конфигурации лексической единицы, но в зависимости от их сочетания (афференции).

Р.О. Якобсон, М.М. Бахтин, Э. Бенвенист и многие другие говорили о том, что «в целом ... акт высказывания характеризуется подчеркиванием ус-

танавливаемого в речи отношения к партнеру, будь он реальным или воображаемым, индивидуальным или коллективным. Это свойство неизбежно создает то, что можно назвать фигуративным планом акта высказывания. Как форма речи акт высказывания противопоставляет две «фигуры», равно необходимые, одну как источник, другую — как цель высказывания.

Такова структура диалога. Две (или более – см. [Айрапетов 2006]) фигуры в положении партнеров выступают попеременно действующими лицами акта высказывания. «Каждый для другого — это прежде всего возможность быть собой», -так сентенциально выразил Ф. Жак идею о природе интересубъективности высказывания как единицы речевой интеракции [Jacques 1979:48]. Имманентно присущая высказыванию субъективность и эгоцентричность в процессе речевого взаимодействия сталкивается с теми же чертами высказывания собеседника, и оба эти качества трансформируются под взаимным влиянием (обратное приводит к прекращению речевого контакта). Представитель диалогического направления в лингвопрагматике, Франсис Жак вслед за Гуссерлем и Бахтиным продолжает говорить об «интерсубъективности», внутренне присущей речевому обмену: «В конце концов, 'ты' не может существовать вне ситуации, основанной на 'я'. В этом смысле *Эго*, конечно, доминирует, превращая 'ты' в виртуальное лицо...», но «... 'ты' превращается в 'я', а *Эго* становится 'ты'... » [Idem: 39].

Р-МИС как единица речевого взаимодействия определяется интересубъективностью в том смысле, что выбор пропозиции, его модальное и дискурсивное оформление диктуется интенцией собеседника, учетом его презумпций, социальным и т.п. статусом и т.д. Речевой обмен — это совместный речевой акт двух взаимодействующих говорящих субъектов. В этом акте, как уже отмечено, сталкиваются когнитивные, эпистемические, модальные и т.д. системы собеседников как субъектов речевого акта. Как писал Ф. Жак, каждый аутентичный диалог зиждется на том, что, если собеседники сразу соглашаются друг с другом, значит когда-то они уже «сталкивались» и, может быть, даже полемизировали по поводу референта.

Р-МИС сталкивает пропозициональные отношения «референциальных сторон». Если эпистемическая цель речевого обмена — достижение общего полагания (когнитивного пространства), а прекращение конфронтации в пропозициональных отношениях, провозглашение «согласия» ведет к завершению речевого обмена, перлокутивным эффектом которого становится intersубъективное «МЫ-полагание», то функции Р-МИС практически противоположны.

Диалог, в котором происходит «договор по поводу референта», оканчивающийся Р-МИС нельзя рассматривать как законченный и изолированный коммуникативный акт. Он вписывается в канву предшествующих коммуникативных актов, вбирая в себя их референтное и прагматическое пространство, маркируемое Р-МИС — цитациями, подразумеваниями, отсылками к различным презумпциям и пресуппозициям. Но референциальное пространство не ограничивается рамками одного речевого взаимодействия: оно через когнитивные поля собеседников вписывается в референциальное пространство социума. Как замечал Витгенштейн, «понять смысл какой-нибудь одной фразы — это определить ее роль (игровую позицию) в языковой деятельности» [Витгенштейн 1994]. Если в речевом взаимодействии появляются Р-МИС высказывания, которые своей формой содержанием обязаны прецедентным высказываниям собеседников, их ИК, СК, или БК (см. выше), они соответственно рассматриваются как индексальные акты, указывающие на имплицитное содержание. Такие Р-МИС могут быть названы **трансдискурсивными**.

Многие из этих маркеров, отражают позицию говорящего в речевом взаимодействии, приобретают значение маркеров *субъективности, intersубъективности, транстекстуальности* речевого взаимодействия [Алферов 2007].

Существуют определенные речевые жанры, в которых intersубъективность, прецедентность, имплицитность становятся условием выражения интенциональности и когнитивности говорящих и intersубъективности самого

дискурса. Таковы, например, сплетня, анекдот, инсинуация, пародия, «черный или белый PR» и т.п.. Значение имеет оценка собеседника в лице, как правило, целевого адресата (то, что К. Кербрат-Орреккиони называет иллокутивным тропом [Kerbrat-Orecchioni 1990]).

2.3. Имплицитность как жанрообразующая категория.

Таким образом, не только реплики-высказывания или их элементы могут указывать на имплицитное информативное содержание, но и целые тексты, публицистические или литературные, например, могут быть пародийными, или содержать скрытые диффамацию или панегирик того или иного имплицитного объекта. Часто такие произведения становятся предметом юрислингвистики (см., например, [Потапова, Потапов 2006; Баранов 2009] и др.).

Скажем, сплетня, как и всякий другой, по преимуществу устный, бытовой жанр, рассматривается как процесс и как результат взаимодействия когнитивных и т.д. систем, представленных в совокупности своих составляющих. В сплетне когнитивный компонент, который, в принципе, относится к пропозициональному пространству, приобретает ярко выраженный интеракционный характер.

Пафос сплетни определяется двумя иллокутивными вводными: 1) приведением к интенциональному состоянию (намерению) через устное управление когнитивным пространством (гомилетика сплетни) и 2) соблюдением особой ассертивной модальности когнитивного пространства (топика сплетни). Ее логос формируется функциональным взаимодействием пропозиционального и интеракционного планов речевого взаимодействия.

Описание дискурсивной конфигурации сплетни позволяет выявить несколько аспектов, диалектически связанных между собой и характерных как для речевой интеракции в целом, так и для данного речевого жанра.

В частности, информативная функция, свойственная всякой нарративной единице, в рамках речевой интеракции сплетни превращается в особую

«свидетельскую функцию», которая опирается полностью на предыдущие высказывания (устные или письменные). Это значит, что сплетня представляет собой особый тип речевого произведения. Это трансдискурсивное (интертекстовое) и метадискурсивное (переиздание своего собственного текста) речевое событие: она содержит одновременно и свое прошлое, заключающееся в реминисцентной речи, свое настоящее как акт (пере)сказывания и свое будущее, выражающееся в умножении количества ее воспроизведений в дальнейшем.

Определив отношения между участниками коммуникативного акта сплетни через построение определенного когнитивного пространства, необходимо дать основную характеристику этого пространства.

Как известно, любой акт высказывания имеет целью подвести собеседника к какому-то выводу (заключению), либо увести его от оногo. В этом случае интересно в рамках когнитивной психологии и риторики выявить отношения между планом выражения и планом содержания. Когнитивность сплетни представляется как двусмысленное интенциональное образование, которое возникает в результате определенного сложного речевого и когнитивного намерения.

Неоднозначные отношения интенциональности сплетни и ее пропозиционального пространства определяются ее особой ассертивной модальностью. Текст сплетни никогда в категорической форме не настаивает на достоверности своей информации. Эпистемика сплетни — это ни отрицание, ни утверждение. Язык сплетни не сводится к функции передачи информации, а играет в процессе коммуникации интерперсональную роль. Основанная на субъективности и имплицитности, сплетня — на службе у определенного социального образа жизни (гомилетика сплетни), она становится игрой в рамках повседневного существования. Текст устной сплетни отражает целый механизм, построенный на правилах и конвенциях, которые должны быть известны всем заинтересованным коммуникантам.

Формула сплетни нам уже знакома: « $X \rightarrow Y$ ». Причем самая нейтральная оценка факта X может породить отрицательные оценки Y , если коммуниканты принимают интенциональную установку сплетни. Важно подобрать ряд таких коммуникантов, информационную цепочку заинтересованных и посвященных интерпретаторов, задача которых уже переводить эксплицитный X в отрицательную аксиологию имплицитного Y .

Процесс порождения высказывания представляет собой совместную деятельность, и собеседник как соавтор порождаемого высказывания участвует в создании смысла высказывания в интересубъективном когнитивном контексте сплетни. Внешний ее контекст определяется рефлексивным значением той коммуникативной сети, которая вплетается в качестве "другой речи" в повествование. Такая рефлексивность проявляется, в частности, при внедрении цитируемого мира в мир повествования, в моменты, когда говорящий передает чужую речь, прибегая к специальным дискурсивным средствам, чтобы указать на свою позицию по отношению к чужой речи.

Еще одна важная интертекстуальная особенность сплетни — это её тиражирование, распространение. Эту особенность, в частности, объясняет З. Фрейд. В его работе она касается более широкого контекста — передачи скрытого смысла остроты под видом наивного суждения. А наивность, искренность и показное безразличие («условие искренности» по П. Грайсу) — это почти обязательные составляющие дезинформации (см., напр. [Watzlawick 1978]): «...создана возможность устранения цензуры благодаря только выслушиванию» [Фрейд 1997:188] (см. ниже). Обратим внимание на то, что «выслушивание» в этом случае — речевой акт, обратный *энунциации*.

Предназначенные для этого элементы интеракционального дейксиса создают в нем "второе измерение", обеспечивают отношение между пространством повествования и когнитивным пространством субъекта. Они действуют в тексте посредством пресуппозиций и имплицитности, представляя собой надежный инструмент, контролирующий и направляющий рефлексивные фигуры, восстанавливаемые по аналогии или посредством интуитивной

интерпретации. Кроме того, такие прагматические маркеры, появляющиеся в речи в момент ее порождения, имеют чаще всего произвольный характер, а значит наиболее релевантны и эффективны.

Участники коммуникации обычно находятся в состоянии «ожидания» по отношению к возможным последующим речевым актам. Но окончательное определение характера речевого акта происходит уже после понимания самого высказывания и после сопоставления прагматически релевантной информации, содержащейся в высказывании, с информацией, полученной при анализе прагматического контекста. В этом отношении прагматическое понимание аналогично процессу понимания смысла высказывания, когда предыдущий дискурс и знание смыслового контекста играют важную роль в интерпретации каждого последующего предложения. Параллельно понятию пресуппозиции, или презумпции, вполне можно ввести понятие прагматического предусловия (*pragmatic precondition*), определяемого как необходимое свойство речевой ситуации.

Схема прагматического понимания отражает исходный контекст коммуникации, то есть положение дел, которое потом, при совершении речевого акта, неизбежно меняется. К этому исходному контексту относятся не только события/действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, но, вероятно, и информация, аккумулированная в отношении более ранних состояний и событий. В процессе энунциации сплетни постоянно должна происходить процедура приписывания значимости (*relevance assignment*) той информации, которая с гипотетической точки зрения может оказаться важной в условиях дальнейшего или продолжительного взаимодействия («герменевтический круг» - см. выше).

Данные правила образуются на основе речевых категорий, которые и позволяют функционировать дискурсу сплетни и не только сплетни, но и большинству других речевых жанров, основанных на трансдискурсивности и имплицитности.

Не останавливаясь более подробно на примерах психологических механизмов сплетни, инсинуации и других агональных имплицитных речевых актах (жанрах), мы перейдем к анализу такого устного фольклорного жанра, как анекдот (*petite histoire drôle*), рассматривая его, с появлением специальных рубрик в СМИ, Интернете, отдельных сборников и т.д., как устно-письменную, иногда литературно обработанную, особую малую фольклорную форму (МФФ).

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

1. Эну́нция (произведение высказывания) как речевой акт приобретает дополнительную значимость, заключающуюся в самом акте произнесения определенного пропозиционального содержания *hic et nunc* (здесь и сейчас). Высказывание, составляющей смысла которого является сам акт его произнесения, мы называем в нашей работе **репликой**.

2. Будучи эллиптической, **реплика**, как правило, обладает интертекстуальной, анафорической функцией, отсылающей к предтексту или более широкому контексту, имплицитно (виртуально) заложенному в канве речевой интеракции.

3. Имманентной (внутренне присущей) чертой **реплики** является возможность не быть связанной с пропозицией предыдущего высказывания, а соотноситься с имплицитным планом речевого обмена. Такой тип реплик мы считаем маркерами имплицитного содержания, или сокращенно — **Р-МИС**.

4. Характерологической чертой Р-МИС является семантическое рассогласования (семантический сдвиг).

5. Такие реплики выступают как «шифтеры», т.е. включатели импликаций (побудители вычисления скрытого смысла), коннотативного значения, или афференций.

6. Р-МИС может стать любая реплика (безотносительно к пропозициональному содержанию), чья *эну́нция* (произнесение) будет отсылать к имплицитному содержанию или импликациям (исчислению смысла).

7. В составе Р-МИС могут быть ключевые механизмы, построенные на разноуровневых языковых элементах (фонемах, морфемах, семах и т.д.), несущие основную функцию смещения смысла (прямого значения) текста (изотопии). Они могут служить маркерами, отсылающими интерпретатора к «скрытым смыслам», и составляют механизм импликации в любом коммуникативном акте (включая поликодовые сообщения).

ГЛАВА III. ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК РЕЧЕЖАНРОВЫЙ МЕХАНИЗМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО АНЕКДОТА)

Ф. Растье писал, что «проблему интерпретации не решить путем противопоставления лингвистики филологии, как это делал двадцать лет тому назад Барт. Себя он тогда отождествлял с лингвистикой, а Пикара - с филологией. С чьим бы именем ни ассоциировалась лингвистика, главное сейчас - наоборот, восстановить на новой основе естественные связи лингвистики и филологии. Отдалившись от филологии, в большинстве своем лингвисты забыли или пренебрегают интерпретацией. Филология, конечно, заблуждалась, когда провозглашала единичность смысла; но без ее усилий сегодня нельзя и помыслить исторический контекст произведений» [Растье 2001: 12].

Задача этой главы — проследить, как механизмы имплицитного содержания используются в анекдоте и по возможности доказать, что некоторые их типы строятся исключительно на «скрытых смыслах». Одной из главных техник актуализации имплицитного содержания в них является описанная выше Р-МИС.

3.1. Французский анекдот как речевой жанр

Исследованию анекдота посвящено в последнее время немало работ в отечественной и зарубежной лингвистике (см., напр., библиографию в [Шмелева, Шмелев 2001], а тж. [Дмитриев, Сычев 2005; Котов 2008; Шмелева, Шмелев 1999; 2000 —эл. рес.] и др.). Однако начнем с того, что во многом эти исследования ограничены рамками различных филологических подходов без учета глубинных смыслообразующих лингвистических механизмов, лежащих в их основе как условие *sine qua non*.

Более того, несмотря на национальную маркированность, этот исторически и социально-психологически прототипический жанр фольклора характерен для многих лингвокультур, неся универсальные, типологические черты, в том числе и прагмалингвистические. Поэтому едва ли можно согла-

ситься с авторами следующих строк: «Значимость рассказывания анекдотов для современной русской системы речевых жанров определяется хотя бы тем, что этот жанр имеет в русском языке специальное обозначение — в отличие, скажем, от французского языка, в котором аналогом русского *анекдота* является просто *histoire* 'история' или *histoire amusante* 'забавная история', или английского языка, на который *анекдот* переводится просто как *joke* 'шутка'. Можно полагать, что во французской или английской системе речевых жанров рассказывание анекдота в меньшей степени специфично и с точки зрения используемых при этом языковых средств. Как бы то ни было, мы можем с уверенностью утверждать, что в современной русской системе речевых жанров *анекдот* занимает свое особое место и обладает уникальными языковыми характеристиками» [Шмелева, Шмелев 2001: 20-21].

Мы попробуем показать, что во французском анекдоте гораздо больше универсальных черт этого жанра, во многом аналогичного этой русской МФФ именно в современном понимании данного русского термина. Самым простым способом для достижения такой цели с учетом о целей нашего исследования было бы сопоставление высказанных различными авторами положений с анализом практики французского анекдота (*petite histoire*) и его универсальными и характерологическими чертами. При этом необходимо обозначить некоторые фундаментальные методологические положения, на базе которых мы продолжим изучение роли имплицитного содержания и его маркирования в тексте.

Во-первых, французская лексикологическая оппозиция «*anecdote*»/«*histoire drôle*», действительно, существует в современном французском языке, причем конверсивно — заимствованное русское «анекдот» соответствует французскому «*histoire drôle*», а французское «*anecdote*» переводится, скорее, как история, случай из жизни. Ср.: «ANECDOTE, *subst. fém* — А.— Petit fait historique survenu à un moment précis de l'existence d'un être, en marge des événements dominants et pour cette raison souvent peu connu. Synon. *historiette, épisode* : « J'entends par **anecdote** un récit qui est au roman véritable ce

que le lieu commun est à l'idée, et qui subordonne les personnages aux circonstances » É.-A. ALAIN, *Systèmes des beaux-arts*, 1920, pp. 291-292 ; « Vous me rappelez une **anecdote** de ma première jeunesse. Il y avait chez moi un vieil abbé Poulet, véritable meuble du château, qui avait jadis fouetté mon père et mes oncles, et qui se serait fait pendre pour toute la famille.. » J. DE MAISTRE, *Les Soirées de Saint-Pétersbourg*, t. 1, 1821, p. 285. /

HISTOIRE (DROLE). Récit généralement court visant à faire rire. *Histoire belge. V. gascon*, VAN DER MEERSCH, *Invas. 14*, 1935, p. 238.» [TLFi].

Предметом нашего анализа является именно второе понятие, соответствующее русскому слову «анекдот», который мы и делаем ключевым термином, говоря о французском анекдоте как о «забавной короткой смешной истории».

Во-вторых остановимся коротко на его жанровом статусе. Так же, как и русский анекдот, французский не имеет автора, в отличие от остроты «здесь и сейчас», или застывшей во фразеологии или узусе паремии («крылатом выражении»). Поэтому мы относим французский анекдот к фольклорным формам. Мы должны констатировать, что, как и русский анекдот, как утверждают Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев, — это устный речевой жанр (в их представлении «рассказывание анекдота — особый речевой жанр» [Шмелева, Шмелев 2001:15]. Более того, — это **интерактивный речевой жанр**, как внешне, так и внутренне.

I. Внешне это речевое событие (об этом термине см. [Борисова 2007]) объединяет рассказчика и его аудиторию, т.е. значимым и знаковым (по Ч. Моррису – см. выше) становится сама энунциация, т.е. процесс рассказывания анекдота, более того — его выслушивание (см. выше) рассматривается как сопричастность в значении соавторства в смыслообразования. (Даже если не вспоминать 1937 год, да и более поздние периоды в отечественной истории, когда сажали не только тех, кто рассказывал, но и тех, кто слушал и не доложил, достаточно вспомнить из житейского опыта такую интеракционную манипуляцию в жанре сплетни: рассказавший А свою интерпрета-

цию поведения Б адресату Х, затем передает Б это же содержание, но приписывая авторство уже самому Х. Интрига, не раз описанная в драматургии и повторенная в жизни, поэтому одним из привил деонтологии речевой интеракции может стать постулат: «Опровергай или оценивай с осторожностью близкой к отрицанию голословную негативную информацию о ком-либо или о чем-либо»).

С лингвистической точки зрения здесь подчеркивается роль адресата анекдота как соавтора, причем, с достаточно неформальным интерперсональным статусом, т.е. с высокой степенью симпатии и доверия (близкой к фамильярности). Доказательством этому может быть стереотипная реплика француза «*Tu connais celle-là?*» (= А знаешь анекдот...?), которая свидетельствует еще об одном качестве рассматриваемого жанра: «Хотя рассказчик подает анекдот как услышанный от других людей, он одновременно рассчитывает, что анекдот неизвестен аудитории, что слушатели (по крайней мере, часть из них) его ранее не слышали. Воспроизведение текста анекдота, предположительно известного всем слушателям, если и может иметь смысл в специфических коммуникативных ситуациях (например, в качестве занятия школы актерского мастерства), то уж ни в какой мере не может быть реализацией речевого жанра рассказывания анекдота.

В этом смысле текст анекдота не может рассматриваться как языковые клише в подлинном смысле слова, которые характеризуются не только воспроизводимостью, но и тем, что при использовании в речевой коммуникации предполагаются известными ее участникам. От этикетных формул, паремий, молитв и т. д. мы не требуем новизны. Напротив, рассказываемый анекдот должен быть «новым». Если анекдот оказался известен всем слушателям, то можно считать, что рассказывание анекдота состоялось (и в этом смысле жанр не разрушен), но оказалось “неудачным”» [Шмелева, Шмелев 2001:21-22].

II. Внутренняя интерактивность французского диалога связана с универсальной структурой этого речевого жанра. Французский анекдот как текст

структурно делится на наррацию, или интригующую часть пропозиции (преамбулу, экспозицию) и так называемую «пуанту», точку идентификации интегрального смысла.

Текстологическая особенность французского анекдота в том, что в структуре присутствует градация, ведущая к «разрешению» загадки смысла, или ‘соли’ анекдота. Причем сама презумпция жанра, объявляемого в практически обязательной метакоммуникативной преамбуле «*Tu connais celle-là?*», предполагает интенциональную координацию, синхронизацию собеседников на определенные речемыслительные действия, направленные на удовольствие. Как отмечал З. Фрейд, «возможность получения удовольствия присоединяется к ситуации, в которой существует препятствие для другой возможности удовольствия, так что эта последняя сама по себе не может вызвать удовольствие. Результатом является получение удовольствия, привнесенное присоединившейся возможностью. Это последнее действует как *заманчивая премия*; с помощью преподнесенного небольшого количества удовольствия было выиграно очень большое количество его, которого в противном случае было бы трудно достигнуть. Я имею основание предположить, что этот принцип соответствует приспособлению, которое оказалось полезным для многих друг от друга далеко расположенных областей душевной жизни, и считаю целесообразным назвать удовольствие, которое служит для освобождения большого количества удовольствия, *предварительным удовольствием*, а самый принцип — *принципом предварительного удовольствия*» [Фрейд 1977: 138-139].

Речемыслительный механизм получения взаимного удовольствия рассказчиком и слушателем обусловлен, как правило, способностью идентифицировать «скрытые смыслы», дающие основание для синхронизации когнитивных пространств собеседников.

3.2. «Когнитивные программы» французского анекдота

Исследуя проблему смеха, А. Г. Козинцев, опираясь на дифференциацию игр Й. Хёйзинги [Хёйзинга 1997], сопоставляя, проводит корреляцию между иронией как «игрой порядка» и юмором как «игрой беспорядка»: «Вместе с тем между иронией и юмором имеются кардинальные различия, которые часто не замечаются. Ирония — разновидность игры порядка, теснейшим образом связанная с языком. Это и ролевая игра, и состязательная. Твердо придерживаясь своей стратегической роли в диалоге, один из собеседников из тактических соображений пародирует ролевое поведение другого собеседника, подчеркивая превосходство своей роли и набирая лишние очки в поединке. [...]

Адаптивное поведение партнера ирониста в игре состоит в том, чтобы распознать подвох, обнаружить недоброкачественный модус и изменить его знак. Диктум остается в неприкосновенности, как, разумеется, референция. Можно сомневаться в том, что именно хочет сказать иронист по поводу кого-то или чего-то, но никогда не возникает сомнений относительно того, ком или о чем идет речь. Таким образом, отменяется лишь прямое значение высказывания, но оно заменяется одним или несколькими переносными, которые даже при неопределенности, по крайней мере, предполагаются существующими.

Юмор же... вследствие наличия врожденного и произвольного метакommunikативного сигнала несерьезности (смеха), относится к интеракционной модели, которая допускает бессознательность общения... Юмор — разновидность игры беспорядка. Связь юмора с языком менее тесная, чем у иронии — и не только потому, что юмор не ограничивается речевым поведением. Он действует на более глубоком уровне, чем ирония. Юмор посягает на референтивную функцию языка, а значит, и на сам язык. Сколь бы реалистичным ни казался юмор, его денотат целиком и полностью фиктивен, и никакой другой денотат за ним не скрывается» [Козинцев 2006- эл. рес.].

По убеждению А.Г. Козинцева, оба жанра основаны на имплицитности как на механизме построения речевого взаимодействия. Но если ирония — это игра, - а памятью теорию Хейзинги, ещё и состязание (агон) (см. тж. [Черенков 2011]), ограниченная конверсациональными импликациями П. Грайса, сохраняющая предмет разговора и интерперсональные отношения между участниками интеракции, состязающимися в остроумии («здесь и сейчас»), то юмор «полностью фиктивен», он построен на абсурде, выполняет «антиреферентивную функцию» [Козинцев 2008] (см. тж. [Кулакова 2010]). «Фиктивность героев анекдотов, - продолжает А.Г. Козинцев,- нужно четко отличать от фиктивности литературных и фольклорных персонажей. Эти персонажи живут в особом мире и обладают полной реальностью в его пределах. Герои же анекдотов не живут ни в каком мире, и весь их смысл состоит в их фиктивности и пародийности. Какими бы живыми и психологически достоверными они подчас ни казались, это даже не тени теней» [Козинцев 2006-эл. рес.]. С позицией автора можно согласиться в том, что герои анекдотов не просто «псевдореферентны», как Гарри Поттер, баба Яга или крокодил Гена (кстати, в анекдотах не равный себе самому литературному, как и Штирлиц, Сталин, Гитлер, чукча или Брежнев). Основа анекдота — абсолютный смех, хотя он иногда не настолько уж ареферентен, как мы увидим ниже. Но в отсутствии истинного референта (денотата) в действие вступает интерпретанта, которая опосредует связь знака с его денотатом (см. схему 6). В анекдоте отсутствует оппозиция истинно/ложно относительно референта. Существует лишь экзистенциально-пропозициональная презумпция «смешно». Она относится только к интерпретанте, и от качества финальной интерпретанты зависит перлокутивный успех анекдота как речевого акта (события, жанра). Если сконструированная импликация «смешно» войдёт в унисон с интерпретантой адресата и станет финальной, то будет преодолена та трудность понимания, о которой писал З. Фрейд (см. выше). В этом наше представление о юморе как разновидности смешного в большей степени совпадает с мнением авторов серьезного аналитического труда о смешном, проанализировавших различ-

ные концепции смешного, и изложивших свое видение связи смеха и понимания. Позволим себе привести несколько иллюстрирующих отрывков:

« ... остановимся на традиционных характеристиках понимания как такового и его связи со смехом. Прежде всего отметим, что понимание всегда *целостно*. Если знание пытается разложить и расчленить объект на множество составных частей, то понимание воспринимает его как неаддитивное единство, где смысл целого намного превышает совокупный смысл его составляющих....

Понимание является *творческим* процессом — приращение нового знания предполагает созидательную работу мышления, рефлексию и планирование, умение найти нечто общее в разнородных явлениях. На том же принципе основан и смех — единство процессов остроумия и творчества наглядно показал Кёстлер.

... Бахтин говорит о понимании как о сочетании двух сознаний. Всякий объект познания проявляется как нечто персонифицированное. Собственно, в этой диалогичности понимания и коренится общепринятый тезис, согласно которому можно смеяться только над человеком и человеческим; смех существует только в диалоге личностей. В понимание включаются также *оценочные, эмоционально-чувственные процессы*, оно не ограничивается только рационально-логическим уровнем. ... По словам М. Вебера, «полное сопереживание - важное, но не абсолютно непреложное условие понимания смысла». Ядром понимания является его *социальная обусловленность*. Понимание всегда основывается на предпонимании - наборе общественно значимых элементов культуры, включающих нормы, традиции, специфические ценностные ориентации, убеждения.

...Используя перечисленные характеристики, можно сделать вывод о том, что смех выступает специфическим выражением понимания. При этом большинство условий смеха (неожиданность, возможность смеяться только над человеком, связь с нормами и т.д.) являются частными выводами из базовых характеристик понимания (диалогичности, эвристичности, социокуль-

турной обусловленности) и, таким образом, внутренне присущи самому пониманию. Однако смех обладает и своей спецификой. ...смех можно определить не просто как понимание, а как *радость понимания*.

... Смех вызывает оказавшееся примитивным решение проблемы, которая казалась чрезвычайно сложной (типичная развязка большинства анекдотов и юмористических рассказов). Все эти случаи говорят об избыточности понимания — решение проблемы (победа над врагом, комическая ситуация, комедийный конфликт и т.д.) неизмеримо проще, чем затраченные на нее усилия (реальные или предполагаемые). Избыточность — важнейшая характеристика смехового понимания; включив ее в определение, смешное можно описать достаточно адекватно: *смех есть радость избыточного понимания*» [Дмитриев, Сычев 2005: 212-215].

Дж. Лакофф и М. Джонсон посвятили имплицитному содержанию сознания и рече-мысле-деятельности книгу, в которой назвали концепты, которые мы живем, и представили их в виде когнитивных метафорических (концептуальных) программ [Лакофф, Джонсон 2007].

Каково же концептуальное картирование мира французского анекдота? Учитывая псевдореферентность презумпции истинности, будем считать этот мир «возможным миром», где «все ерунда, кроме пчёл». Поэтому в заголовке раздела слова «когнитивные программы» взяты в кавычки.

3.3. Полярность концептуальности французского анекдота

Анализ показывает, что «возможный мир анекдота» для французов состоит из двух доминирующих полюсов, которые условно можно обозначить как «чужое и свое», или «экзотика и проза жизни». Действительно, странным, а значит и смешным кажется поведение иностранцев, всякого рода экзотических от природы человеческих экземпляров, неординарных людей в необычных обстоятельствах. Таковы, например, звезды политики и эстрады, исторические личности, события давно прошедших лет и т.д. С другой сто-

роны, вся наша жизнь — сплошной анекдот, и смешное живет рядом с нами. Поэтому чаще мир французского анекдота заполняется детьми с их нестандартным мышлением и поведением, всякого рода учреждениями от школы до церкви, больницы и администрации. Одним словом курьезами повседневной жизни. Семья, любовь, отношения мужчины и женщины, секс со всеми его превратностями — всегда были источником разного рода фольклорных форм, в первую очередь анекдотов (и литературных в том числе, например, Дж. Боккаччо, Дж. Чосер и др.).

Итак, концептуальное (пропозициональное) поле французского анекдота можно разделить на два полярных фрейма — «Нереальное»/ «Реальное». Такое деление условно. Памятуя об антиреферентивной» (по А.Г. Козинцеву) или «псевдореферентной» (по Ю.В. Кулаковой) природе анекдотической референции, можно сказать, что реальное и нереальное сливаются вместе в нашем реальном мире, мире читателя или слушателя. В «возможном» анекдотическом мире это деление оправдано отношением к обыденности, которая, как ни странно, занимает первое место в анекдотическом мире.

В первый фрейм входят слоты, содержащие «экзотические» псевдореференты: эпические или мифические личности и существа, животных, странные, абсурдные и, наконец, ужасные («черный юмор») пропозициональные объекты.

Во втором фрейме слоты носят вполне житейские, повседневные концепты окружающей действительности, бытописания. Однако принцип абсурдности анекдотической ситуации, её «ареферентности», коррелирующей с презумпцией «абсолютного смешного» остается актуальным и для этой части слотов:

- I. «Etranger»/ «Etrange» / «Bizarre» /«Infirmes» / «Célébrités» / «Hommes d'Etat» / «Histoire»/ «Les Animaux» / «Les faits divers», etc.» ;
- II. « La vie telle qu'on la vit».

Конечно, казалось бы, актуальнее всего иностранцы, люди экзотических профессий, источники неприятностей, люди, отличающиеся от обычных (неполноценные, необычных профессий, дети, великие личности и т.п.). Т.е. все, что, так или иначе, подходит под определение «ксено» - чужие, странные, выходящие из привычных рамок. Однако из корпуса, содержащего 2470 единиц (Корпус HN – см. Источники примеров), наиболее многочисленными оказались слоты фрейма (фрейм I-1791 концепт, фрейм II -2521 концепт):

Необходимо отметить, что многие анекдоты дублируют и кумулируют те или иные концепты, поэтому в количественном отношении концепты превосходят количество анекдотов (Например, в рубрике «Russie» встречаются концепты, относящиеся, помимо самого слота «Russie», к слотам «Hommes d'Etat» (Staline, Lénine, Brejnev, de Gaule); «Célébrités» (Brigitte Bardot); «Ivrogne»; «Politique», etc.(см. Приложение I).

3.4. Некоторые реализации концептов

Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут: «Каждая культура должна выработать более или менее успешный способ взаимодействия с жизненной средой, предполагающий как адаптацию к ней, так и ее изменение. Более того, каждая культура должна установить рамки социальной реальности, в которой люди получают роли, имеющие для них смысл и позволяющие им функционировать социально» [Лакофф и М. Джонсон 2008: 176].

Для краткого анализа возьмем из Фрейма I (Нереальное) слот «Необычные профессии», а в нем концепт EXPLORATEUR (Путешественник-исследователь). Приведем ряд примеров:

(8) «Un gars entre dans un bistrot et il dit :

— Deux whiskies, s'il vous plaît, mais le second dans un dé à coudre...

Puis il sort de sa poche un minuscule petit bonhomme vivant, haut comme deux pommes, qui boit son whisky dans le tout petit verre. Le barman, tout à fait estomaqué, a peine à reprendre ses esprits.

— C'est fantastique, dit-il. Mais comment ça se fait?

— C'est une affreuse histoire, fait le gars. Lui et moi, voyez-vous, nous sommes explorateurs. Il y a un an, nous remontions l'Orénoque, et nous avons débarqué dans un petit village qui s'appelait... euh?... *dis donc, Paul, comment s'appelait ce petit village où tu as traité le sorcier de connard ?*» ;

(9) «Je viens de recevoir une lettre de mon frère qui est explorateur en Mandchourie. Il ne doit pas y avoir beaucoup d'eau là-bas...

— Pour sûr! C'est un pays très sec.

— Je sais bien, mais cette fois-ci, c'est encore pire : *le timbre est agrafé avec une épingle...*»;

(10) «Deux ethnologues se retrouvent au Musée de l'Homme:

— Eh bien, que deviens-tu ? Ça marche pour toi ?

— Je pense bien! Je fais des conférences dans les villages de la brousse en Nouvelle-Guinée.

— Tiens, tiens! Et de quoi tu leur parles ?

— *De la salle Pleyel...*»;

(11) «Après des semaines et des semaines de marche dans les collines du Dakota, un explorateur finit par rencontrer un Indien solitaire. Il se précipite sur lui et lui demande :

— Vous êtes le dernier des Mohicans ?

— Non, dit l'autre sans lâcher son calumet. *Je suis l'avant-dernier. Le dernier est mort hier...*».

Отметим, что у (8) существует аналог в русском варианте, и это не редкость. Многие анекдоты интернациональны либо по сюжету, либо по фабуле (о различии данных понятий см. [Эко 2007:53-66]), т.е. это либо точная копия, как в случае (8), либо повторяется базовая схема, интрига и способ построения пуанты (финальной реплики, Р-МИС).

Для всех четырех примеров, формально объединенных микрофреймом «Жизнь исследователя», характерно использование пуанты для порождения комического. Однако их фабулы не одинаковы по трем параметрам — по

структуре сюжета, по природе имплицитного содержания и по тому, к какому плану интеракциональной ситуации относится Р-МИС.

Итак, пример (8) по структуре коррелирует с такими МФФ, как басня, сказка и т.п. Т.е. В начале сюжета появляется интрига «мальчик–с–пальчик», который привлекает внимание и требует ответа на вопрос у слушателя и действующих лиц: «Как в реальном, описываемом в преамбуле, мире может появиться такое существо?». Смешное усиливается тем, что его компаньон принимает карлика как равного себе, заказывая ему виски в наперстке. В ответ на главный вопрос, герой начинает издали, уводя ключевую реплику из информативного фокуса высказывания. И только потом, между прочим, как бы воскрешая в памяти название деревни, он говорит главное — лилипут обозвал колдуна «гадом». Здесь пуанта связана с деятельностной ситуацией возможного мира, описываемого в анекдоте (см. выше схему 4). Импликация Р-МИС не имеет семантического рассогласования с изотопией повествования и связывает слушателя с импликацией: «Колдуна обижать нельзя, будет плохо».

Пример (9) по фабуле похож на предыдущий. Р-МИС отсылает к экзистенциальной пресуппозиции и логическому исчислению «Даже во рту пересохло так, что марку прикололи булавкой». Р-МИС также отражает деятельностную изотопию повествования.

Пример (10) несколько сложнее и требует от интерпретатора двух экзистенциальных пресуппозиций (знание реалии «*la salle Pleyel*» и знание того, что как раз в этом концертном зале часто устраиваются конференции по этно-палеологии). Р-МИС вносит афференцию в изотопию семантики текста, откуда появляется троп параллелизма и алогической антитезы [ЭСС:25,46] — импликация «общего места»: «в зале Плейель рассказывают о дикарях, а не наоборот». Однако Р-МИС по-прежнему связана с деятельностным аспектом речевой интеракции протагонистов (персонажей). И только в примере (11) Р-МИС относится к дискурсивно-пропозициональному аспекту. Вызывающий смех алогизм пуанты (последней реплики) *Je suis l'avant-dernier. Le dernier*

est mort hier демонстрирует умственные способности и особенности этномышления индейца и связан с семантическим рассогласованием на уровне сем «*avant-dernier*» должен предшествовать *dernier* в значениях самих слов.

Пример такой же семантико-дискурсивной афференции (рассогласования, семантического сдвига) наблюдается в следующем примере (слот – «экзотические профессии»):

(12) «Une voyante téléphone à une autre voyante :

— Allô ? Vous allez très bien, merci. Et moi-même ?».

Нарушается традиционная кореференция местоимений в этикетном диалоге, которая и вызывает комизм. Р-МИС связана с семемой *voyante* и логико-семантическим значением запроса информации.

3.5. Механизм маркирования имплицитного содержания: Р-МИС как пуанта скрытого смысла

Рассмотрев вкратце содержательный план французского анекдота, мы приходим к выводу, что игра ПВ и ПС здесь подчиняется определенным закономерностям. Р-МИС служит интерпретантой псевдореферентного текста анекдота и является шиффтером комического в понимании. Как уже было сказано, перлокутивный эффект коммуникативного акта, каким является анекдот, зависит от степени «избыточности радости понимания» (см. выше).

Критерием степени «глубины» скрытого смысла и характера импликации, осуществляемой Р-МИС, служит возможность эквивалентного перевода этого смысла на язык понимания (как пишет У. Эко, любой читатель переводит текст на метауровень «топика» - макровысказывания-резюме [47 и сл.]), или язык поствербальных образов (по И.Н. Горелову – см. выше). Перевод анекдота на иностранный язык (с сохранением фабулы и пуанты, создающей комизм текста) в большей степени зависит от плана выражения.

Рассмотри некоторые примеры, в которых реплика-маркер имплицитного содержания проявляет асимметрию плана выражения и плана содержа-

ния. Мы уже сталкивались со сложной взаимозависимостью ПВ и ПС при интерпретации пуанты (см. выше пример анекдота (7)).

Итак, критериями нашего анализа будет характер связи Р-МИС с планом выражения и планом содержания, с одной стороны, и с аспектами речевой интеракции протагонистов (персонажей), с другой. Памятуя деление, принадлежащее Л. Ельмслеву, плана выражения и плана содержания на форму и субстанцию, проследим, релевантно ли такое деление при анализе механизма актуализации имплицитного содержания.

3.5.1. Р-МИС: субстанция плана выражения

Для начала рассмотрим субстанцию и форму ПВ как языковую материю и способы ее комбинаторики в системе (например, фон и фонема, или предложение и высказывание). Тогда к субстанции плана выражения будут относиться все анекдоты, чья пуанта (Р-МИС) связана со звучанием, фонетико-просодической стороной речи. Кстати, альтернативой ей может выступить особый вид французского анекдота, картированного под рубрикой (в слоте) «MIMIQUE». Это жанр анекдота, который можно назвать поликодовым текстом, приближающимся к жанру комикса. В рассматриваемом нами корпусе есть несколько примеров:

(13) «C'est un malade qui va à Lourdes. (*Vous crispez la main gauche en la tordant dans un geste de paralysie.*) Il s'agenouille devant la statue de la Vierge et il implore :

— Sainte Vierge, faites que mes deux mains soient pareilles !

(*Aussitôt, sans cesser de crisper la main gauche, vous crispez brusquement la main droite dans le même geste.*)».

Здесь пуанта заключается в Р-МИС, связанной с омонимией иллокутивной силы и Принципа сотрудничества П. Грайса (в частности, максимы релевантности): убогий с покалеченной (искривленной) рукой паломник в святом месте, где творятся чудеса оздоровления, просит о том, чтобы руки его стали одинаковы (здоровы). Вместо этого рассказчик делает здоровую

руку искривленной. Сложная поликодовая Р-МИС, состоящая из просьбы и последующего жеста, связана с искажением принципа конверсационной импликации и неверного толкования (снижения) иллокутивной силы высказывания (мольба об исцелении — просьба сделать руки одинаковыми). Или:

(14) «C'est la bonne de Beethoven qui vient le trouver. Elle est très embarrassée. Elle roule son tablier entre ses doigts. Et elle finit par lui dire:

— Monsieur, je suis venue vous avertir que je ne peux pas rester chez vous !

— Ecoutez, ma chère Joséphine, dit Beethoven, vous ne pouvez pas faire ça! Songez à ce que vous représentez pour moi. Non seulement vous tenez la maison propre, non seulement vous me faites la cuisine, mais en plus, vous êtes l'inspiratrice de ma musique !

— Moi ! Votre inspiratrice ! s'écrie-t-elle. Et elle éclate de rire :

— Ah! Ah! Ah! Ah!

(Naturellement, l'histoire n'aura de sel que si vous éclatez de rire en imitant la modulation des quatre notes universellement célèbres de la Cinquième Symphonie.)».

В этом поликодовом тексте Р-МИС осуществляется музыкальными средствами и субстанция плана выражения меняется с фонетической на музыкально-мелодическую (имитация знаменитой музыкальной фразы Пятой симфонии Бетховена).

Кроме приведенных примеров, достаточно большое количество анекдотов связано с субстанцией плана выражения. В основном, эти анекдоты относятся к субфрейму «иностранцы» или «провинциалы», «крестьяне», «неграмотные», «с дефектами речи» и т.п.). Например, шепелявые (акцент аврэнца):

(15) «— Pardon, monsieur, vous ne pourriez pas me dire où c'est, l'évêché ?

— *Bien chûr*, fait le bougnat, *ch'est au fond de la cour à droite...*" (Р-МИС обыгрывает дефект произношения: l'évêché = аббатство и les WC = туалет)»;

(16) «— Et comment nous allons l'appeler, ce petit ? dit l'employé de mairie au père. — *Olfwjuimkzof*, à cause de son parrain...

— Ah, bon ! Son parrain est slave ?

— Non. *Il est oculiste*» (Р-МИС: схожесть последовательности букв в проверочной таблице окулиста с окончанием славянской фамилии);

(17) «Une même marseillaise passe ses journées à broder la lettre « A » sur tout le linge de la famille.

— Mais enfin, lui demande un jour une autre vieille, pourquoi fais-tu toujours la lettre « A »?

— Peuchère! répond-elle. C'est la seule que je sache faire! J'ai jamais appris le reste de l'alphabet. Et puis de toute façon, ça tombe bien. Ma fille s'appelle *Arsule*. Mon gendre s'appelle *Arnest*. Mon petit-fils s'appelle *Anri* II n'y a que le petit dernier, ce couillon, qui s'appelle *Oguste*».

Здесь, нужно признать, Р-МИС почти растворяется среди перечня имен неправильно произнесенных или написанных: *Ursule, Ernest, Henri*. Пуанта заключается в пресуппозиции орфоэпии и орфографии — как раз последнего правильно зовут *August*, и ему единственному, в противоположность мнению неграмотной бабули, соответствует её любимый инициал. Р-МИС построена на антитезе.

3.5.2. Р-МИС: форма плана выражения

К форме плана выражения относят обычно значимость материального элемента в системе плана выражения. В нашем случае это также непереводаемая, как и в (15) и (17), игра плана выражения, но уже на уровне значимости плана выражения для интерпретанты, т.е. для Р-МИС. Здесь задействованы такие явления асимметрии ПВ и ПС, как паронимы, омофоны и т.д. С точки зрения фреймовой принадлежности, они также характеризуют людей малограмотных, иностранцев, плохо владеющих французским (или иным) языком, детскую речь (см. выше):

(18) «— Vous vous appelez ? — Kanschtrikoff, dit-il. — Ah! Vous êtes russe ! Vous m'épelez ? — Oh! fait l'autre avec un grand sourire, vous me plaît aussi, mademoiselle!...» (Р-МИС построена на псевдопаронимии глагольных

форм — "диктовать" и "нравиться", связанной с плохими фонетическими и грамматическими навыками русского протагониста).

(19) «Un petit garçon revient des classes de neige. Et il raconte à son papa:

— C'était très chouette! Le paysage était *télé-féerique!*»(P-МИС: «La montagne = téléféerique + féerique).

Плохое знание иностранных языков также обыгрывается в анекдотах, чья пуанта связана с формой плана выражения, P-МИС с омофонией иностранных слов с французскими:

(20) «C'est un grand orchestre qui joue la *Symphonie Inachevée* de Schubert. Ils sont tous occupés à répéter, et le chef d'orchestre est dans une colère noire. Il est en train de s'engueuler avec le contrebassiste, un gros bonhomme qui fait dans les cent vingt kilos. Il lui hurle aux oreilles :

— Pourquoi est-ce que vous continuez à jouer quand c'est fini ? Z'êtes pas un peu dingue, non ? Quand c'est fini, c'est fini ! Vous n'entendez pas que tous les autres musiciens s'arrêtent ?

Et le gars, il se bute :

— Les autres, je m'en moque ! Moi, je joue ce qui est marqué sur ma partition !

— Quoi ? Qu'est-ce qui est marqué sur votre partition ?

— Il y a marqué: *allegro!* » (= «Allez, Gros!»)

(21) Une religieuse anglaise débarque à Calais et demande à un passant :

— *Do you speak english ?* Et l'autre répond :

— *Yes, sœur !*» (= *sig* имплицитруется противоречие между семантикой вопроса и ответа, обусловленного сменой кода).

Естественно, ни (21), ни (22) переводу не подлежат, как и следующий пример (23).

Форма плана выражения, определяющая норму языка, грамматику и т.п., словом, лингвистический компонент, часто используется в анекдотах как механизм создания семантического рассогласования между собой семемы и

афферентной семьей, в роли которой выступает не только неправильная грамматическая форма, но и энунциация протагониста:

(23) «A la tribune de l'O.N.U., un délégué demande :

— N'y aurait-il pas dans la salle un bon traducteur de français ?

Et une voix répond : — Oui. **Je**».

Асимметрию плана выражения и плана содержания ярко демонстрирует следующий анекдот из слота «Абсурд»:

(24) «— Papa, qu'est-ce qu'il y a sur cet arbre ?

— C'est des prunes noires.

—Mais, papa, elles sont pas noires, elles sont blanches.

— Oui. Elles sont blanches parce qu'elles sont vertes».

Кстати, данный слот дает немало примеров парадоксов языка (которыми так изящно пользовался Кэрролл в своей «Алисе»), т.е. целую рубрику анекдотов абсурда. В них перемешиваются ПВ и ПС, меняются местами, как в приведенных выше стихах и фразах нонсенса.

(25) «Un gars ouvre son journal et il lit: «A Los Angeles, un homme est écrasé toutes les heures. » Le gars branle la tête et il dit : — *Pauvre type!*» (Р-МИС – омонимия *un homme* как статистическая единица и «какой-то» один человек).

Абсурд коррелирует с психическими нарушениями, со смещением плана выражения и плана содержания. Это проявляется в эхोलалии, дислексии и других афазиях (см. [Лурия 1998] и др.). Нечто подобное отражает следующий пример из слота «абсурд»:

(26) «— Je suis très inquiet. Toute la journée, je vois des points noirs.

— Tu as vu l'oculiste ?

— Non. Pas l'oculiste. Des points noirs...» (Р-МИС основана на нарушении когерентности текста и в плане семантики и в плане выражения, который связан с навязчивым повтором, нарушающим постулаты качества и количества П. Грайса).

С постулатами речевого общения, в частности, постулатами вежливости Дж. Лича [Leech 1983], связана также максима скромности, коррелирующая с миметическими стратегиями (см. напр., [Волошина 2010]) и стоящая в оппозиции к фамильярности. Это также относится к форме плана выражения за которым неотступно следует план содержания.

Среди постоянных персонажей французского анекдота есть некая Мари-Шанталь, аналог наших «блондинок с Рублевки», фигурирующая в слоте «Snob». Её фамильярность значима и интенциональна, она подчеркивает её «высокий социальный статус»:

(27) «Marie-Chantal à Ghislaine : — Viens donc à ma surprise-partie. Il y aura Brigitte, Salvador, Valéry et Six...

— Qui ça, Six?

— *Ben, un peu de respect, quoi, je peux tout de même pas l'appeler Paul...*»

(Р-МИС указывает на пресуппозицию близкого знакомства с Brigitte... Bardot, Salvador... Dally, Valéry... Giscard d'Estain и... Шестым? — естественно, не называть же Папу Римского просто Полем).

Но верх вежливости и благородства нам демонстрируют чопорные англичане:

(28) «— Vous, les Français, déclare un lord britannique, vous ne savez pas ce que c'est que le tact. Par exemple, quand vous entrez par mégarde dans une salle de bains où se trouve une dame nue, vous refermez la porte en disant : *Pardon, madame!*

— Ah? Et qu'est-ce qu'il faut faire?

— Refermer la porte, bien sûr, mais dire : *Pardon, monsieur!*» (Р-МИС: форма план выражения определяет план содержания и пуанту, опирающуюся на импликацию палиативности. Р-МИС тропеически — эвфемизм).

Необходимо отметить, что некоторые анекдоты теряют накал комизма, слишком выпячивая сторону формы плана выражения, когда долгая преамбула (градация) подчинена пуанте, построенной на омонимии, сближающей план выражения и план содержания. Например:

(29) «Au restaurant, un client appelle le maître d'hôtel et il lui dit :

— C'est dégueulasse ! Il y a de la ficelle dans mon potage !

Et à la table à côté, il y a un autre client qui crie :

— Garçon ! Rempportez-moi ces spaghettis... Ils sont pleins de ficelle.

Le maître d'hôtel se répand en excuses et il fait changer les plats. Mais il y a du grabuge à une troisième table :

— C'est inadmissible ! J'ai trouvé de la ficelle dans les fraises à la crème...

Alors, le maître d'hôtel, furieux, se précipite à la cuisine, il prend le nouveau chef par le bras et il lui dit :

— Dites donc, c'est bien joli, vos diplômes, mais nom de Dieu, comment est-ce que vous préparez vos plats ?

Et le chef répond, un doigt sur la bouche :

— Vous savez, ce sont des choses qu'on ne dit pas ! Un cuisinier a toujours ses petites ficelles...» (омонимия прямого значения *ficelle* {веревочка} и идиомы *avoir ses petites ficelles* {иметь свои секреты}). Пересечение двух планов речевой интеракции — дискурсивного и деятельностного — часто лежит в основе комизма. Так, переразложение конвенциональной идиомы и превращение её в прямой вопрос представляет собой эффективный механизм импликации, на котором держится Р-МИС:

(30) « — Garçon, vous avez *des cuisses de grenouille* ?

— Oh ! non, monsieur ! *C'est seulement les rhumatismes qui me font marcher comme ça...*».

Сам план выражения, посредством энунциации становясь афферентной семьей, вносит семантическое рассогласование между пуантой и изотопией текста, становится основанием комического, на котором основывается Р-МИС в (31):

(31) «Malheureusement, Lévy est bègue. Mais c'est un bègue courageux. Il a essayé de se présenter à un concours pour le poste de speaker à la radio. — Alors ils t'ont engagé ? — Non! Les sa...sasasa... salauds! C'est une bobobo... boiboi... boîte où ils sont toutoutou... tous antititi... antisémites».

3.5.3. Р-МИС: форма и субстанция плана содержания

Прежде, чем продолжить анализ реплик-маркеров имплицитного содержания французского анекдота, напомним о том, что план имплицитного содержания отличается от плана эксплицитного содержания. Отличается он тем, что содержится не только в лингвистическом компоненте, но также в широком контексте (деятельностной ситуации), в ко-тексте (дискурсивной и интертекстуальной ситуации) и подтексте (выводной смысл), интенционально (намеренно) конструируемый говорящим с миметическими (позитивными для партнера) и агональными (негативными для партнера) выводными знаниями, т.е. пресуппозициями и импликациями. Разделить план содержания на субстанцию и форму по примеру Л. Ельмслева означает отделить скрытые смыслы, порождаемые самим текстом (что говорится), от значимости энунциации сообщения в выведении импликаций анекдота.

Приведем пример импликации, построенной исключительно на сообщении:

(32) «Suspendue à un portique, une corde lisse console une corde à nœuds :
—T'en fais pas, va! Tu la retrouveras, ta mémoire...».

Здесь фабула построена на олицетворении, а Р-МИС отсылает к знанию экзистенциальной пресуппозиции деятельностной ситуации «1. Узелки завязывают на память. 2. У веревки со многими узелками потеряна память».

С другой стороны, Р-МИС может относиться к форме плана содержания, и тогда она напрямую зависит от того, насколько дискурсивная ситуация соответствует деятельностной ситуации. В случае противоречия появляется афференция (семантическое рассогласование), что и приводит к комическому эффекту:

(33) «Sur l'aérodrome, le dernier modèle d'avion supersonique s'apprête à décoller en emportant pour la première fois sept cent cinquante passagers.

— Mesdames, messieurs, susurre la voix feutrée de l'hôtesse de l'air dans les haut-parleurs, nous vous souhaitons la bienvenue dans la *Flèche Cosmique TOI*

119. Nous allons voler de Paris à Tokyo en dix-neuf minutes, à l'altitude moyenne de 70 000 mètres. Vous trouverez, au pont numéro un, notre court de tennis et notre terrain de golf... Au pont numéro deux, notre grand restaurant panoramique. Au pont numéro trois, l'église catholique et le temple protestant. Au pont numéro quatre, notre clinique médicale avec cabinet dentaire et salle de chirurgie. Au pont numéro cinq, notre grande allée commerciale avec quarante-trois boutiques. Les quatre-vingt-neuf hôtes et les soixante-six stewards du *TOZ 119* demeureront à votre entière disposition pendant toute la durée de votre voyage. Et maintenant, veuillez éteindre vos cigarettes et attacher vos ceintures car le commandant de bord *va essayer de faire décoller cette satanée pourriture de putain de saloperie d'appareil...*» (Р-МИС отсылает к пресуппозиции «Чем больше и комфортабельнее, тем *не лучше, а хуже*. Энунциация имплицитно подразумевает неожиданную отрицательную оценку, вносящую семантическое рассогласование в изотопию текста).

В субстанции содержания пуанта анекдота часто построена на противопоставлении, антитезе:

(34) «Dans une rue de Londres, deux Rolls-Royce se bouchent mutuellement le passage et aucun des deux chauffeurs ne veut céder la place. Le premier descend et crie :

— Laisse passer le duc de Bedford, espèce d'enflé !

Le second ouvre sa portière et montre sa passagère qui n'est autre que la reine d'Angleterre :

— Et ça, dit-il, c'est de la merde?».

Комизм пуанты заключается в противопоставлении дискурсивного плана (разговор водителей с характерным для их социолекта лексиконом) и пропозиционального плана, в котором речь идет о высокопоставленных государственных особах.

План содержания многих анекдотов построен на алогизмах, сталкивающих обычный реальный мир с «возможным миром» анекдота. Персонажи анекдота имеют «собственную логику», часто обнажаемую пуантой. Имплицитно

цитное содержание здесь практически отсутствует, комизм заключается в абсурдной логике «возможного мира»:

(35) «On sonne à la porte de Marius. Sa femme se réveille en sursaut :

— Qui est là ?

Et elle entend à travers la porte la voix d'Olive
qui lui crie :

— C'est moi, Olive ! On vous ramène Marius !

— Ah, bon! dit-elle. Je suppose qu'il est ivre mort comme d'habitude ! Vous pouvez le garder pour vous. Je n'ouvrirai pas !

— Mais non, dit Olive. Il n'est pas saoul. Il est seulement passé sous un rouleau compresseur...

— *Alors, si ce n'est que ça, glissez-le sous la porte !*».

Иногда логика персонажей входит в противоречие с принятым ходом рассуждения в реальной жизни. Таковы анекдоты, посвященные «детской наивности», 'неискушенности':

(35) «A la maternité, deux poupon bavarquent :

— Tu es un garçon ou une fille ?

— Ben, je sais pas!

— Attends ! Je vais te dire ça tout de suite ! Et le premier bébé soulève le drap de l'autre, puis il s'exclame :

— Tu es une petite fille !

— Ah ? Et comment tu le sais ?

— *Tu as des chaussons roses...*» (Р-МИС – пресуппозиция «Новорожденных девочек одевают в розовое, а мальчиков – в голубое»). При этом логика мира взрослых, знающих принципиальное отличие, противопоставляется логике детей-протагонистов.

Смещение смысла заключается порой в том, что Р-МИС меняет всю изотопию «герменевтического круга», выстраиваемого адресатом. Иногда этот феномен называется «эффектом обманутого содержания». Однако не будем забывать, что в основе пуанты любого анекдота по определению лежит

либо «обман ожидания», либо просто обман (см., напр., [Козинцев 2008]), т.к. условием *sine qua non* повествования является презумпция «псевдореференции» и абсурда:

(36) «Deux amis se croisent dans la rue. Le premier dit à l'autre en voyant sa mine catastrophée :

— Tu as perdu quelqu'un ?

— Non. C'est plutôt le contraire! J'attends un bébé !

— Et c'est pour ça que tu fais cette gueule d'enterrement ?

— *Oui. Je me demande comment l'apprendre à ma femme..».*

P-МИС содержит два смещения смысла в пресуппозиции: « Обычно: 1) рождение ребенка — радость; 2) своя жена не может не знать о рождении своего ребенка». Импликация – ребенок не от своей жены.

Причем таких вариантов достаточно много:

(37) «Une fille blanche épouse un Noir un peu efféminé. Et quand elle met un bébé au monde, il n'est ni blanc-ni noir: il est à carreaux blancs et noirs! Alors elle dit à son mari :

— Chéri, quand je te disais qu'on jouait aux dames trop souvent !».

Наивность, логика, построенная на особом существовании своего «возможного мира» часто касается не только детей, но и людей, оторванных от обычной жизни (см. слоты в Приложении I): миллионеров, членов правительства, «эпатирующих блондинок» в лице Marie-Chantal и её подружек и т.п.:

(38) «Deux lords anglais discutent politique :

— Si le gouvernement décide cela, jamais le peuple britannique ne l'acceptera !

— Mais mon pauvre Harold, comment pouvez-vous parler ainsi ? Vous ne connaissez pas le peuple anglais ! Vous n'avez pas le moindre contact avec lui. Vous vivez dans votre tour d'ivoire! Je suis même sûr que vous n'avez jamais pris un autobus de votre vie...

— Un autobus ? Euh... Mon Dieu, c'est vrai, vous avez raison. Je parle peut-être trop présomptueusement. Vous venez de me faire honte ! Je vais prendre un autobus demain !

Et le lendemain, le lord prend la file d'attente à une station d'autobus. Quand l'autobus arrive, il monte dedans, il s'assied et il dit au receveur: — Menez-moi au numéro 87 d'Elms Street...».

Форма плана выражения, как уже было отмечено, касается в первую очередь дискурсивной ситуации, манере речевого поведения персонажей:

(39) «— Alors, c'est bien, cette place de bonne à tout faire que tu as trouvée?

— C'est pas mal. C'est pas compliqué. Suffit de répondre toute la journée *oui Madame... oui Madame... oui Madame... et non Monsieur... non Monsieur... non Monsieur...* (P-МИС имплицитно подразумевает домогательства со стороны хозяина);

(40) «Le douanier fouille les bagages d'un voyageur et il découvre des tas de petits sachets de cocaïne.

— Ah ! Ah ! Et ça ? C'est peut-être pour nourrir vos poules, hein ?

— Parfaitement, répond l'autre. Je ne sais pas comment vous l'avez deviné, mais c'est pour nourrir mes poules...

— Vous, vous foutez de moi ? Les poules, ça ne peut pas bouffer de ça ! Elles en crèveraient!

— *Eh bien! Qu'elles en crèvent... Elles n'auront rien d'autre !*» (P-МИС – уход от ответа, попытка своим речевым поведением выйти из затруднительной ситуации).

Многие анекдоты имеют форму диалога или усеченного диалога. Однако это не всегда говорит о том, что в данном случае ключевым механизмом маркирования имплицитного содержания является форма, т.е. дискурсивный план, речь персонажей. Так, в следующем примере одной репликой обыгрывается нонсенс самого содержания, строящегося на конверсии физико-технический понятий и их номинаций:

(41) «Un grand industriel américain entre en courant dans le bureau du président des Etats-Unis et il s'écrie :

— Ça y est ! Nos ingénieurs ont trouvé un son qui va plus vite que les avions!».

Подтекстом этого анекдота, помещенного в рубрику «Америка», служит тот стереотип, «общее место», что успехи американской науки не только раздражают французов, но и не всегда целесообразны.

Субстанция плана содержания, как мы уже сказали, может отражаться и речью персонажей. Но здесь на первый план выдвигается не форма речи, а содержание:

(42) «— Ne tremblez pas, dit le chirurgien au malade. Je connais mon affaire. Regardez ma barbe: elle vous donnera confiance et vous la retrouverez au réveil.

Le malade s'endort. Quand il reprend ses esprits, il est fou de joie de retrouver la bonne barbe :

— Oh, merci, professeur. Je n'ai rien senti. - Mais l'a barbe lui répond :

— *Je ne suis pas professeur. Je suis saint Pierre...*» (Р-МИС «Формальные признаки обманчивы»).

Форма плана содержания выступает на первый план в механизмах выводного комического смысла, когда пресуппозиции и импликации речи самих персонажей становятся объектом комического в анекдоте. Также, как и в приведенном выше примере (40), реплики протагонистов могут рассогласовываться в пропозициях протагонистов и в логических выводах из этих пропозиций:

(43) «Тото est en train de sécher sur son devoir de sciences physiques. Il demande à son père qui est dans la salle de bains :

— Papa ! Qu'est-ce qui arrive quand un corps est plongé dans l'eau?

— Quand un corps est plongé dans l'eau? crie son père à travers la porte. Eh bien, en général, c'est à ce moment-là que le téléphone sonne...» (Р-МИС по-

строена на смещении пресуппозиций протагонистов: «законы физики» VS «жизненный опыт»);

(44) «Le garde-champêtre aperçoit un baigneur dans la rivière et il lui crie :

— Vous n'avez pas vu la pancarte ? C'est défendu de nager ici !

Et l'autre, qui gigote comme un forcené, réussit à répondre :

— Je nage pas. Je me noie !

— Ah, bon ! dit le garde-champêtre. Alors faites, faites !» (P-МИС – «

Тонуть не запрещается в соответствии с инструкцией»);

(45) « — Dites donc, Martin ! hurle le patron, est-ce que vous vous rendez compte que vous arrivez au bureau avec deux heures de retard?

— Excusez-moi, monsieur, mais je vous assure qu'il m'est arrivé quelque chose de pas ordinaire.

— Qu'est-ce qui vous est arrivé ?

— Je suis tombé par la fenêtre de ma chambre.

— Ah ! Et à quel étage habitez-vous ? — Au sixième, monsieur.

— Au sixième ? Vous êtes tombé du sixième et vous voulez me faire croire que c'est ça qui vous prit deux heures ?».

Подводя итоги, можно сформулировать определение понятия и термина «реплика – маркер имплицитного содержания» (P-МИС): *«Высказывание или, как правило, диалогическая реплика, которая активизирует механизм импликации, т.е. связи прямого значения текста и его семантической когерентности с имплицитным дополнительным содержанием, необходимым для восстановления интегрального смысла сообщения (изотопии текста)».*

P-МИС составляет основной жанрообразующий элемент таких малых фольклорных форм, как загадка, шутка, острота, анекдот.

P-МИС основана на механизме интерпретации, в частности, выявления контрадикторной афферентной семы, нарушающей изотопию (семантическое согласование) сообщения (текста). P-МИС как пуанта анекдота основана на асимметрии плана выражения и плана содержания, в частности, противоречии между деятельностной и дискурсивной составляющими речевого взаи-

модействия. При анализе механизмов реализации Р-МИС целесообразно придерживаться корреляций формы и субстанции плана выражения и плана содержания.

Во французском анекдоте субстанция плана выражения связана с комизмом, создаваемым фонетико-просодическими средствами:

(46) «Sur une petite route, il y a deux crapauds qui sortent d'un fossé et qui vont pour traverser. Et tout d'un coup, il y en a un qui crie à l'autre :

- Attention! Attention au rouleau comprrrrrrrr...».

Комизм формы плана выражения построен на лексической омонимии, переразложении идиоматики и т.п.:

(47) «Un ogre rentre chez lui et appelle sa femme:

— J'ai vachement faim ! Apporte-moi un pâté de maisons...» (Р-МИС - значение слова ogre + графема множественного числа, изменяющая смысл устойчивого словосочетания).

Субстанция плана содержания построена на алогизме, вытекающем из контрадикции деятельностного и дискурсивного планов повествования (нарушение протагонистами принципа кооперации, конвенциональных или конверсациональных имплицатур межличностного речевого поведения):

(49) «Un gosse arrive tout mouillé et pleurnichant vers son père :

— Papa ! Je suis tombé dans la rivière !

— Hein ? fait le père. Et qui t'en a sorti ?

— C'est un gentil monsieur qui a plongé tout habillé et qui m'a ramené sur le quai...

— Ah, oui ? Et où est-il ce monsieur ?

— Il est là-bas au bord, en train de se sécher... Alors le père se précipite vers le sauveteur qui est tout grelottant et il lui dit :

— C'est vous qui avez sorti mon fils de la flotte ?

— Oui, dit l'autre. Mais, vous savez, c'est tout naturel !

— Ah, oui? Vous trouvez ça naturel ? Et sa casquette, qu'est-ce que vous en avez fait?».

Форма плана содержания используется для создания комического эффекта за счет внутренней и внешней речи персонажей, которая требует обращения к имплицитному содержанию и создает семантический сдвиг, лежащий в основе комического:

(50) «Un vieil homme d'affaires, à qui son médecin a recommandé de prendre de l'exercice, s'essaye à jouer au tennis.

Et le soir, quand il rentre chez lui, sa femme lui demande :

— Ça s'est bien passé, mon trésor?

— Mais oui, dit-il fièrement. Quand je vois la balle arriver, mon cerveau lance des ordres rapides à mon corps : *Vite, cours à gauche !* ou bien *Recule à toute allure !*

— Ah ! bon... Et alors ?

— Et alors mon corps répond à mon cerveau : *Qui ? Moi?»*;

(51) «Un petit garçon va trouver sa mère et il lui dit :

— Il est quand même drôle, papa ! Suivant qu'il te parle ou qu'il parle à la bonne, il dit les choses à l'envers... — Commen ça ? demande la mère un peu inquiète. — Ben oui. Il rentre le soir. Si c'est toi qui es là, il secoue son parapluie et il dit : *Quelle poisse !* Et puis il te demande : *Rien de nouveau ?* Et tu lui dis : *Non...* Tandis que si c'est la bonne qui est là, il lui dit tout de suite : *Rien de nouveau ?* Et elle répond : *Non !* Alors il dit : *Quelle poisse !*».

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

1. Функция реплики-маркера имплицитного содержания часто совпадает с функцией пуанты анекдота (финальной части, несущей основную смысловую нагрузку». Поэтому мы рассматриваем Р-МИС в контексте такой малой фольклорно-литературной формы (МФФ) французской лингвокультуры, как интеракциональный жанр анекдота.

2. Текстологическая особенность анекдота состоит в том, что в структуре присутствует градация, ведущая к «разрешению» загадки смысла, или 'соли' анекдота. Причем сама презумпция жанра, объявляемого в практически обязательной метакоммуникативной преамбуле «Tu connais celle-là?», предполагает интенциональную координацию, синхронизацию собеседников на определенные речемыслительные действия, направленные на удовольствие от понимания.

3. В отсутствии истинного референта (денотата) в действие вступает интерпретанта, которая опосредует связь знака с его денотатом. В анекдоте отсутствует оппозиция истинно/ложно относительно референта. Существует лишь экзистенциально-пропозициональная презумпция «смешно». Она относится только к интерпретанте, и от качества финальной интерпретанты зависит перлокутивный успех анекдота как речевого акта (события, жанра).

4. Понимание является *творческим* процессом — приращение нового знания предполагает созидательную работу мышления, рефлекссию и планирование, умение найти нечто общее в разнородных явлениях. На том же принципе основан и смех как единство процессов остроумия.

5. Анализ показывает, что «возможный мир анекдота» для французов состоит из двух доминирующих полюсов, которые условно можно обозначить как «чужое и свое», или «экзотика и проза жизни». Действительно, странным, а значит и смешным кажется поведение иностранцев, всякого рода экзотических от природы человеческих экземпляров, неординарных людей в необычных обстоятельствах. Таковы, например, звезды политики и эстрады, исторические личности, события давно прошедших лет и т.д. С другой сто-

роны, вся наша жизнь — сплошной анекдот, и смешное живет рядом с нами. Поэтому чаще мир французского анекдота заполняется детьми с их нестандартным мышлением и поведением, всякого рода учреждениями, начиная от школы, до церкви, больницы и администрации. Одним словом курьезами повседневной жизни.

6. Фабулы анекдотов могут различаться по многим параметрам, в частности, по структуре сюжета, по природе имплицитного содержания и по тому, к какому плану интеракциональной ситуации относится Р-МИС.

7. Механизмы действия Р-МИС сводятся к использованию асимметрии плана выражения и плана содержания по четырем параметрам: 1) форма ПВ; 2) субстанция ПВ; 3) форма ПС и 4) субстанция ПС.

8. На основании проведенного анализа дается функциональное определение реплики-маркера имплицитного содержания: *«Высказывание или, как правило, диалогическая реплика, которая активизирует механизм импликации, т.е. связи прямого значения текста и его семантической когерентности с имплицитным дополнительным содержанием, необходимым для восстановления интегрального смысла сообщения (изотопии текста)».*

9. Р-МИС составляет основной жанрообразующий элемент таких малых фольклорных форм, как загадка, шутка, острота, анекдот.

10. Р-МИС основана на механизме интерпретации, в частности, выявления контрадикторной афферентной семы, нарушающей изотопию (семантическое согласование) сообщения (текста).

11. Р-МИС как пуанта анекдота основана на асимметрии плана выражения и плана содержания, в частности, противоречию между деятельностной и дискурсивной составляющими речевого взаимодействия.

12. При анализе механизмов реализации Р-МИС целесообразно придерживаться корреляций формы и субстанции плана выражения и плана содержания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании выполнен анализ имплицитности как имманентной прагма-дискурсивной и коммуникативной категории речевого взаимодействия. Осуществлено определение типологии **имплицитных механизмов порождения смысла** и степени их маркированности в жанре фольклорных дискурсивных практик французского языка (жанре анекдота).

Исследование выявило функциональный диапазон языковых и речевых маркеров — средств реализации (манифестации) категории имплицитности в системе французского дискурса (текста).

Для достижения данной цели был определен категориальный статус имплицитности как лингвистического феномена, как речевой стратегии и механизмов ее реализации. В исследовании рассмотрены когнитивные и языковые (дискурсивные) характеристики речевого взаимодействия как функциональной среды возникновения и реализации имплицитности. Наглядно показана аргументация исследования градуальности имплицитности и проведен компаративный анализ маркеров имплицитного содержания во французской коммуникации.

Исследование выявило функциональный диапазон языковых и речевых средств реализации маркирования имплицитности во французских малых фольклорных формах (МФФ) на примере анекдота, выделило универсальное и особенное в реализации категории имплицитности во французском анекдоте.

В результате исследования сделаны **основные выводы, которые выносятся на защиту концепции автора, отраженной в диссертации:**

1. Порождение имплицитного содержания является универсальной категориальной ситуацией обыденного и художественно-литературного коммуникативного взаимодействия.

2. Имплицитность проявляет когнитивно-логические и прагмалингвистические механизмы речевого взаимодействия.

3. Стратегия имплицитности амбивалентна и коррелирует как с поло-

жительными дискурсивными стратегиями (мейозис, мелиоративность), так и со стратегиями, нарушающими принцип кооперации, направленными на ущемление «позитивного лица» собеседника (ирония, насмешка, сарказм).

4. Имплицитность основана на принципе экономии речевого усилия и не противоречит связности и успешности дискурсивной реализации речевого взаимодействия.

5 Имплицитность реализуется в виде определенных категориальных ситуаций (фреймов), в частности, намека, инсинуации, иронии, дискурсивного манипулирования и т.д. и носит маркированный оценочно-прагматический и конвенционально-культурологический характер.

6. Ядерным средством реализации имплицитности в диалогическом дискурсе является **реплика** как особый тип высказывания, обладающий совокупностью нетривиальных пропозициональных, иллокутивных, аргументативных, интерперсональных и дискурсивных свойств.

7. Имплицитность градуальна и регламентируется более или менее эксплицитными средствами в разножанровых речевых практиках, в частности, в рассматриваемых в работе французских малых фольклорных формах (басня, анекдот, паремии и т.п.).

8. В жанре анекдота основным средством и жанрообразующим механизмом лежит пуанте — реплика-маркер имплицитного (выводного) смысла, лежащего в основе интегрального смысла текста анекдота и его перлокутивного эффекта — комического.

Исследование проведено в русле интегральной семантики, соединяющей лингвистические и прагматические факторы образования смысла и понимания в целом. Автор считает, что эта перспектива — объединение семантических и прагматических аспектов языка-речи — представляет одну из главных перспектив общего и частного языкознания нового времени. Однако мы отдаем себе отчет, что «скрытые смыслы» вообще, а тем более в художественном тексте, требуют еще большего внимания и понимания со стороны, как семасиологии, так и прагматики текста (Приложение II). В результате ис-

следования мы пришли к заключению, что в жанре анекдота основным средством и жанрообразующим механизмом является пуанта — реплика-маркер имплицитного (выводного) смысла, т.е. интегрального смысла, объединяющего импликационное усилие и семантику текста анекдота, что и производит его перлокутивный эффект — комическое.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Айрапетов Г.Э. Интеракциональные особенности полилогического дискурса (на материале французского языка) / Гурген Эдуардович Айрапетов - Автореферат дис. ...кандидата филол. наук. - Воронеж, 2006.- 17с.
2. Акимова И. И. Способы выражения имплицитной информации художественного дискурса: На материале произведений В. Набокова/ Инга Игоревна Акимова. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. - М., 1997. - 20с.
3. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка. / О.В. Александрова. - М.: Высшая школа, 1984. - 211с.
4. Александрова О.В. Семиотика неплавной речи / О.В. Александрова - М., 1987.- 138с.
5. Алиева Т. И. Эксплицитные и имплицитные средства выражения условной модальности в современном французском языке/ Тамилла Икрамовна Алиева. - Диссертация ... кандидата филологических наук. – М., 2003. -138с.
6. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т.Б. Алисова // Вопросы языкознания. № 1.-1971. - С. 54-64.
7. Алфёров А.В. Лексикализация модусной конструкции: семантика и прагматика / А.В. Алфёров // Актуальные направления современной лингвистики. – М.: Ин-т Языкознания АН, 1989, с. 16- 18.
8. Алфёров А.В. Дейксис de dicto: функциональный класс интеракциональных индексалов / А.В. Алфёров // НДВШ: Филологические науки. - 2001а. - № 2. - С. 85-93.
9. Алфёров А.В. Интеракциональный дейксис / А.В. Алфёров - Пятигорск: ПГЛУ, 2001б. - 300с.
10. Алфёров А.В. На пути к грамматике речи: интеракциональные категории высказывания / А.В. Алфёров // Язык и действительность. Сборник науч. трудов памяти В.Г. Гака. - М.: Ленанд-УРСС, 2007а. – С. 457-461.

11. Алферов, А.В. Когнитивное пространство интеракционального дискурса /А.В. Алферов // Текст: проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания. Материалы II международной научной конференции. – Москва - Пятигорск, 2007б.- С. 7-11.
12. Алфёров А.В. Об особенностях интеракционализма во франкофонной лингвистике и имманентизме в лингвопрагматике / А.В. Алфёров // Материалы международной научной конференции "Актуальные проблемы романистики".- Воронеж: ВГУ, 2009а.– С. 30-36.
13. Алфёров А.В. Коммуникативная модель смыслообмена и интеракциональная лингвистика /А.В. Алфёров // Материалы I Международной научной конференции «Новые идеи в лингвистике XXI века». – Пятигорск: ПГЛУ, 2009б.- С.15-21.
14. Аникина О. Е. Синтаксическая имплицитность во французском языке в сопоставлении с русским / Ольга Евгеньевна Аникина. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Екатеринбург, 2001.- 213с.
15. Анисимова Н.П. Историко-эпистемологический анализ французских семантических теорий / Наталья Петровна Анисимова. - Диссертация ... доктора филологических наук. – Тверь, 2002. – 268с.
16. Анохина Н. В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания: на материале научно-популярного текста / Наталья Владимировна Анохина. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Уфа, 2010. -195с.
17. Античные риторика. / Ред. А.А. Тахо-Годи. - М.: Изд-во МГУ, 1978.-352с.
18. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить / А. Арно, П. Николь - М., 1991. С. 147-148.
19. Артемьева Б.Ю. Психология субъективной семантики / Б.Ю. Артемьева - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 127с.
20. Артюшков И.В. Косвенная и тематическая речь как особые формы изображения внутренней речи персонажей в художественном тексте: (На мате-

- риале прозы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского) / И.В. Артюшков // Семантика и прагматика языковых единиц. Уфа, 1999. - С. 103-110.
21. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и "почему" реплики в русском языке. /Н.Д. Арутюнова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки.-1970.-№ 3.-С.44-58.
22. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. /Н.Д. Арутюнова - М.: Наука, 1976.-383с.
23. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата. /Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. СЛЯ.-1981, № 4.-Т.40.-С.356-367.
24. Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения.// Прагматические аспекты изучения предложения и текста /Н.Д. Арутюнова - Киев: Киевский госпединститут иностранных языков, 1983.-С. 4-12.
25. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка. /Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики 1982.- М.: Наука, 1984.- С.5-23.
26. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт /Н.Д. Арутюнова - М.: Наука, 1988.- 314с.
27. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 21-31.
28. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. /Н.Д. Арутюнова - М.: «Языки русской культуры», 1999.- 896с.
29. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики. /Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика.- М.: Прогресс, 1985.- С.3-42.
30. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. - Воронеж: ВГУ, 2001. – 86с.
31. Багдасарян В. Х. Проблема имплицитного. (Логико-методол. анализ) / В. Х. Багдасарян. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. -138с.
32. Бакланова Е. А. Слово и имплицитный смысл в ранних рассказах В.В. Набокова (на материале сборника "Возвращение Чорба") / Елена Алексеевна

- Бакланова. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Томск, 2006. - 256с.
33. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли - М.: Иностранная лит-ра, 1955. - 416с.
34. Балли Ш. Французская стилистика. / Ш. Балли - М.: УРСС, 1981. - 392с.
35. Баранов А.Г. Интерпретация: от понимания к рефлексии. / А.Г. Баранов // *Hermeneutics in Russia. Vol. 1. 1998. Published by Tver State University Internet Center.* <http://university.tversu.ru/Science/Hermeneutics1998-1>.
36. Баранов А. Н. Эксплицитный модус в аргументативном диалоге / А. Н. Баранов // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М.: Наука, 1987. - С. 13-17.
37. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика/ А. Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2009. - 502с.
38. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН, Серия лит-ры и языка, №1 , т.56, 1997.- С.11-21.
39. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос. / А. Н. Баранов, И.М. Кобозева // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Ин-т Языкознания АН СССР, 1988. - С.45-69.
40. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // ВЯ, 1992, №2.- С. 84-99.
41. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Р.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В.А. Плунгян, Р.В. Рахилина - М.: «Помовский и партнеры», 1993. - 207с.
42. Баранов А.Н., Сергеев В.М. Лингво-прагматические механизмы аргументации / А. Н. Баранов, В.М. Сергеев // Рациональность, рассуждение, коммуникация.- Киев: Наукова думка, 1987.- С. 22-41.
43. Барт Р. Нулевая степень письма/ Р. Барт // Семиотика. Ред. Ю.С. Степанов. / Р. Барт - М.: «Радуга», 1983. – С. 306-350.

44. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт.- М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. -616с.
45. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин - М.: Советская Россия, 1979а. - 320с.
46. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин - М.: Искусство, 1979б.- 424с.
47. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Литературно-критические статьи. - М.: «Художественная литература», 1986. - С. 428 – 472.
48. Бахтин М.М. М. Бахтин (Под маской) / М.М. Бахтин. – М.: Лабиринт, 2000.- 640с.
49. Беляевская Е.Г. Семантика слова / Е.Г. Беляевская. = М.: Высшая школа, 1987.- 128с.
50. Бенвенист Э. Общая лингвистика /Э. Бенвенист - М.: Прогресс, 1974. - 446с.
51. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. /Э.М. Береговская - М.: Рохос, 2004а.-208с.
52. Береговская Э.М. Игра в однофразовом тексте: макароническая речь. / Э. М. Береговская // Лингвистика и постмодернизм. Материалы докладов научной конференции. Минск: МГЛУ, 2004б.- С. 37-41.
53. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры./ Э Берн - М.: Специальная литература, 1996.- 398с.
54. Библер В.С. Мышление как творчество. - М., 1975.- 399с.
55. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор - М.: Иностранная литература, 1961.-151 с.
56. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. - М. : URSS : ООО Ленанд, 2007. - 317с.
57. Брутян Л.Г. Анализ языковых выражений импликации / Лилит Георгиевна Брутян. - Диссертация ... доктора филологических наук. - Ереван, 1992. -214с.

- 58.Быков Д.В. Функционально-прагматическая характеристика фразорефлексов французского языка / Дмитрий Викторович Быков - Дис. ... канд. филол. наук. - Пятигорск, 2003.-147с.
- 59.Быков Д.В. Фразорефлексы французского языка // Язык и действительность. Сб. науч. трудов памяти В.Г. Гака. - М.: Ленанд-УРСС, 2007. – С.416-425.
- 60.Бюлер К. Теория языка. / К. Бюлер. - М.: Прогресс, 2000.-528с.
- 61.Ван Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста. /Т.А. Ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. - М.: Прогресс, 1987. -С.259-336.
- 62.Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. /Т.А. Ван Дейк -М.: Прогресс, 1989.-312с.
- 63.Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С.А. Васильев. – Киев: Наук. думка, 1988. – 237 с.
- 64.Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: «Русские словари», 1996. - 416с.
- 65.Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М.: «Языки русской культуры», 1999. -780 с.
- 66.Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. / А. Вежбицка. - М.: Языки славянской культуры, 2001.-288с.
- 67.Вербицкая О. Ю. Опыт лингвистического исследования парадоксального речевого акта в комическом дискурсе. На материале английского языка / Ольга Юрьевна Вербицкая. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Иркутск, 2005 - 190с.
- 68.Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове./ В.В. Виноградов. - М.: Высшая школа, 1972.- 615 с.
- 69.Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: URSS, 2007. – 176 с.
- 70.Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. Часть I. - М.: Изд-во «Гнозис», 1994.— 612с.

71. Волошина М.В. Функционально-прагматические характеристики категории мелиоративности в современном французском языке / Мария Викторовна Волошина. – Автореферат диссертации... кандидата филол наук. – Воронеж, 2010. – 24с.
72. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. /Е.М. Вольф - М.: Наука, 1985.-229с.
73. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции. /Е.М. Вольф // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. - С.124-143.
74. Воробьева О. В. Просодия имплицитного несогласия в русской речи северокавказских армянских билингвов: экспериментально-фонетическое исследование / Ольга Викторовна Воробьева. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. - Пятигорск, 2008. - 19с.
75. Ворожцов Б.Н. Авторские окказионализмы как способ реализации игровой функции языка / Б.Н. Ворожцов // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г.Гака.- Дубна: Феникс+, 2001.-С.79-85.
76. Выготский Л.С. Мышление и речь./ Л.С. Выготский - М.-Л.: Соцэкгиз, 1934.- 324с.
77. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер.- М.: Прогресс,1988.- 704с.
78. Гак В.Г. Русский язык в зеркале французского. Структура диалогической речи - Ч. 1 - II. / В.Г. Гак // "Русский язык за рубежом". - 1970.- № 3 - С.75-80; - 1971.№ 2 - С. 63-69.
79. Гак В.Г. Высказывание и ситуация. / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики 1972. - М.: Наука, 1973. - С. 349-372.
80. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак - М.: «Международные отношения», 1977.- 263с.
81. Гак В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании. / В.Г. Гак // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. - Калинин: КГУ, 1980. - С.41-51.

82. Гак В.Г. Языковые преобразования. / В.Г. Гак -М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.-768с.
83. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. / В.Г. Гак -М.: Добросвет, 2000.- 832с.
84. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка / И.Р. Гальперин. -М: Высшая школа, 1974.-174с.
85. Ганеев Б.Т. Ортофрония и аллофрония в языке и речи / Б.Т. Ганеев // НДВШ. Филологические науки, № 3, 2004.- С.57-67.
86. Ганеев Б.Т. Противоречия в языке и речи / Б.Т. Ганеев. - Дис. ... докт. филол. наук / Булат Талгатович Ганеев. – Уфа, 2005. – 689с.
87. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка. Вступ. ст. /В.И Герасимов, В.В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. - С. 5 - 11.
88. Глаголев Н.В. Коммуникативное воздействие с элементами ложной информации / Н.В Глаголев // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы.- М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1986.- С. 20-33.
89. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и детонации (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания, № 2, 1985. - С. 71-79.
90. Голиков А.А., Танашева О.Г., Селивестрова А.В. Уместность информации как фактор повышения эффективности управленческих решений./ А.А. Голиков, О.Г. Танашева, А.В. Селивестрова. - Челябинск: ЧГУ, 2002.- 55с.
91. Головач Э. А. Имплицитные особенности морфологии имени прилагательного/ Елена Анатольевна Головач. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – М., 1992. -16с.
92. Гончарова Н.М. Соотношение эксплицитной и имплицитной связности в испанском и русском тексте. На материале газ. заметки / Наталья Михайловна Гончарова. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Воронеж, 1995. - 225 с.

93. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. / И.Н. Горелов - М.: Наука. 1980.-104с.
94. Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. / И.Н. Горелов – Таллинн: «Валгус», 1987.-196с.
95. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике / И.Н. Горелов – М.: Лабиринт, 2003.-320с.
96. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения. / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.- С.276-302.
97. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985.- С. 217 – 237.
98. Греймас, А.Ж., Фонтаний, Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А.Ж. Греймас, Ж. Фонтаний – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.- 336с.
99. Гунченко И. М. ИмPLICITный компонент фразеологической семантики в современном английском языке. На материале субстантив. фразеол. единиц/ Игорь Михайлович Гунченко. - Диссертация ... кандидата филологических наук. М., 1994. -175с.
100. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию./ В. фон Гумбольдт. - М.: «Прогресс»,1984.-400с.
101. Гуревич В.В. О "субъективном" компоненте языковой семантики / В.В. Гуревич // Вопросы языкознания № 1, 1998. – С.27-35
102. Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания./ В.А. Гуреев // Вопросы языкознания № 2, 2004.- С. 57-68.
103. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии феноменологической философии. / Э. Гуссерль - М.: Дом интеллектуальной книги- СЕИ Press, 1999.- 332с.

104. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Философия как строгая наука. / Э. Гуссерль - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.- 752с.
105. Гюрджян Н.С. Речевые манифестации когнитивного конфликта в диалоге (на материале английского и русского языков)/ Наира Славиковна Гюрджян – Диссертация ...канд. филол. наук. – Пятигорск, 2009.- 190с.
106. Дари А. С. Импликация, эллипсис и другие смежные явления. (На материале современ. фр. яз.) / А. С. Дари. - Кишинев: Штиинца, 1986. - 60с.
107. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка.-1982.-№4, Т.40.- С.327-337.
108. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58—67.
109. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: социофилософский анализ / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: Альфа-М, 2005. – 592 с.
110. Дмитриева И. В. Виды синтаксической имплицитной информации в различных функциональных стилях английского языка / Ирина Владиславовна Дмитриева. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. - Минск, 1990. - 23с.
111. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания / К.А. Долинин // ВЯ, № 6, 1983. -С. 23-35.
112. Долинин К.А. Интерпретация текста / К.А. Долинин - М.: Просвещение, 1985. - 228с.
113. Долинин К.А. Стилистика французского языка / К.А. Долинин - М.: Просвещение, 1987.- 303с.
114. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / Е. В. Ермакова. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. - 199с.

115. Жабина Е. В. Эксплицитные и имплицитные средства выражения доверия / недоверия в современном немецком политическом дискурсе / Екатерина Владимировна Жабина. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Тамбов, 2007. - 208с.
116. Жарина О.А. Категория имплицитности как основа для формирования единиц дискурса и текста (на материале русского и английского языков) / Ольга Александровна Жарина. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Ростов-на-Дону, 2006. -183с.
117. Жулидов С. Б. Соотношение эксплицитного и имплицитного выражения значения при переводе как семантико-стилистическая проблема / Сергей Борисович Жулидов. - Диссертация ... кандидата филологических наук. – Л., 1978. - 197с.
118. Залевская А. А. Слово, Текст. Избранные труды / А. А. Залевская – М.: Гнозис, 2005.-543с.
119. Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н. Зарецкая - М: Дело, 1999. - 480с.
120. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев – М., 1976.-306с.
121. Змеева Т. Е. Имплицитное выражение эмоции в функционально-коммуникативном аспекте (На материале соврем. фр. яз.)/ Татьяна Егоровна Змеева. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. - Москва, 1988. -23с.
122. Иванкова И. В. Реализация категории имплицитности в современном русском художественном тексте (на фоне немецкого языка)/ Ирина Владимировна Иванкова. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Волгоград, 2007. - 194с.
123. Иванов, Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры / Вяч. Вс. Иванов. / Том I. – М.: Школа «языки русской культуры», 1998. - 912с.

124. Ивин А. А. Импликации и модальности / А. А. Ивин. - М.: ИФРАН, 2004. – 124с.
125. Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. - М.: Яз. рус. культуры, 1999. - 200с.
126. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / О. Йокояма – М.: Языки славянской культуры, 2005.- 424с.
127. Казачевская О. В. Проблема передачи имплицитного содержания на материале немецко-русских переводов/ Ольга Васильевна Казачевская. - Диссертация ... кандидата филологических наук. – М., 2003. - 196с.
128. Калмыкова Г.А. Семантико-синтаксическая единица импликации и способы ее вербализации. На материале нем. романт. сказок/ Г.А. Калмыкова. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Нижний Новгород, 1994. -223 с.
129. Камю А. Миф о сизифе / А. Камю // Сумерки богов. - М.: Политиздат, 1989. – С. 222-318.
130. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. -М., 1965. С. 85-90.
131. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон – Л.: Наука, 1986.-298с.
132. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 220с.
133. Кашичкин А. В. Имплицитность в контексте перевода / Александр Викторович Кашичкин. - Диссертация ... кандидата филологических наук.- М., 2003. - 153с.
134. Кашкин В.Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия / В.Б. Кашкин // Теоретические проблемы современного языкознания. Сборник в честь проф.З.Д. Поповой. - Воронеж, 2009. - С.32-37.

135. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.- С. 7-21.
136. Козинцев А.Г. Об антиреферентивной функции языка / А.Г. Козинцев // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Изд-во «Индрик», 2008.- С.55-66.
137. Кондрашова Д. С. Лингвистическое обеспечение процедуры извлечения имплицитной информации при проведении семантических экспертиз / Дарья Сергеевна Кондрашова. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – М., 2010. - 25с.
138. Котов А.А. Угадывание эмоциональных состояний за семантическими смещениями // Скрытые смыслы в языке и коммуникации / Сб. статей. Ред.-сост. И. А. Шаронов. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики, 2008. –С.157-192.
139. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд. БГУЭП, 2008.- 320с.
140. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст)/ Виктория Владимировна Красных. – Диссертация... доктора филологических наук. М.: МГУ, 1999.- 360с.
141. Крейдлин Г.Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы III: отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах / Г.Е. Крейдлин //Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова и др.- М.: Языки Русской культуры, 2000. - С. 341-352.
142. Кудинова И.А. Категория имплицитности в рекламном дискурсе: на материале современного английского языка / Ирина Андреевна Кудинова. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. - Белгород, 2009. - 23с.
143. Кулакова Ю.В. Псевдореферентная номинация в аспекте перевода (на материале английского и русского языков) / Юлия Владимировна Кулакова. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Пятигорск, 2010. - 27с.

144. Кустова Е. Ю. Функционально-прагматическая характеристика междометных речевых единиц французского языка / Елена Юрьевна Кустова - Диссертация... кандидата филологических наук. М., 1997. – 172с.
145. Кустова Е. Ю. Интеракциональная теория междометия (на материале французского языка) / Е.Ю. Кустова. – Пятигорск, 2009. -360с.
146. Кустова Е.Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракциональные функции/ Елена Юрьевна Кустова – Автореферат дис. ... доктора филол. наук. – Воронеж, 2010. – 42с.
147. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.-256с.
148. Лаптева О.А. Речевые возможности текстовой омонимии / О.А. Лаптева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 41бс.
149. Ларина О. В. Функционирование имплицитных средств темпоральной локализации действия в англоязычном дискурсе / Ольга Всеволодовна Ларина.- Диссертация ... кандидата филологических наук. – М., 2009. - 232с.
150. Ларькина А. А. Эллипсис в современном французском языке/ Анна Александровна Ларькина. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. - СПб., 2009. - 24с.
151. Лебедев М.В. Аналитическая философия / М.В. Лебедев, А.З.Черняк. – М.: РУДН, 2004. – 740с.
152. Левкиевская Е.Е. Неявные способы интродукции в восточнославянской быличке / Е.Е. Левкиевская // Скрытые смыслы в языке и коммуникации: Сб. науч. ст./Ред.-сост. И.А. Шаронов. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. - С. 85-100.
153. Лисоченко Л. В. Высказывания с имплицитной имплекативной семантикой в дискурсе. Языковой, логический и прагматический аспекты / Любовь Васильевна Лисоченко. - Диссертация ... доктора филологических наук. - Таганрог, 1993.- 326с.
154. Лобанова Н. В. Адверсативные отношения на уровне сложного предложения и сверхфразового единства. Эксплицитные и имплицитные средства

- их дифференциации / Наталья Викторовна Лобанова. - Диссертация ... кандидата филологических наук. – М., 2005. - 185с.
155. Лукина О.Г. Типы имплицитного способа передачи информации в речевой коммуникации/ Ольга Григорьевна Лукина.- Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – М, 1989. - 16 с.
156. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия – М.: МГУ, 1998. - 336с.
157. Масленникова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация / Анна Александровна Масленникова. - Диссертация ... доктора филологических наук. – СПб., 1999. - 299с.
158. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица ("портрета") говорящего/ Галина Григорьевна Матвеева. - Диссертация ... доктора филологических наук. – СПб., 1993. - 449с.
159. Милосердова О.С. Косвенное и имплицитное отрицание в современном немецком диалогическом дискурсе: семантико-синтаксические и прагматические аспекты / Ольга Сергеевна Милосердова. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. - Тамбов, 2010. - 24с.
160. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного [Текст] / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка - М.: Прогресс, 1988. - С. 281-309.
161. Михайлова Н.А. Семантико-прагматические особенности функционирования имплицитных высказываний в диалогической речи. На материале современного немецкого языка / Надежда Алексеевна Михайлова. –Диссертация ... кандидата филологических наук. -Тамбов, 2002. -164с.
162. Москалева И.П. Соотношение эксплицитных и имплицитных средств выражения языковых значений в современном немецком языке / Ирина Петровна Москалева. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – М., 1986. - 26с.
163. Нагорная Е.В. Соотношение эксплицитной и имплицитной информации в рекламном дискурсе. На материале англоязычной рекламы / Елена Ва-

- ильевна Нагорная. - Диссертация ... кандидата филологических наук. – М., 2003. - 367с.
164. Некрасова Н.А. Имплицитность разноуровневых синтаксических конструкций в русском и английском языках / Наталья Александровна Некрасова. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Ростов-на-Дону, 2003.- 155с.
165. Нестерова М.А. Имплицитные и эксплицитные средства выражения следствия в современном французском языке / Марина Анатольевна Нестерова. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – М., 1988. - 21с.
166. Нефедова Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицитивной коммуникации. На материале французских текстов и их переводов на русский язык/ Лилия Амиряновна Нефедова. - Диссертация ... доктора филологических наук. - Челябинск, 2001. -312с.
167. Нефедова Н.П. Функционально-прагматические особенности полемической дискурсивной стратегии во французском языке / Наталья Петровна Нефедова - Диссертация ... кандидата филологических наук. Пятигорск, 2003. - 151с.
168. Одинцова А. Э. Модусные наречия в речевом взаимодействии. Контрастивное прагматическое исследование на материале французского и русского языков / Анна Эдуардовна Одинцова.- Диссертация ... кандидата филологических наук. - Пятигорск, 2005 - 153с.
169. Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка / Р.И. Павиленис // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.- С. 374-388.
170. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис - М.: Мысль, 1993. — 286с.
171. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е.В. Падучева - М.: Наука, 1985. -272с.

172. Пенина Т.П. Ответные реплики с имплицитным содержанием несогласия в структуре диалогического текста / Татьяна Петровна Пенина.- Диссертация ... кандидата филологических наук. - Ставрополь, 2003. - 189с.
173. Переяшкина Л.Н. Просодия имплицитивных смыслов отрицания в английском дискурсе / Л. Н. Переяшкина. - Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2010 -172с.
174. Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa». / Ч.С. Пирс // Семиотика / Под. ред. Ю.С. Степанова. - М.: Радуга, 1983. – С. 151-210.
175. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Ч.С. Пирс. СПб.: «Алетейя», 2000.- 350с.
176. Попова А. А. Когнитивный аспект импликации. На материале русского и французского языков/ Анна Александровна Попова. - Диссертация ... кандидата филологических наук. Иркутск, 2006. -151с.
177. Попова Г. Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия (на материале французского языка) / Галина Евгеньевна Попова – Диссертация ... кандидата филологических наук. - Пятигорск, 2004.- 142с.
178. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информатика, кибернетика / Р.К. Потапова – М.: Едиториал УРСС, 2003.-568с.
179. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов – М.: Языки славянской культуры, 2006.- 496с.
180. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. / А.А. Потебня - М.: Учпедгиз, 1958. – 536с.
181. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. . Потебня. - М.: Издательство «Лабиринт», 1999.- 300с.
182. Прагматика и проблемы интенциональности / Под ред. Н.Д. Арутюновой. - М.: Институт языкознания АН СССР, 1988.- 302с.
183. Просяникова О. И. Актуализация имплицитности художественной детали в текстах психологической прозы. На материале английского психоло-

гического рассказа XX века / Ольга Игоревна Просяникова.- Диссертация ... кандидата филологических наук. - СПб.- Пушкин, 2004. -174с.

184. Раджабова Л. Г. Взаимодействие эксплицитности и имплицитности в смысловой структуре художественно-публицистического произведения. На материале статей М. Исаковского/ Лейла Гаджирамазановна Раджабова.- Диссертация ... кандидата филологических наук. - Махачкала, 2005. -154с.

185. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье.- Нижний Новгород: «Деком», 2001. -368с.

186. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер - М.: Медиум, Academia-Центр, 1995. - 415с.

187. Рождественский Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский - М.: Добросвет, 1997. - 597с.

188. Сильвестров Д.В. Текст повествования в контексте игры / Д.В. Сильвестров // Хёйзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры [Текст] / Й. Хёйзинга - М.: Прогресс Традиция, 1997. - С. 9-19.

189. Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов/ Материалы Международной науч. конф. под ред. С. С. Ваулиной. - Калининград: Изд-во Российского гос. им. Иммануила Канта, 2006. -334с.

190. Сенченкова Н. Г. Импликация в немецкой диалогической речи и ее признаки / Наталья Геннадьевна Сенченкова.- Автореферат дис. ... кандидата филологических наук.- Л., 1991. - 16с.

191. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б.А. Серебренников – М.: Наука, 1988. - 244 с.

192. Сергиенко А.В. Языковые возможности реализации иронии как разновидности импликации в художественных текстах. На материале прозы Г. Гейне и Т. Манна и их переводов на рус. яз./ Анна Валерьевна Сергиенко. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Саратов, 1995.- 208с.

193. Серль Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. - М.: Прогресс, 1986.- С.195-222.

194. Серль Дж. и Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.18 - М.: Прогресс, 1986.-С.242-263.
195. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности [Текст]/ К. Ф. Седов // Жанры речи — 2. Саратов, 1999. С. 13—26.
196. Сиссоко Д. Имплицитность как способ актуализации смысла в художественном тексте / Дуга Сиссоко. - Диссертация ... кандидата филологических наук. – М., 2002. - 128с.
197. Скрытые смыслы в языке и коммуникации / Сб. статей. Ред.-сост. И. А. Шаронов. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики, 2008. -246с.
198. Слепцова М. А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки / Мария Александровна Слепцова. - Автореферат дис. ... канд. фил. наук. – СПб., 2008. -18с.
199. Смирнов А.В. Логика смысла: Теория и её приложение к анализу классической арабской культуры / А.В. Смирнов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. -504с.
200. Соколов О. М. ИмPLICITная морфология русского глагола. Морфемика / О. М. Соколов. - М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991.- 76с.
201. Соколов О. М. Основы имPLICITной морфологии русского языка / О. М. Соколов. - М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 202с.
202. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике / Ф.Соссюр. – М.: «Прогресс», 1990. -275с.
203. Староедова Л. В. ИмPLICATивные отношения в структуре предложения и текста (На материале французского языка)/ Людмила Валентиновна Староедова. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. - Киев, 1992. - 21с.
204. Степанов Ю.С. В поисках прагматики: проблема субъекта / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка.-1981а.- Т. 40, № 4.- С. 325-332.

205. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка.(Семиотические проблемы лингвистики; философии, искусства) / Ю.С. Степанов – М.: Наука, 1985.- 335с.
206. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов – М.: Эдиториал УРСС, 2001а.-312с.
207. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин - Воронеж, 1985.-171 с.
208. Стернин И. А. Практическая риторика / И.А. Стернин - Учеб. пособие для студентов вузов. - М.: Academia, 2003.- 268с.
209. Сыщиков О. С. Имплицитность в деловом дискурсе. На материале текстов коммерческих писем / Олег Серафимович Сыщиков. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Волгоград, 2000. -206с.
210. Тамразов А. В. Делокутивная номинация в языке и речи (на материале французского и русского языков) /Армен Вячеславович Тамразов - Диссертация ... канд. филол. наук. - Пятигорск, 2006. – 170с.
211. Тамразова И.Г. Функционально-прагматические характеристики эристического дискурса (на материале французского и русского языков)/ Илллона Геннадьевна Тамразова – Диссертация... канд. филол. наук. - Пятигорск, 2009. – 211с.
212. Теория и практика анализа текста в аспекте скрытой прагмалингвистики / Матвеева Г. Г. и др. - Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2007. -192с.
213. Третьякова Е. А. Фольклорно-мифологический импликационал художественного текста как проблема перевода: на материале произведений Дж. Р.Р. Толкина / Елена Александровна Третьякова. – Диссертация ... кандидата филологических наук. - Санкт-Петербург, 2006. -295с.
214. Федосеева А.В. Имплицитная модальность высказывания в коммуникативно-прагматическом аспекте/ Анна Владимировна Федосеева. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Белгород, 2005. - 209с.

215. Федосюк М. Ю. ИмPLICITная предикация в русской речи / Михаил Юрьевич Федосюк. - Автореферат дис. ... доктора филологических наук. – М., 1989. -32с.
216. Федотова В. Ю. Функционально-прагматическая характеристика фатических стратегий французского языка / Валерия Юрьевна Федотова - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Пятигорск, 2004.- 140с.
217. Федяева Н. Д. Наивные представления носителей русского языка о норме и антинорме в эксплицитной и имплицитной семантике языка и речи / Н. Д. Федяева. - Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2009. -104с.
218. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1990. -448с.
219. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – М.: «Университетская книга», 1997. - 319с.
220. Фролкина Л. В. Смысловые имплицатуры при выражении и восприятии интенционального значения высказывания / Людмила Вадимовна Фролкина. - Диссертация ... кандидата филологических наук. – М., 1995.- 194с.
221. Хворостин Д.В. Скрытые компоненты смысла высказывания. Принцип выявления / Денис Владимирович Хворостин. - Диссертация ... кандидата филологических наук. - Челябинск, 2006. - 145с.
222. Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга - М.: Прогресс Традиция, 1997.- 414с.
223. Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики / Н. Хомский // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Сёрль.- М.: Едиториал УРСС,2010.- С. 99-140.
224. Художественный текст: явное и скрытое / Сб. науч. материалов. Ред. Т. Н. Тимонен, Л. А. Купец. - Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. -320с.
225. Черенков А.С. Интеракционально-прагматические характеристики категории речевого противодействия во французском дискурсе / Александр Сергеевич Черенков.- Автореферат диссертации... кандидата филол. наук. – Воронеж, 2011. -24с.

226. Шамугия Л. Г. Функционально-прагматические характеристики французского парентетического дискурса (на материале парламентских дебатов)/ Людмила Григорьевна Шамугия – Дис. ... канд. филол. наук. - Пятигорск, 2006.- 208с.
227. Шатилова Л. М. Эксплицитные и имплицитные возможности выражения пожеланий добра в немецком и русском языках / Л. М. Шатилова. – Мичуринск: Изд-во МичГАУ, 2010. -182с.
228. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И.Б. Шатуновский – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.- 400с.
229. Шахнарович А.М. Общая психолингвистика / А.М. Шахнарович М.: РОУ, 1995.- 96с.
230. Швайдак В.В. Межличностное общение и процесс понимания. Социально-философский аспект / Валентина Владимировна Швайдак – Диссертация...канд. филос. наук.- Липецк, 2004.- 170с.
231. Шенк, Р., Бирнбаум, Л., Мей, Дж. К интеграции семантики и прагматики / Р. Шенк, Л. Бирнбаум, Дж. Мей // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 24. Компьютерная лингвистика.- М.: Прогресс, 1989. - С. 32-48.
232. Шпербер, Д., Уилсон, Д. Релевантность / Д. Шпербер, Д. Уилсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. - С. 153-212.
233. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев – М.: Языки славянской культуры, 2002.-144с.
234. Шутова Т. А. Семантика отрицания и способы её имплицитного выражения в русском языке / Татьяна Альбертовна Шутова. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. СПб., 1996. -16с.
235. Эккерт А. Ф. Способы выражения умозаключения в современном немецком языке. К диалектике взаимодействия эксплицитного и имплицитного логического содержания основных единиц языка/ Альвина Федоровна Эккерт. - Автореферат дис. ... кандидата филологических наук.- М., 1991.- 23 с.

236. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / У. Эко. - СПб: Симпозиум, 2002. - 285с.
237. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. - СПб.: Симпозиум, 2007. - 502с.
238. Anscombe J.-Cl. «La problématique de l'illocutoire dérivé» / J.-Cl. Anscombe // *Langage et Société* 2, 1977.- P. 17-41.
239. Armengaud F. La Pragmatique / F. Armengaud. - Paris: Presse Universitaire de France, 1985. - 127p.
240. Auchlin A. Le bonheur conversationnel : fondements, enjeux et domaines/ A. Auchlin // *Cahiers de linguistique française*. № 12. Genève: Université de Genève, 1991. - P.103-124.
241. Austin J.L. Quand dire, c'est faire/ J.L. Austin. - Paris: Seuil, 1970. -187p.
242. Baker G. P., Hacker P.M.C. Language, science and nonsense / G. P. Baker, P.M. C. Hacker. — Oxford. Basil Blackwell, 1984. — XIII, 397p.
243. Benveniste E. L'appareil formel de l'énonciation / E. Benveniste // *Langages*, 217, 1970. -P.12-18.
244. Berrendonner A. Les référents nominaux du français et la structure de l'énoncé / A. Berrendonner. - Thèse. - Lille: Atelier Nat. de reproduction des thèses, 1983.- 649p.
245. Cervoni J. L'énonciation / J. Cervoni. — P.: Presse Universitaire de France, 1987. - 128p.
246. Charaudeau P. Une analyse sémiolinguistique du discours / P. Charaudeau // *Langages*, № 117.- P.: Larousse, 1995.- P. 96-111.
247. Dostie G. Pragmaticalisation et marqueurs discursifs. Analyse sémantique et traitement lexicologique / G. Dostie. — Bruxelles : De Boeck & Larcier, Duculot, 2004.- 294p.
248. Ducrot O. Dire et ne pas dire / O. Ducrot. - P. : Minuit, 1980.- 311p.
249. Ducrot O. Le dire et le dit / O. Ducrot. - P.: Minuit, 1984. — 239p.
250. Eluerd R. La pragmatique linguistique / R. Eluerd. - Paris: Nathan, 1985.- 222p.

251. Fauconnier G. *Espaces mentaux. Aspects de la construction du sens dans les langues/ G. Fauconnier.* - P.: Minuit, 1984. - 216p.
252. Fauconnier G. *Mappings in thought and language/ G. Fauconnier.* - Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1997. - 205 p.
253. Fauconnier G. & Turner M. *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities/ G. Fauconnier M.& Turner.* -New York: Basic Books, 2002. - 464 p.
254. Fodor J.A. *La modularité de l'esprit / J.A. Fodor.* - P.: Minuit, 1986.-342p.
255. Germain C. *La notion de situation en linguistique / C. Germain.*- Ottawa, Canada, Université d'Ottawa, 1973. - 168p.
256. GeorGIN R. *Jeux des mots/ R. GeorGIN.* - P.: Bonne, 1957.- 370p.
257. Goffman E. *Façons de parler/ E. Goffman.* - P.: Minuit, 1987.- 278p.
258. Gordon D., Lakoff G. *Postulats de conversation / D. Gordon, G. Lakoff // Langages. N 30. P., Didier-Larousse, 1973.- P. 32-55.*
259. Grice P. *Logic and conversation / P. Grice // Syntax and semantics. New York, 1975. - Vol. 3: Speech acts. - P. 42-58.*
260. Grice H.P. *Logique et conversation / H.P. Grice //Communications, 30. -P.: Seuil, 1979. -P. 57-72.*
261. Halliday M.A.K. *Explorations in the functions of language / M.A.K. Halliday.* - London, Arnold, 1973.-143p.
262. Hammad M. *L'énonciation: procès et système/ M. Hammad // Langages, 1983, № 70.-P.35-46.*
263. Harnish R. M. *Logical form and implicature / R. M. Harnish // An integrated theory of linguistic ability. Hassocks, 1977.- 362*
264. Hellman Ch. *Implicitness in discourse / Ch. Hellman.* -Stockholm: Dep. of linguistics. Stockholm univ., 1992. -185p.
265. Heuvel (van den) P. *Parole, mot, silence/ P. van den Heuvel.* -P.: Librairie Jose Corti, 1985.-319p.
266. *Histoire des conceptions de l'Énonciation. // Histoire, Epistemologie, Langage. T.8. – P.: Press Universitaire de Vincennes, 1986.-262p.*

267. Hymes D.H. Vers la compétence de communication / D.H. Hymes - P.: Hatier-Crédif, 1984. – 319p.
268. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage / C. Kerbrat-Orecchioni. – Ed. 4. – P.: A. Collin, 1980. – 290 p.; P.: A. Collin, 2002. – 267 p.
269. Kerbrat-Orecchioni C. L'implicite / C. Kerbrat-Orecchioni. – P.: A. Collin, 1986. – 404 p.
270. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales / C. Kerbrat-Orecchioni.-T I. -P.:A. Collin, 1990. - 318p.
271. Langue française. -№ 42. La pragmatique. - P.: Larousse, 1979.- 157p.
272. Leech G.N. Principles of pragmatics. -NY., London: Longman, 1983. -250p.
273. Moeschler J. Argumentation et Conversation. Eléments pour une analyse pragmatique du discours / J. Moeschler. -P.: Hatier, 1985.- 203p.
274. Moeschler J. Pragmatique conversationnelle et pragmatique de la pertinence / J. Moeschler // Cahiers de linguistique française. Genève, 1988. – № 11. – P. 65-85.
275. Moeschler J. Modalisation du dialogue. Représentation de l'inférence argumentative / J. Moeschler. – P., Hermès, 1989. – 266 p.
276. Morris Ch. Aesthetics and Theory of signs / Ch. Morris // The Journal of Unified Science. - Erkenntnis, 1939, vol. 1—3, p. 140.
277. Morris Ch. Signs, Language and Behavior / Ch. Morris. -New-York: Braziller, 1946. - 365p.
278. Moscovitch M. On the representation of language in the right hemisphere of the right-handed people / M. Moscovitch // Brain and language, vol. 3, № 1, 1976, p. 47-71.
279. Nicolaisen W.F.H. Anecdote / W.F.H. Nicolaisen //Folklore: an encyclopedia of beliefs, customs, tales, music, and art / Ed. by Thomas A. Green. - Santa Barbara, California: ABC-CLIO, Inc., 1997. - P.17-19.
280. Oléron P. Argumentation / P. Oléron. – P.: PUF, 1987. – 125p.
281. Peirce Ch. S. Ecrits sur le signe/ Ch. S. Peirce. – P.: Seuil, 1978. -266p.

282. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. Traité de l'argumentation. La nouvelle rhétorique /Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Bruxelles: Ed. De l'Université de Bruxelles, 1983. – 734 p.
283. Pottier B. Linguistique générale. Théorie et description / B. Pottier. P.: Klincksieck, 1974. -338 p.
284. Pottier B. Sémantique générale/ B. Pottier. -P.: PUF, 1992. -237p.
285. Reboul, A., Moeschler, J. Pragmatique du discours / A. Reboul, J. Moeschler. – P.: Armand Colin, 1998. – 220 p.
286. Recanati F. La transparence de l'énonciation / F. Recanati. -P. : Seuil, 1979.- 215p.
287. Recanati F. Les énoncés performatifs / F. Recanati. -P.,1981.- 289 p.
288. Robrieux J.-J. Eléments de rhétorique et d'argumentation / J.-J. Robrieux. – P.: Dunod, 1993. – 225p.
289. Roulet, E. Variations sur la structure de l'échange langagier dans différentes situations d'interaction / E. Roulet // Cahiers de linguistique française, 1988, № 9. – P. 27-37.
290. Roulet E. et al. L'articulation du discours en français contemporain / E. Roulet et al. – Berne: Peter Lang, 1985. – 272p.
291. Searle J.R. Les actes de langage / J.R. Searle. - Paris: Hermann, 1972.- 261p.
292. Watzlawick P. La réalité de la réalité / P. Watzlawick. - P.: Seuil, 1978. – 240p.
293. Weinrich H. Le temps / H. Weinrich. - P. : Seuil, 1973. -334p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

294. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1969.-607.
295. ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990.- 683с.

296. ТСРЯ - Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов/ РАН. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2008. – 1175с.
297. ЭСС - Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. – М.: Флинта: Наука, 2005.- 480с.
298. Dubois J. Dictionnaire de linguistique / J. Dubois et al. - P.: Larousse, 1973.- 516р.
299. Ducrot O., Todorov T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. P.: Seuil, 1972. - 474р.
300. TLF - Trésor de la langue française. Dictionnaire Académique de la langue française.- Т.1-12,14. P.: Librairie Larousse, 1971-1978.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТ

301. Аристов С.А., Сусов И.П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика. Разговорный дискурс. /С.А. Аристов, И.П. Сусов. - 1999. — Режим доступа: [http:// www.trersu.ru/~susov/Aristov.htm](http://www.trersu.ru/~susov/Aristov.htm).
302. Баранов А.Г. Интерпретация: от понимания к рефлексии / А.Г. Баранов // Hermeneutics in Russia. – Published by Tver State University Internet Center, 1998. – Vol. I. – Режим доступа: <http://www.university.tversu.ru/Science/Hermeneutics> 1998-1.
303. Бенвенист Э. Семиология языка / Э. Бенвенист // Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974. - С. 69-89. - Режим доступа: [http:// philology.ru/linguistics1/benvenist-74d.htm#1](http://philology.ru/linguistics1/benvenist-74d.htm#1)
304. Бор Н. Дискуссии с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике / Н. Бор // Успехи физических наук. - Т . LXVI, вып.4, Декабрь 1958г. – С. 571-598. – Режим доступа: http://ufn.ru/ufn58/ufn58_12/Russain/r5812b.pdf

305. Козинцев А.Г. Культура, природа, язык, смех/ А.Г. Козинцев // Когнитивные исследования. 2006. Вып. 1. - С. 225-238. – Режим доступа: [krotov.info> lib_sec/ 11_k/ koz/inzev_01.htm](http://krotov.info/lib_sec/11_k/koz/inzev_01.htm)
306. Чуковский К. Собрание сочинений в 15 т. Т. 2: - От двух до пяти. / К. Чуковский.- М., Терра - Книжный клуб, 2001. - Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Ot2do5/Ot2do5.htm>
307. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности /Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев// Жанры речи: сборник научных статей. Саратов, 1999. — Режим доступа: [http:// www.ruthenia.ru / folklore /index.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/index.htm).
308. Шмелева Е., Шмелев А. Клишированные формулы в современном русском анекдоте / Е. Шмелева, А. Шмелев // Труды Международного семинара ДИАЛОГ'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2000. – Режим доступа: [http:// www.ruthenia.ru / folklore /index.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/index.htm).
309. TLFi- Trésor de la langue française informatisé . - Код доступа: [http://atilf.atilf.fr/ tlf. htm](http://atilf.atilf.fr/tlf.htm)

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

310. Камю А. Миф о Сизифе / А. Камю // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. – 398с.
311. КА - Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. - М.: Наука, 1990.
312. Хармс Д. Собрание сочинений в № т. Т.1: Авиация превращений.- СПб.: Азбука, 2000. - 416с.
313. САМ - Carroll L. De l'autre cote du miroir.- P.: Jean-Jacques Pauvert, 1984. – 188р.
314. CLG - Carroll L. Through the Looking Glass / L. Carroll // Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье. На англ.яз. – М.: «Менеджер», 1999.-160с.

315. Копныс ND - Nègre H. Dictionnaire des histoires drôles T.I / H. Nègre. -,II.
- P.: Fayard, 1973.- T.I - 517p.; Nègre H. Dictionnaire des histoires drôles T.II /
H. Nègre. - P.: Fayard, 1973.-; T.II.- 506p.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Концептуальное картирование пропозиционального пространства французского анекдота (фреймы и их слоты)

Фрейм I и его слоты		Фрейм II и его слоты	
Etranger	312	Vie de tous les jours	165
AFRIQUE	61	ASSURANCES	6
ALLEMAGNE	21	CIGARE	5
AMERIQUE	65/44	CHAUSSURES	10
ANGLETERRE	48/39	CHEMISE	4
ARABE	18	CHAPEAU	9
BELGIQUE	6	CAFARD	6
CHINOIS	16	BISTROT	46
ECOSSE	14	AUTOMOBILE / CIRCULATION	120
ESPAGNE	8	FRIC/ ARGENT	71
ESQUIMAU	8	GAZ /ALLUMETTES	4
FAR-WEST/ COW-BOY	25	METRO	18
ITALIE	13	MOUSTACHE/ BARBE	6
JAPON	13	PANTALON	8
ISRAEL / JUIF ANTISEMITISME	109	RECEPTION	
MEXIQUE	9	RESTAURANT	12
NEGRE	28	SOUS-VETEMENTS	14
RUSSIE	22	TELEPHONE	6
SUISSE	10	TERRASSE	6
AUTRES	13	TRAIN/ AVION	22
Etrange/Infirme/ Marginal	307	TROTTOIR	9
ABSURDE	26	URINOIR	4
ATROCE	33	W.-C.	6
EUNUQUE	13	ZOO	8
ENFER	10	AUTRES	78
INFIRME	2	Professions (occupations)habituelles	426
EXTRA-LUCIDE	5	BONNE	15
FANTOME/ FÉE	6	BUREAU	31
BEGUE	13	COIFFEUR	18
BOUGNAT	9	COMEDIEN	23
FOLLES	22	CONCIERGE	6
FOUS	48	CINEMA	23
CANNIBALE	27	CIRQUE	27
BORGNE	6	DACTYLO	10
IVROGNE/ ALCOOL	9	DOCTEUR	68
CLOCHARD	34	HOPITAL	18
MARTIENS	12	HOTEL	29
MONSTRE	10	MAGASIN	8
NAIN	6	MUSIC-HALL	21
OBESE	5	MUSIQUE	9
TIMIDE	4	OFFRES D'EMPLOI	7
AUTRES	7	ORDINATEUR	14

Professions (occupations) exotiques	100	OUVRIER	13
ACROBATE	13	PECHE	8
FAUSSAIRE	4	PEINTURE	5
CASINO	4	PHARMACIE	26
CARNAVAL	7	PHILOSOPHIE	4
COSMONAUTE	11	PHOTOGRAPHIE	7
EXPLORATEUR	13	THEATRE	9
ILE DESERTE	4	AUTRES	27
PARACHUTE	11	Famille	324
TOURISME	12	ACCOUCHEMENT	29
SAVANT	5	ADULTERE/ COCU	47
SCAPHANDRIER	2	BEBE	43
ANTIQUAIRE	4	FILLETTE	44
AUTRES	6	GROSSESSE	31
Province française/ Campagne	100	HERITAGE	9
CORSE	13	MARIAGE/ DIVORCE	9
MARSEILLE	18	PROGENITURE	6
BOUGNAT	4	TESTAMENT	9
AUTRES	65	VEUVAGE	7
Haute société /Bourgeois/ Snob	184	VIEUX	2
ARISTOCRATIE/ CHATEAU	35	VIRAGO / BELLE-MÈRE	10
BAL	8	AUTRES	78
CHASSE	14	Enfance	306
BOURGEOIS	35	ECOLE	77
AFFAIRES	34	EDUCATION SEXUELLE	11
MILLIARDAIRE	3	EXAMEN	19
POLYTECHNICIEN	5	GARNEMENT	30
SNOB	17	PERE NOËL/ CADEAU	4
STARLETTE	13	TOTO	12
AUTRES	20	AUTRES	153
Histoire	69	Cuisine	85
ANTIQUITE	10	CHARCUTERIE	14
GUERRE	6	CUISINE	43
HISTOIRE DE FRANCE	3	AUTRES	28
MOYEN AGE/ CHARLEMAGNE	11	Amour / Sex	406
OCCUPATION	17	AMANT	17
JEANNE D'ARC	5	AMOUREUX	24
AUTRES	17	APHRODISIAQUE	26
Celebrites / Hommes d'Etat	115	COURRIER DU CŒUR	7
DE GAULLE	36	DEMANDE DE MARIAGE	37
HOMMES D'ESPRIT (Diogène)	2	JALOUSIE	15
AUTRES (Brejnev, Staline)	77	MASOCHISME	7
Politique	76	NYMPHETTE/ ALLUMEUSE	17
ADMINISTRATION	5	PROSTITUTION	38
DICTATEUR/ CHEF D'ÉTAT	65	VIERGE	5
POLITIQUE	4	VOLUPTE	13
AUTRES	2	AUTRES	200
Armée / Police	136	Religion	296
ADJUDANT	12	ADAM	4

BIDASSE/ CASERNE	42	ANGE	6
GENDARME/ FLIC	19	CATECHISME	6
GÉNÉRAL	6	CONFESSIONNAL	19
DOUANE	4	CURE	62
MARINE	5	DIABLE	7
AUTRES	48	DIEU	20
Sport	61	EVANGILE	20
BOXE	4	JESUITE	9
COURSES	14	JÉSUS	12
MONTAGNE	12	MISSIONNAIRE	6
POKER	4	PAPE	8
SKI	8	PARADIS	5
SPORT/ FOOTBALL	1	PRIERE	10
VELO	2	RABBIN	11
AUTRES	16	RELIGIEUSE	13
Animaux/ Insectes /Fruits exotiques	274	SERMON	11
BANANE	6	VIERGE	8
CHEVAL	18	AUTRES	59
CHEVRE	9	Accidents / Mort / Maladie	367
CHIEN	31	ACCIDENT	53
CHAT	14	CATASTROPHE	18
COQ	13	CHIRURGIE	26
CREVETTE	2	DENT	19
CROCODILE	8	CIMETIERE	30
ELEPHANT	10	ENTERREMENT	54
HERISSON	12	INCENDIE	6
HIPPOPOTAME	3	CADAVRE	13
INSECTE	16	MALADE	39
KANGOUROU	4	MEMOIRE	9
OISEAU	18	MYOPE	13
OURS	8	NAUFRAGE	7
PERROQUET	6	PSYCHIATRE/ FOUS	34
POISSON	3	ROULEAU COMPRESSEUR	11
SINGE	8	AUTRES	35
SOURIS	9	Crime	146
VER	5	ASSASSIN	19
VISON	6	BANDIT	15
ZEBRE	1	CONDAMNE A MORT	38
AUTRES	64	ESPIONNAGE	3
Faits divers	57	GANGSTER	12
FAITS DIVERS	24	PRISON	3
MIMIQUE	17	TRIBUNAL	9
RETOUR D'AGE	4	VOLEUR	26
AUTRES	12	AUTRES	21

ПРИЛОЖЕНИЕ II. В. В. ИВАНОВ О ПОСТИЖЕНИИ СМЫСЛА ЛИРИКИ Б. ПАСТЕРНАКА

Понять смысл имплицативно-нагруженного текста, коим является поэтический лирический текст, значит проникнуть в духовную лабораторию художника, в его ИКП (по В.В. Красновой – см. выше). Вяч. Вс. Иванов на примере одного стихотворения показывает, как «скрытые смыслы» поэта определяют смысл отдельного поэтического текста, и что на самом деле есть «интерпретация поэтического текста»:

«Перечитаем вместе с вами стихотворение Пастернака «Бабочка-буря»:

Бывалый гул былой Мясницкой
 Вращаться стал в моем кругу,
 И, как вы на него ни цыцкай,

 Он пальцем вам — и ни гугу.
 Он снится мне за массой действий,
 В рядах до крыш горящих сумм,
 Он сыплет лестницы, как в детстве,

 И подымает страшный шум.
 Напрасно в сковороды били
 И огорчалась кочерга:
 Питается пальбой и пылью
 Окуклившийся ураган.

 Как призрак порчи и починки,
 Объевший веточки мечтам,
 Асфальта алчного личинкой
 Смолу котлами пьет почтаamt.

 Но за разгромом и ремонтом,
 К испугу сомкнутых окон,
 Червяк спокойно и дремотно
 По закоулкам ткет кокон.

 Тогда-то, сбившись с перспективы,
 Мрачатся улиц выхода,
 И бритве ветра тучи гриву
 Подбрасывает духота.

 Сейчас ты выпорхнешь, инфанта,
 И, сев на телеграфный столб,
 Расправишь водяные банты
 Над топотом промокших толп.

Воспользуемся этим стихотворением для того, чтобы попытаться на его примере понять, **как можно подойти к постижению смысла лирики Пастернака**. Многим стихотворение покажется темным или вовсе непонятным. Попробуем преодолеть недостаточность своего понимания. Нам могут для этого понадобиться кроме сличения разных вариантов этого стихотворения и другие поэтические произведения поэта, иногда и его проза и письма. Мы будем уходить, и иногда надолго, от того текста, с которого начинается наше размышление. Мы будем разбирать другие произведения поэта и цитировать его собственные свидетельства о его эстетических взглядах. Не будем ограничивать поле исследования. Напротив, расширим его по возможности до всего сделанного и задуманного поэтом, выбрав самые показательные образцы, и часто заглядывая в творчество других ему близких авторов. Научно-образное сочетание «анализ одного стихотворения» из плодотворного можно превратить почти в бессмыслицу (если не того хуже), приняв его буквально и ограничив себя аскетически разбором ритмических и грамматических построений, звукописи и словаря строго внутри одного только этого текста. Даже если речь идет о казалось бы совершенно внутренне замкнутом стихотворении, и то мы где-то на этом пути остановимся в недоумении, не совсем зная, кому и куда, в какую казну сдать поэтические сокровища, обнаруженные при таком разборе. Мы ведь не спросили заранее у стихотворения, хочет ли оно уйти в тот одинокий скит, куда оно по нашей (а не своей или поэта, его написавшего, воле) попало и где оно томится, как в застенке. Сам поэт издает стихи сборниками-книгами (Пастернак любил это слово) или хотя бы циклами (тоже для Пастернака важными), заботится об их слаженности. При жизни своей, читая на вечерах, обдумывает порядок чтения. Они как-то соотнесены с тем, что раньше писалось им самим или до него. Вправе ли мы от этого отвлечься не в качестве единичного эксперимента, а превратив это в развернувшуюся широко деятельность, когда такие поточные разборы (по одному стихотворению из одного поэта, да еще каждое разбирается разными учеными) становятся массовой продукцией? В этом я склонен усомниться.

Совместными усилиями многих исследователей скорее можно попытаться понять самого поэта (а его, как любого из нас, анализировать пока мы, слава Богу, не научились, к пониманию в лучшем случае лишь начали приближаться). **Именно понять, а не просто разложить на части, сколько бы любопытных и терминологически верных наблюдений мы не были в состоянии высказать по их поводу.** Целое же дано нам в едином стихотворении, и в том единстве, которое образуют вместе с ним другие стихи поэта (или хотя бы часть их, объединенная либо им самим, либо нами, но по признакам неслучайным), далее, в том единстве, которое поэт образует со своею частной биографией, с общей историей, с явленной ему действительностью и с тою литературой (национальной и общеевропейской), которой он принадлежит» [Иванов 1998:17-18] (*Выделено нами - Ж.А.*).

Анализу стихотворения В.В. Иванов посвящает **тринадцать глав** своей книги (см. [Там же: 17-140]).

